

Светлана Казакова, Ирина Шевченко

Судьба на выбор

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Annotation

Из учениц пансиона — в невесты? Как бы не так! Мечта Гвендолин — написать книгу, а такое увлечение едва ли позволительно жене аристократа. Выход найден — обменяться местами с подругой и под чужим именем отправиться в деревню, где нужна учительница. Вот только вместо тишины и покоя там ее ждут опасности, уроки магии и... любовь.

- [Светлана Казакова, Ирина Шевченко](#)

-
- [ПРОЛОГ](#)
- [ГЛАВА 1](#)
- [ГЛАВА 2](#)
- [ГЛАВА 3](#)
- [ГЛАВА 4](#)
- [ГЛАВА 5](#)
- [ГЛАВА 6](#)
- [ГЛАВА 7](#)
- [ГЛАВА 8](#)
- [ГЛАВА 9](#)
- [ГЛАВА 10](#)
- [ГЛАВА 11](#)
- [ГЛАВА 12](#)
- [ГЛАВА 13](#)
- [ГЛАВА 14](#)
- [ГЛАВА 15](#)
- [ГЛАВА 16](#)
- [ГЛАВА 17](#)
- [ГЛАВА 18](#)
- [ГЛАВА 19](#)
- [ГЛАВА 20](#)
- [ГЛАВА 21](#)
- [ГЛАВА 22](#)
- [ГЛАВА 23](#)
- [ГЛАВА 24](#)
- [ГЛАВА 25](#)
- [ГЛАВА 26](#)

- [ГЛАВА 27](#)
 - [ГЛАВА 28](#)
 - [ГЛАВА 29](#)
 - [ГЛАВА 30](#)
 - [ГЛАВА 31](#)
 - [ГЛАВА 32](#)
 - [ГЛАВА 33](#)
 - [ГЛАВА 34](#)
 - [ГЛАВА 35](#)
 - [ГЛАВА 36](#)
 - [ГЛАВА 37](#)
 - [ГЛАВА 38](#)
 - [ГЛАВА 39](#)
 - [ГЛАВА 40](#)
 - [ГЛАВА 41](#)
 - [ГЛАВА 42](#)
 - [ГЛАВА 43](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Светлана Казакова, Ирина Шевченко
СУДЬБА НА ВЫБОР

ПРОЛОГ

Ничто не предвещало дурного.

Гвендолин перебирала свой скромный гардероб, размышляя о том, что он безнадежно отстал от моды. Иногда в пансион попадали журналы, так что сей прискорбный факт был достаточно очевиден. Но для того, чтобы встретиться с подругами, которым, как и Гвен, вот-вот предстояло покинуть пансион, годился любой из нарядов. К счастью девушек, в последнее время из-за приближающегося выпуска требования к старшим ученицам упростились, и, вместо того чтобы, зевая, сидеть на занятиях, те могли спокойно собраться в предназначенной для проведения досуга общей гостиной, поболтать и помечтать о грядущем, которое пока рисовалось далеко не в темных тонах.

Гвендолин уже стояла в дверях, когда ей доставили письмо.

«От дядюшки!» — обрадовалась она и тут же распечатала конверт, надеясь обнаружить внутри хрусткую купюру. Купюра действительно наличествовала, однако вместе с деньгами в конверте лежало письмо, прочитав которое потрясенная Гвен вскрикнула. Уж чего-чего, а такого она от опекуна не ожидала — во всяком случае, столь скоро.

«Гвендолин! — гласило послание, написанное мелким экономным почерком. И никаких тебе „милая Гвен“ или „дорогая племянница“. — Ты уже совершеннолетняя и получила достойное образование, на которое я, надо заметить, не поскупился. В последнем письме ты заявила, что собираешься возместить мои убытки, связанные с твоим обучением, и поступить на службу гувернанткой или учительницей. Не могу позволить позорить меня. Я считаю, что каждая девица, пока в ее голове не завелись ненужные мысли или, упаси высшие силы, пустые мечтания, должна выйти замуж. Что ты и сделаешь в ближайшее время. Жениха я уже подыскал. Он довольно богат и знатен, если тебя интересует его положение. К тому же твой будущий супруг настолько благороден, что даже отказался от приданого, которое я собирался тебе выделить».

Девушка всхлипнула. Рука с зажатым письмом безвольно свесилась с подлокотника кресла, на которое Гвендолин, пораженная внезапным известием, рухнула. После этого известия все ее любовно выпестованные мечты превращались в ничто — как клочки бумаги, которые сгорают в пламени, становясь пеплом.

— Нет! — произнесла вслух Гвен, поднимаясь на ноги. — Я не дам

такому случиться! Я что-нибудь придумаю и непременно выкручусь!

Она выбежала в коридор и тут же столкнулась с возвращавшейся в их общую комнату соседкой. Идея возникла мгновенно! Гвендолин нетерпеливо увлекла подругу в спальню, закрыла дверь и для надежности приперла стулом, чтобы их не застали врасплох за крамольной беседой.

— В чем дело? — Соседка недоумевающе захлопала глазами.

— Прочти! — Гвен сунула ей под нос изрядно помятое письмо. — Вот что я сегодня получила!

— О, мои поздравления! Какая удача! Ты скоро станешь невестой, и тебе совсем не придется работать!

— Удача? А меня он спросил?

— Но, Гвен... — растерянно произнесла подруга. — Я думала, ты рада. Любая обрадовалась бы на твоём месте!

— И ты? — прищурилась Гвендолин.

— Конечно!

— Отлично, тогда займи мое место!

— Что?!

— Посмотри, как все замечательно складывается, — принялась уговаривать ее Гвен, все больше приходя в восторг от того, как вовремя появилась у нее эта идея. — Дядя не навещал меня ни разу и понятия не имеет, как я выгляжу. А еще у нас почти одинаковые имена — ты Гвенда, а я Гвендолин. Потому мы неизбежно обернемся, когда нас позовут.

Должно быть, воспитательнице, когда-то поселившей девушек вместе, это казалось забавным. Да и внешне они походили друг на друга. У Гвендолин, хрупкой и невысокой, было милое личико, еще не утратившее детской округлости, каштановые с рыжеватым отливом волосы, светлые глаза и россыпь веснушек на щеках. Гвенда переросла подругу на дюйм, волосы ее были немного рыжее, фигура — чуть плотнее, а глаза — карие, но эти отличия — сущие мелочи, особенно для того, кто никогда не видел ни одну из них.

— Ты сама сказала, что не отказалась бы от такого письма! — продолжала убеждать Гвендолин. — Вот я и предлагаю поменяться. Ты под моим именем отправишься к дяде и выйдешь замуж за его кандидата, а я под твоим — поеду туда, куда тебя отправили работать. Ты же мне все уши прожужжала, как тебе не хочется работать учительницей и возиться с сельской ребятней!

— Ты сошла с ума! — испуганно выпалила Гвенда. — Твой дядя догадается и выставит меня вон!

— Не догадается! Мы так долго прожили в одной комнате, что ты все

про меня знаешь. У нас даже почерки похожи, да и не зря мы учились копировать подписи друг друга.

— Но почему ты сама не хочешь ехать?! — всплеснула руками подруга.

— Я не думала выходить замуж так рано. Сначала собиралась поработать. И самое главное — если я стану чьей-то женой прямо сейчас, не закончу свою книгу.

— О-о-о! — Гвенда закатила глаза. — Так и знала, что ты это скажешь!

— Супруг может решить, что написание романов — недостойное для женщины занятие. И потребует, чтобы жена сожгла рукопись, чего я просто не переживу! А еще я уверена, что ни один мужчина, даже самый богатый и знатный в королевстве, не сравнится с моим героем!

— Гвендолин Фолстейн! — закричала Гвенда. — Твой герой — ненастоящий! Он никогда не пригласит тебя на танец и уж тем более не поведет к алтарю! Все закончится тем, что ты останешься старой девой, а если твою историю возьмут в печать, даже имени твоего на обложку могут не поставить! Попомни мое слово!

— Ну и пусть! Зато ты будешь счастлива! Только представь, Гвенда Грин, сейчас ты на пороге невероятной удачи и сама можешь выбрать свою судьбу: стать сельской учительницей или женой обеспеченного человека. Ну же, соглашайся!

— Кажется, теперь и я начинаю сходить с ума вместе с тобой...

— Пожалуйста-пжалуйста-пжалуйста! Я буду хорошо работать, вот увидишь! Стану жить просто, тихо и спокойно, а долгими вечерами буду дописывать книгу. И, конечно же, мы станем обмениваться письмами.

— Так вот оно какое — искушение! — прошептала Гвенни, прижимая ладони к покрасневшимся щекам. — А я-то думала, про него только в романах пишут. О, Гвендолин, скажи, что ты пошутила!

— Я совершенно серьезна, — заверила ее Гвен. — Не упускай свой шанс! Сама знаешь — у покровительницы удачи волосы летят впереди нее, а не сзади, так что, догоняя, за них не ухватишься, поздно будет!

— А если жених — настоящий альд?

— Вполне возможно.

— И молод, и хорош собой?

— Не исключено.

— Но ты все равно от него отказываешься?

— Зато ты можешь согласиться! А если... Если тот мужчина окажется каким-нибудь ужасным чудовищем, обещаю, я приеду и расскажу правду. Но, надеюсь, все сложится хорошо, и ни ты, ни я даже думать не станем о

том, что могли бы идти каждая своим путем. Мы перехитрим судьбу, Гвенни!

— Как ты складно говоришь! — вздохнула подруга. — Но, может быть, для начала назначат какой-то испытательный срок? Ведь не сыграют же свадьбу сразу после моего приезда? Правда? Так спешить даже неприлично!

— Верно! — поддержала ее Гвендолин. — У тебя будет время присмотреться к нареченному. Так как, по рукам?

Она подарила Гвенде самую лукавую из своих улыбок и протянула руку.

ГЛАВА 1

В почтовой карете сильно трясло, и место попало не у окна. Гвендолин, которой пришлось нынешним утром встать раньше, чем обычно, рассчитывала поспать в дороге, но то, что ей это не удалось, не портило приподнятого настроения, впрочем, как и другие тяготы путешествия. Девушка морщилась от запаха прокисшего молока, исходившего от ее дородной соседки, молча терпела, когда на остановках кто-то из попутчиков, покидая экипаж, наступал ей на ногу или на платье, тихонько охала, если карету подбрасывало на ухабах, а в мечтах уже видела себя в конце пути — в деревеньке Трелони. Думалось, что место, носившее столь гордое название, непременно окажется красивым и уютным, а его жители радушно примут новую учительницу. Но главное — Гвен взяла судьбу в свои руки и больше не зависела ни от денег опекуна, ни от его желаний. Гвенде, которая покинула пансион несколькими днями ранее и, должно быть, уже примеряла наряд для помолвки, она ничуть не завидовала. Гвендолин не мечтала о скором замужестве, хозяйстве и детях. Конечно, однажды все это войдет в ее жизнь, но не сейчас и уж точно не так — с письмом практически незнакомого ей родственника.

Пока единственным мужчиной, которого она видела рядом с собой, оставался Арчибальд. И сейчас Гвен ощущала еще большее родство со своим героем. Ведь и ему пришлось шагнуть за порог родного дома, чтобы начать долгое путешествие, которому предстояло закончиться только в самом финале романа.

— Приехали! — ворвался в ее мысли голос возницы.

С трудом переставляя отекавшие от сидения в неудобной позе ноги, Гвен выбралась из кареты, поставила на землю оттягивающий руку саквояж с вещами и книгами и огляделась.

— Пойдите, но ведь это не деревня! — воскликнула она, поняв, что ее высадили на притулившейся к опушке леса маленькой почтовой станции, рядом с которой не наблюдалось даже трактира.

— Деревня там. — Возница махнул в сторону широкой просеки. — Но карета туда не идет.

— А как же я?

— Вас, вероятно, должны встречать. На телеге или еще как-то. Поищите.

На телеге? Гвен мысленно ужаснулась такой перспективе. Но,

побродив вокруг станции и убедившись, что никто и не думает ее встречать, поняла, что обрадовалась бы не то что телеге — тачке, на которую можно погрузить поклажу. Увы, даже тачки за ней из Трелони не прислали. Между тем девушка стала замерзать. Пока весна началась лишь по календарю, здесь, в северной части королевства, еще не сошел снег, и легкий морозец, быстро напомнимший о себе, пощипывал щеки.

Гвендолин остановилась за углом покосившейся конюшни и закусила губу, размышляя, что ей делать дальше. Как бы поступил на ее месте Арчибальд? Ему приходилось ночевать и на голой земле, так что он наверняка не растерялся бы. Но ведь Арчибальд — мужчина! Ему куда проще, чем ей.

Гвен самым постыдным образом всхлипнула. Мужчинам всегда проще. И магам...

Она поспешно отогнала последнюю мысль и закрыла глаза, приказав себе успокоиться. А когда открыла их снова, перед ней возникло дивное видение: карета с гербом, запряженная четверкой холеных лошадок.

Залюбовавшись, Гвендолин сама не заметила, как подошла поближе и очутилась прямо перед человеком, который вышел из кареты, не дожидаясь, пока кучер откроет ему дверцу.

Мужчина отшатнулся и охнул от неожиданности.

— Простите, — пролепетала Гвен.

Незнакомец присмотрелся к ней, но успокоился далеко не сразу. Сгустившиеся сумерки не помешали увидеть, как он побледнел.

— Кто вы? — спросил мужчина отрывисто, но тут же, устыдившись своей резкости, поинтересовался вполне учтиво: — Вы хотите мне что-то сказать?

Он выглядел намного старше Гвен, однако значительно моложе преподавателя истории и священнослужителя — единственных представителей мужского пола, с которыми она общалась в пансионе. Не слишком высокий, стройный, с правильными чертами лица и чуть тронутыми сединой темными волосами, очень прилично одетый, мужчина, если забыть о первых мгновениях встречи, производил приятное впечатление, и Гвендолин хотелось верить, что он не обратит внимания на ее помятое в дороге платье с перепачканным в грязи подолом.

— Мне нужно в деревню Трелони, — сообщила она, поклонившись. — Я приехала, чтобы работать там учительницей, однако меня никто не встретил, а уже почти вечер, и я...

Гвен опустила глаза, боясь, что вот-вот расплачется от растерянности и досады. Ускользнуть от надзора дядюшки и попасть в такое положение!

— Вот как? — Владелец роскошного экипажа оглядел ее с головы до пят. — Значит, учить детей будет этакая птичка-невеличка? А имя у вас есть?

— Гвендо... Гвенда Грин.

— Вы уверены, что известили деревенского старосту о дате приезда?

— Это должна была сделать начальница пансиона, но, возможно, письмо еще не дошло.

— Что ж, в таком случае подождите меня в карете, — распорядился незнакомец в полной уверенности, что она выполнит сказанное. — Я скоро вернусь.

— В вашей карете? — оторопела девушка. — Но...

— Мое имя Карлион Линтон, — разъяснил мужчина. — Я — сквайр деревни. Все ее жители — мои арендаторы.

— Приятно познакомиться, альд Линтон! — пискнула Гвен и поклонилась еще раз.

С полминуты поразмыслив, прилично ли ехать в одном экипаже с едва знакомым мужчиной, она все же воспользовалась приглашением, юркнула в карету и заняла место в углу, мысленно позаимствовав чуточку храбрости у своего героя.

— Если вам холодно, возьмите плед, — сказал ей Карлион Линтон, прежде чем уйти.

Поерзав на мягком сиденье и устроившись поудобнее, Гвендолин, отыскав плед, закуталась в него. Сразу стало теплее, но Гвен продолжала мелко дрожать — теперь уже от волнения. Все пошло не так гладко, как это виделось в мечтах. А подобной встречи и вовсе не предполагалось.

Отодвинув занавеску, девушка стала следить за новым знакомым. Тот неторопливо прошелся до конюшен, затем — до крыльца станции. Несложно было догадаться, что он кого-то ждет.

Спустя несколько минут, в течение которых Гвен хоть и зевала, но продолжала неотрывно наблюдать за сквайром, к станции подъехал еще один экипаж. Дверца его распахнулась, и с подножки на землю легко соскочил какой-то человек. По силуэту понятно было лишь то, что это мужчина, а по тому, как он двигался, что он еще не стар.

— Доброго вечера, сосед, — донесся до Гвен новый голос. — Не меня ли дожидаетесь?

— Вы хорошо знаете, что вас, альд Торнбран, — недовольно отозвался Карлион Линтон. — И уже давно.

— Разве я опоздал?

Внезапная вспышка осветила говоривших. Подняв над головой ладонь,

от которой исходил яркий белый свет, другой рукой новоприбывший потянулся к карману за часами. Гвендолин отпрянула от окна и зажмурилась, вжавшись в сиденье.

Маг!

В этом не было ничего ужасного и ничего необычного, ведь магов в королевстве немало, но сердце взволнованно колотилось в груди, и открывать глаза Гвен не торопилась. Она так и сидела, зажмурившись, и успокаивала себя мыслями о скором прибытии в деревню, о работе и о своей книге, а успокоившись, не заметила, как уснула.

Разбудили ее поток холодного воздуха и донесшийся сквозь сон голос.

— Вы разговаривали во сне, — известил ее устроившийся напротив сквайр Линтон. — Звали какого-то Арчибальда. Это ваш возлюбленный?

— Что? Нет, он герой... книжный, — смущенно созналась Гвендолин. — Очень достойный человек. Уже во второй главе он спас кошку.

— Весьма похвально с его стороны.

Уловив нотки веселья в голосе собеседника, Гвен нахмурилась, но тут же стушевалась еще сильнее. Едва ли ей следовало так вольно говорить с человеком старше ее и выше по положению. Вряд ли он заинтересуется ее романом. Такие люди наверняка читают что-то совсем другое. Может быть, философские трактаты?

— Простите, что утомил вас, заставив ждать, — извинился сквайр.

— Скорее меня утомила дорога сюда, — призналась Гвен, отводя взгляд от сидящего напротив человека и чувствуя себя неловко в показавшемся вдруг тесным полутемном пространстве кареты. — Вернуть вам плед?

— Не нужно, оставьте себе.

Когда экипаж плавно тронулся с места, Гвендолин отважилась отодвинуть занавеску, но второй кареты около станции уже не было. Девушка с облегчением вздохнула.

— Расскажите о себе, — попросил ее спутник. — Мне интересно, кто станет учительствовать в моей деревне. Откуда вы? Кто ваши родители?

— Отец был фермером, — ответила она осторожно. — Но ему не повезло — неурожай следовал один за другим, и землю пришлось заложить, а затем и продать. Отец умер от лихорадки, а мама... ее я совсем не помню.

Их с Гвендой истории были похожи, как и сами девушки. Вот только отец Гвендолин никогда не возделывал землю.

— Кто же устроил вас в пансион? — любопытно спросил альд Линтон.

— Дальний родственник.

— И почему вы не поехали к нему, закончив обучение?

— Его тоже уже нет в живых. — Гвендолин скрестила пальцы, мысленно попросив у дяди прощения. Пусть они никогда не встречались и письма от него не дышали родственной любовью, она была благодарна ему за полученное образование и счастливые годы, проведенные в стенах пансиона.

— Значит, вам не на кого рассчитывать, кроме себя самой?

— Да, — ответила она, придав себе самый кроткий вид, на который была способна. На строгих воспитательниц и преподавательниц это обычно действовало. — Но я намерена сохранять верность своему призванию и работать старательно.

— И вы совершенно не сомневаетесь, что учительство — ваше призвание? Вы ведь еще не пробовали преподавать. Пройдут годы, прежде чем вы сможете сказать эти слова с полной уверенностью.

— Возможно, — согласилась Гвен, не уточнив, что говорила вовсе не об учительстве. И спросила, чтобы сменить тему: — Далеко ли до деревни?

— Мы едем не туда, — ошарашил ответом сквайр. — Сейчас уже поздно, вас некому встретить. Крестьяне встают с рассветом, а ложатся спать рано, чтобы не тратить свечи. Поэтому сегодня вам придется остаться у меня.

— Но... — Гвен тяжело сглотнула, подбирая слова. — Прилично ли это?..

— Предпочитаете провести ночь под открытым небом? — с легкой усмешкой осведомился альд Линтон. — И если уж говорить о приличиях, с моей стороны будет вопиющим нарушением хорошего тона не проявить гостеприимства. Вы ведь приехали, чтобы учить детей моих арендаторов, помните?

Сложно было не признать его правоту, но Гвен все еще сомневалась.

— А ваша жена не станет возражать? — спросила она, не найдя иных поводов для отказа.

— Моя... кто? — отозвался сквайр неожиданно нервно.

— Ваша супруга, — повторила Гвендолин, запоздало пожалев о том, что не глянула раньше на левую руку спутника, есть ли на ней кольцо.

— У меня ее нет, возражать некому.

Карета остановилась. Кучер открыл дверцу. Остро и сладко запахло сосновой смолой и морозным воздухом.

— Будете моей гостьей? — Карлион Линтон протянул ей руку.

Имейся у Гвен выбор, она наверняка отказалась бы, невзирая на все

доводы. Но не коротать же ночь в лесу! На таком морозе до утра можно и не дожить.

— Вот и отлично, — удовлетворенно кивнул альд Линтон, когда она покинула карету вслед за ним. — Заходите в дом. Ваши вещи отнесут, Гвенда... Могу я называть вас просто Гвендой?

— Лучше — Гвен. Мне так привычнее.

Впереди темной каменной громадиной высился особняк. Здание пансиона обладало более впечатляющими размерами, но там Гвендолин так не робела. Сейчас же ей то и дело вспоминалась сказка о девушке, которая вот так же опрометчиво согласилась погостить в чужом доме — или то был замок? — и обнаружила, что его хозяин заколдован. Не хотелось бы ей оказаться в подобной сказке!

ГЛАВА 2

Внутри дом, несмотря на отсутствие хозяйки, оказался не только просторным и уютным, он был обставлен с большим вкусом. В таком месте хотелось поскорее сменить дорожное платье на удобную одежду, сесть у очага и попросить горячего шоколада, а затем наслаждаться им, неторопливо смакуя каждый глоток, чтобы растянуть удовольствие.

Впрочем, Гвен хватило бы и очага. Хоть она и согрелась в карете, северный климат ей явно не подходил. Сыграло свою роль и то, что в пансионе она лишь раз в день выходила на короткую прогулку, а потому давно не проводила столько времени, как сегодня, на свежем воздухе.

К счастью, в гостиной, куда ее проводили, ожидая хозяина, разожгли камин, и Гвен, присев в кресло, протянула руки к огню.

— Я распорядился приготовить вам комнату, — сообщил альд Линтон, вернувшись после недолгого отсутствия. — Но, боюсь, воздух в гостевых покоях может оказаться немного затхлым, у меня давно никто не останавливался.

— Ничего страшного! — смущенно отозвалась Гвен. — Вы так любезны, хотя я всего лишь...

— Вам бы больше понравилось, если бы я поселил вас в помещении для прислуги? — с мягкой иронией произнес сквайр. — Не нужно принижать себя, Гвен. Вы ведь не крестьянская девчонка, понятия не имеющая о манерах, а будущая учительница, светоч знаний в здешних глухих местах.

В его словах не слышалось насмешки, но Гвендолин все же казалось, что он подтрунивает над ней, и она смутилась еще сильнее.

— У вас замечательный дом, — сказала невпопад. — И эти акварели — это так... мило...

Она не нашла другого слова. Висевшие на стене и вдоль уходящей на второй этаж лестницы акварели, изображавшие деревенские пейзажи, и правда были по-простому милы, но казались совсем неподходящим украшением для обиталища обеспеченного холостяка.

— Вам действительно нравится? — улыбнулся хозяин. — Это работы моей сестры. Они напоминают мне о ней, о детстве и беззаботной юности, которые мы провели вместе в этом доме. Но с тех пор как Мэрион вышла замуж и перебралась в столицу, я остался один. Потому и радуюсь гостям, даже случайным. Вы ведь не откажетесь скрасить этот вечер?

— Я? — пролепетала Гвен. — Я не знаю...

— Поужинайте со мной, — предложил сквайр. — А потом... Что вы делали в пансионе в свободное от занятий время?

— Читала книги.

— А еще?

— Пыталась написать свою, — призналась она, должно быть, от растерянности.

— Про Арчибальда?

— Как вы догадались? — удивилась Гвен.

— Это несложно, — улыбнулся сквайр. — Но, пожалуй, о книгах мы поговорим в другой раз. Может быть, вы... играете в карты?

Гвендолин покраснела: подобные развлечения в пансионе не поощрялись.

— Немного, — повинилась она. — Но мы никогда не играли на деньги, вы не подумайте! Только на желания.

— На желания? Интересно. А со мной вы сыграли бы?

Гвен совершенно растерялась. С одной стороны, она не хотела обидеть сквайра отказом и неблагодарностью за гостеприимство. С другой, никогда не играла в карты с мужчиной — только с другими ученицами в пансионе.

Арчибальд, впрочем, окажись он на ее месте, совершенно точно не отказался бы.

— У вас будет время обдумать мое предложение за ужином, — добавил альд Линтон, и Гвен с облегчением перевела дух.

Ужин подали простой и сытный — холодное мясо, сыр и морковный пудинг. Наверное, без хозяйки некому было составлять сложное меню, а хозяин не имел склонности к разносолам. Сама же Гвендолин так проголодалась, что ей и черствая горбушка пришлось бы по вкусу.

— Мне нравится, когда у девушек хороший аппетит, — заметил Карлион Линтон, чем снова вогнал Гвен в краску.

Всем известно, что девице положено клевать, как птичке, а не набрасываться на еду подобно волку. Но печенье, которое она захватила в дорогу, закончилось слишком быстро и почти ее не насытило, да и беспокойство не лишало девушку аппетита, как некоторых знакомых, а совсем наоборот.

Когда закончился ужин, немолодая угрюмая женщина, кажется экономка, провела Гвендолин в приготовленную для нее комнату. Спальня оказалась небольшой, но теплой, затхлости совсем не ощущалось — пахло крахмалом и цветами сухой ромашки. Воспользовавшись ванной, Гвен переоделась в одно из своих самых лучших платьев, но, чуть поразмыслив,

сменила его на другое, попроще. После чего, волнуясь, спустилась по крутой, поскрипывающей под ногами лестнице в гостиную, где ее ждал альд Линтон.

— Я уж боялся, что вы не придете, а сразу ляжете спать, — проговорил он. — Ведь наверняка устали с дороги?

— Устала. Но вкусная еда и уютная обстановка творят чудеса.

— Приятно слышать. Впрочем, в молодости и дорожные тяготы переносятся легче. Кстати, о чудесах — в вашей книге есть магия?

Такого вопроса Гвендолин не ждала. Вздрогнула. Медленно подняла глаза на Карлиона Линтона. Отблески пламени подрагивали на его волосах, а во взгляде читалось нечто большее, чем простое вежливое любопытство, за которым обычно скрывается скука.

— Нет, — произнесла она, осознав, что пауза чересчур затянулась. — Ни магии, ни магов.

Ей не хотелось писать о них. Да, говорят, среди тех, кто обладает даром, немало достойных людей, использующих свои способности во благо. С помощью магии они исцеляют тяжелобольных, возводят дома, разыскивают пропавших, создают уникальные произведения искусства. Но разве люди, делающие все это, не применяя чар, заслуживают меньшего уважения? А для некоторых высокородных альдов, не имеющих нужды зарабатывать себе на жизнь, дар был лишь довеском к титулу, подчеркивающим их исключительность даже среди аристократов. Они так кичились им, так стремились сохранить в своем роду...

— Удивительно, — прокомментировал ее ответ сквайр. — Мне казалось, магия должна интересовать вас в первую очередь, как и всех тех, у кого хорошо развита фантазия. Вы полны сюрпризов, Гвен.

— Быть может, — согласилась она, желая скорее сменить тему. — Я готова сыграть в карты.

— А я их уже приготовил, — заявил альд Линтон.

Он разложил на столике перед диваном пеструю колоду, и Гвендолин, поборов дрожь в руках, потянулась к картам. Почти сразу девушка убедилась, что соперник попался умелый и опытный. Или, может быть, ему просто везло? Как бы то ни было, приютивший ее хозяин дома одержал победу, не дав гостю ни единого шанса выиграть. Гвен оставалось лишь признать поражение и ждать, какое желание будет загадано.

Стало немного не по себе. Нет, они в особняке не одни, да и едва ли его владелец по ночам обращается в чудовище, но все же, все же...

— Вы умеете играть на пианино? — спросил альд Линтон.

Гвен кивнула.

— Тогда сыграйте, пожалуйста. Инструмент настроен, хоть и пользуются им редко — играет только сестра, когда приезжает меня навестить. Вот мое желание.

Вздохнув с облегчением, Гвендолин проследовала к притулившемуся в углу гостиной пианино. Коснувшись рукой клавиш, она словно бы снова очутилась в музыкальном классе пансиона. Даже вспомнились наполнявшие просторное помещение запахи лавандового масла — от волос наставницы и мастики — от пола.

— Что вам сыграть?

— Что-нибудь на ваш вкус, — милостиво разрешил победитель.

Гвен растерялась. Что может нравиться Карлиону Линтону? С одной стороны, он аристократ, следовательно, ему полагается любить классику. С другой, обитает в сельской местности, стало быть, неравнодушен к балладам. Покусав в задумчивости губу и перебрав в памяти все известные ей произведения, девушка начала играть и негромко напевать слова, которым ее когда-то научила настоящая Гвенда Грин:

Я бродил по горам и далеким лесам,
Медальон моей милой сжимая в горсти.
Я навстречу бросался любым чудесам,
Ничего не страшась на опасном пути.
Я искал ее, звал, но, увы, лишь во снах
Приходила ко мне, чтоб утешить меня.
И у встречных я спрашивал, где же она,
Но качали они головой. И, кляня
Этот мир, шел я дальше сквозь ветер и зной,
Унося за плечами глухую тоску...^[1]

— Достаточно! — хрипло произнес сквайр, прерывая песню.

— Вам не понравилось мое исполнение? — огорченно вздохнула Гвендолин.

— Не в том дело. Просто... Я вспомнил об одном важном деле. Прошу меня извинить. Доброй ночи!

Он вышел из гостиной, заставив гостью обескураженно смотреть ему вслед.

Оставшись в одиночестве, Гвен еще немного посидела за инструментом, напоминая о безвозвратно ушедшем прошлом, потом отправилась в отведенную ей комнату, переделась ко сну и забралась под

теплое одеяло. Ложиться спать в незнакомой обстановке было непривычно, но девушка напомнила себе, что гостит в этом доме всего одну ночь, а напоследок можно насладиться комфортом, ведь выделенная ей квартира при школе едва ли окажется похожей на особняк Карлиона Линтона.

Любопытно все же, почему хозяин так резко прервал пение? Конечно, она не так талантлива, как некоторые, но в пансионе Гвендолин хвалили. Может быть, все-таки следовало бы выбрать нечто классическое?

Карлион Линтон сидел за столом в темном кабинете. Перед ним, роняя восковые слезы, горела одинокая свеча, а в ушах еще звучал нежный голос случайной гостьи: «Я бродил по горам и далеким лесам, Медальон моей милой сжимая в горсти...»

Медальон тоже был. Украшенное изящной чеканкой серебро нагрелось в дрожащей ладони. Сквайр, наконец, решился открыть крышку и взглянуть на миниатюрный портрет. Каштановые волосы, отливающие золотом, чистые серые глаза, ласковая улыбка...

Похожие глаза и улыбку Линтон видел совсем недавно в своей гостинной, а несколькими часами ранее, на станции, стал подозревать себя в безумии, внезапно столкнувшись с такой знакомой незнакомкой.

Случайность? Или судьба?

А может быть, второй шанс? Разве он не заслужил его?

— Разве я не заслуживал твоей любви? — спросил он женщину на портрете.

Вряд ли она ответила бы, даже если бы могла.

Линтон закрыл медальон, но не повесил снова на шею, а убрал в ящик стола и погасил свечу...

ГЛАВА 3

Несмотря на солнечную погоду, экономка, разбудившая Гвен поутру, выглядела такой же хмурой, как и вечером. Она сухо сообщила, что хозяин ждет гостью на завтрак. Лицо женщины выражало недовольство, и Гвендолин стало не по себе. Чем и когда она успела ее прогневить?

Зато Карлион Линтон пребывал в хорошем настроении. Сидя за столом, слишком широким для него одного, сквайр намазывал золотистое масло на ломоть свежего хлеба, и Гвен немедленно захотелось того же самого. Только хорошо бы еще малинового джема!

— Присоединяйтесь, — с улыбкой пригласил хозяин. — Как вам спалось?

— Просто замечательно! Спасибо.

— Хочу попросить прощения за вчерашний вечер. Мне очень понравилась ваша песня, однако...

— Пожалуйста, не нужно оправдываться! — вспыхнула Гвен. — Это я должна извиняться. Наверняка у вас немало дел, а я свалилась как снег на голову.

— Мне приятно ваше общество.

Тон собеседника и интерес в его взгляде, как и накануне, привели Гвен в смущение.

— Потому, что вы скучаете по сестре? — предположила она несмело.

— Скучаю. Но такова жизнь. Девушки вырастают и вылетают из гнезда, чтобы свить новое.

— Я не собираюсь делать ничего подобного! — выпалила Гвендолин и тут же прикусила язык, но было уже поздно.

— Не собираетесь выходить замуж? — не без удивления уточнил Карлион Линтон.

— Да. У меня нет ни брата, которого радовало бы мое присутствие, ни родителей, чью старость я могла бы скрасить заботой, и можно полностью отдаться работе...

«И Арчибальду», — добавила она мысленно.

— Не зарекайтесь, Гвен. Однажды кто-то украдет ваше сердце, и эти размышления покажутся сущей глупостью. Вы от всей души пожелаете никогда не расставаться с этим человеком, подарить ему детей, прожить вместе всю жизнь...

Альд Линтон говорил уверенно, словно сам когда-то испытал

подобные чувства. Но, как ни любопытно было, Гвендолин ни за что не решилась бы расспрашивать о столь личном едва знакомого человека. Сама она никогда ни в кого не влюблялась, если не считать Арчибальда, и вряд ли в реальной жизни ей повезет встретить мужчину, похожего на ее героя.

Она вздохнула и принялась заедать тоску яичницей с ветчиной.

Видимо, из-за того, что разговор не клеился, завтрак не затянулся, и уже через полчаса Гвендолин стояла во дворе особняка, ежась на прохладном воздухе. Хотелось, чтобы поскорее сошел снег и солнце стало по-настоящему весенним, но пока природа не собиралась прислушиваться к ее желаниям. Шмыгнув носом, Гвен торопливо зашагала к приготовленной карете и заняла место напротив альда Линтона.

— Если возникнут затруднения на новом месте, я настаиваю, чтобы вы обратились ко мне, — сказал он, когда экипаж тронулся с места. — Деревенский староста — неплохой человек, но, боюсь, некоторые ваши нужды он может счесть капризом и оставить без внимания.

— Вы так добры! — растрогалась Гвен. Ощущение чужой заботы — как теплый плед, брошенный на плечи в холодный день чьей-то теплой рукой. — Спасибо вам за приют и угощение, за компанию, за... Боюсь даже представить, что бы со мной стало, если бы не вы...

— Полно, хватит вам, иначе я чересчур загоржусь! — отозвался сквайр с добродушной иронией. — Вы отблагодарите меня, если не забудете о моей просьбе и... когда-нибудь еще сыграете со мной в карты.

Вскоре они добрались до места, которому предстояло стать для Гвен новым домом.

Трелони не слишком-то походила на пасторальные деревеньки с гравюр и открыток. Покосившиеся заборы, обрамленные седыми от инея ветками деревьев, ухабистая дорога, запах навоза, ставший ощутимым, стоило приоткрыть дверцу кареты. Должно быть, в теплое время года, когда разрасталась живая изгородь, здесь было красиво, но пока никакого особенного вдохновения сельский пейзаж не навевал.

Гвендолин вздохнула и мужественно шагнула навстречу будущему.

Деревенский староста, к дому которого доставил ее альд Линтон, оказался приземистым человеком лет пятидесяти. Он комкал в руках потрепанную шляпу и пытливо рассматривал девушку, точно решал, не попросить ли сквайра вернуть ее обратно в пансион, но в конце концов буркнул:

— Отведу вас в школу.

— Оставляю вас в надежной компании, — сказал на прощание Карлион Линтон. — Но вы ведь помните, о чем я говорил? Если что,

обращайтесь без всякого стеснения.

— Вы с нашим сквайром, часом, не родня? — любопытствовал староста, пока Гвен провожала глазами карету.

— Нет, — удивилась она вопросу. — Мы... недавно познакомились.

Собиралась сказать «сегодня», но побоялась, что знакомый с расписанием почтового транспорта староста уличит ее во лжи. Да и слуги альда Линтона наверняка бывают в деревне и вполне могут однажды разнести слухи, что новая учительница провела ночь в доме землевладельца.

Щеки Гвен вспыхнули, но, к счастью, староста этого не заметил. Подхватил ее саквояж и размашисто зашагал по неширокой улице.

Гвендолин едва поспевала за ним. Сначала улочка выглядела пустынной, но постепенно на ней начали появляться прохожие. На Гвен они глядели с любопытством, но без настороженности. Миниатюрная, скромно одетая девушка вызывала лишь улыбку, у кого — приветливую, у кого — снисходительную. Последнее случалось чаще, и даже когда староста представлял ее кому-то как новоприбывшую учительницу, веса в глазах деревенских жителей это Гвендолин не прибавляло. Наверное, потребуется немало времени, чтобы заслужить уважение.

— Вот она, школа, — буркнул староста, остановившись у двухэтажного строения, расположившегося поодаль от жилых домов. — А сверху квартирка ваша, — махнул рукой на закрытые ставнями окна. — Обживайтесь.

Служанкой при школе работала крепкая молодая женщина с такими румяными щеками, что они казались подкрашенными свекольным соком. Она назвалась Талулой и с ходу повела Гвендолин осматривать владения.

Сама школа — скромная и опрятная — производила в целом приятное впечатление. Но квартиру еще не успели привести в порядок. Расчихавшись от пыли, Гвен огляделась. Продавленная кровать, трехногая табуретка, грубый деревянный стол, составляющий компанию кособокому шкафу для одежды.

— Прежняя учительница была из местных, — пояснила служанка, — и в этом жилье не нуждалась. Но теперь, когда у нее снова родился ребенок, работать ей совсем некогда. Уже четвертый малыш. Хорошо, что у мужа неплохое жалованье.

Гвендолин вспомнила комнату, в которой проснулась утром, и подавила тягостный вздох. На роскошные условия она не рассчитывала, но все же представить себе, что всю дальнейшую жизнь придется провести в такой нищете, получалось с трудом. Да и не хотелось представлять — уж

слишком безрадостная получалась картина.

Оставив Талулу прибираться в квартире, Гвен спустилась в школьный коридор, радуясь, что сегодня выходной день. Было бы непросто приступить к работе прямо сейчас. Сначала нужно хотя бы немного освоиться.

— Госпожа учительница!

Обернувшись, Гвен увидела хорошенькую девушку примерно своих лет. На голове у нее красовался ярко-голубой капор, шаль такого же цвета лежала на плечах. Незнакомка протягивала сверток в плотной бумаге с масляными пятнами.

— Я дочь старосты. Пришла вас поприветствовать. И принесла пирог.

— Спасибо! — Гвендолин приняла угощение. Сквозь бумагу пробивался аппетитный запах. — Вы сами пекли?

— Нет, мама. Я не слишком хорошо стряпаю. Ой! Я не представилась. Меня зовут Джесмин. А вас — Гвенда Грин, да?

— Да. Но мне больше нравится, когда меня называют Гвен. У вас очень красивое имя.

— Мама вычитала в какой-то книге, — улыбнулась новая знакомая. — А у вас есть книги? Я тоже люблю читать.

— Конечно, есть. Может, вместе попьем чаю с пирогом? А затем я вам их покажу.

Дочь старосты оказалась девушкой бойкой и разговорчивой, и за время чаепития в маленькой, в отличие от комнаты опрятной кухне Гвендолин услышала о деревне Трелони и ее жителях столько, сколько и не рассчитывала узнать.

— Все говорят, что он посватается к дочке башмачника, — говорила Джесмин, энергично жестикулируя. Упустив нить разговора, Гвен не совсем понимала, о ком идет речь, потому попросту кивала, демонстрируя, что участвует в беседе. — Но пока что-то не торопится. Вот я и думаю — а если он собирается сделать предложение не дочери башмачника, а мне?

— Он тебе нравится? — догадалась Гвендолин.

Длинные ресницы Джесмин затрепетали, щеки залились нежным румянцем. Ее смущение выглядело так мило, что Гвен пожалела о том, что сама не может вот так же опустить глаза и признаться в своих чувствах к Арчибальду, который, конечно же, посватался бы к ней, будь он настоящим.

— Да, но — тсс... Это секрет! — улыбнулась собеседница, обозначив ямочки на щеках. — Пока даже он об этом не знает, не говоря о наших родителях.

— Но разве не они должны заниматься всем, что связано с браком?

— В большом городе — может быть, но в деревнях все по-другому. Обычно молодые сговариваются сами, а затем парень идет к отцу невесты. Мы живем привольнее.

— А как же репутация?

— Пфф! — махнула рукой Джесмин. — Ты ведь еще не знакома с прежней учительницей? Так вот, ее первенец родился через четыре месяца после свадьбы! И ничего. Вот если бы свадьба вовсе не состоялась, ее репутация пострадала бы. А так все довольны. Особенно родители мужа, которые убедились, что невестка не бесплодна.

— Не хочу даже слушать о таком! — зажала уши Гвен. — И настолько безнравственной особе разрешили работать в школе?!

— Привыкай, — хмыкнула дочь старосты. — Про моего милого тоже поговаривают, будто он одарил одну девицу из батрачек зеленой юбкой. Но, мне кажется, брешут из зависти.

— Он... подарил другой девушке юбку? — растерянно переспросила Гвен. — С ее стороны не слишком благопристойно принимать от молодого человека такие презенты до свадьбы. И почему именно зеленую?

Джесмин, расхохотавшись, согнулась, обхватила руками колени и еще долго не могла успокоиться.

— Ах, до чего же ты смешная! Не было никакой юбки! Это означает, что парень и девушка занимались этим на траве!

— Чем занимались?

— Ой, не могу! — снова рассмеялась Джесмин. — Из какого же яйца ты вылупилась? А еще грамотная!

К ее звонкому, как журчание весеннего ручейка, смеху присоединился громкий, похожий на звук трубы хохот Талулы. Гвен перевела обиженный взгляд с одной на другую и встала с места. Выпрямила спину и гордо пошла в комнату — проверить, хорошо ли прибрала служанка.

Вид нового обиталища, пусть и ставшего чище, по-прежнему наводил тоску. На какое-то мгновение Гвендолин вообразила себя не на чужом, а на своем месте. В наверняка большом дядюшкином доме — почти таком же красивом, как особняк Карлиона Линтона. Представила полный новой одежды сундук с приданым, уложенные камеристкой локоны, белые свадебные перчатки.

И — чужого человека, который откидывает вуаль с ее лица.

Вздвогнув, Гвен потерла виски, прогоняя навеянную хандрой фантазию. Нет, она не усомнится в правильности своего поступка! Он был совершен, чтобы ни от кого не зависеть. Чтобы рассказать до конца историю Арчибальда. Чтобы стать наконец-то самой собой, а не

приложением к фамилии, которую она носит.

— Что случилось? — раздался за спиной голосок Джесмин. — Ты обиделась? Ах, Гвен, я тоже далеко не так искушена, как пытаюсь показать! Даже целовалась всего-то пару раз.

Гвендолин вздохнула: ее саму не целовали еще ни разу.

— Пожалуйста, вернись к столу! — попросила дочь старосты.

Натянув на лицо улыбку, Гвен обернулась:

— Хорошо. Но, учтите, вам не удастся привить мне свою деревенскую мораль!

— И не нужно! Глядишь, и другие девицы станут равняться по тебе. А то так и бегают за ним, так и увиваются! Вертихвостки! — снова вернулась к предмету своего обожания Джесмин. — А ты любишь мясное рагу с картофелем? — вдруг сменила она тему. — Мама его готовит сегодня на ужин и будет рада, если ты придешь. И я тоже.

Гвендолин с большим удовольствием провела бы вечер одна, но обижать новую приятельницу отказом не решилась.

И правильно сделала. Ужин удался. Староста был все так же неразговорчив, но его супруга оказалась хлебосольной хозяйкой, не скупившейся ни на угощения, ни на комплименты новой учительнице. Поначалу Гвен смущалась, но затем почувствовала благодарность к едва знакомой женщине, встретившей ее так радушно. Дочь очень походила на мать, и, глядя на жену старосты, можно было с легкостью представить, какой станет Джесмин через несколько лет, когда ее пока гибкая фигурка приобретет пышность, а в густые темно-русые волосы белой лентой вплетется ранняя седина.

— Вы уж не обижайтесь, я с вами говорю как с собственной дочкой, — шепнула Гвендолин хозяйка дома, улучив момент, когда гостя отошла от стола ополоснуть руки. — У нас тут новенькие девушки редко появляются. Так что вы будете на виду, и парни станут на вас заглядываться, ходить вокруг да около, пытаться свести знакомство поближе. Не ученики, конечно, те еще не доросли, а вот их старшие братья... Да и отцы тоже.

— Спасибо за предупреждение! — Гвен вспыхнула. — Но я приехала сюда не для того, чтобы с кем-нибудь познакомиться. А для того, чтобы работать.

— Так-то оно так, но вы же еще молодая. Соблазнов очень много. А приглаждать за вами некому.

От старосты Гвен уходила затемно. Хозяин провел ее до дверей школы и, пожелав доброй ночи, оставил одну, ведь Талула, закончив дела, давно ушла. В пустом доме властвовала тишина, нарушаемая редкими шорохами,

и Гвен от всей души надеялась, что их издают не мыши и не крысы.

Поднявшись в свою комнатку, она зажгла свечи, чтобы разогнать темноту и страхи, и, переодевшись, приготовилась ко сну. Но сон все не шел. Гвен достала толстую тетрадь, которую не открывала уже несколько дней, и собралась продолжить историю Арчибальда.

Однако не успела она начать, как внимание отвлекли какие-то звуки, поначалу невнятные и негромкие, но через минуту превратившиеся в бойкую слаженную мелодию. Гвен, удивившись, подошла к окну и откинула занавеску. Взору открылось презабавнейшее зрелище: перед стенами школы собралось несколько мужчин, облаченных в традиционные костюмы жителей данной части королевства. Аккомпанируя себе на народных инструментах, они хором выводили незнакомую девушке задорную песню. Заметив внимание Гвендолин, необычный оркестр заиграл энергичнее. Она в ответ улыбнулась и помахала рукой. Вот так приветствие!

Разглядывая незваных гостей, Гвен увидела среди них молодого человека. Тот выглядел немногим старше ее самой. Он, не отрываясь, смотрел на девушку, и она задержала пальцы на занавеске, почти физически ощутив на себе этот взгляд. Остальные музыканты тоже с любопытством глазели на новую учительницу, но по-другому, от их взглядов не теплело в груди и не хотелось улыбаться.

Гвендолин не знала, сколько времени продолжался импровизированный концерт, но, когда она отошла от окна, улыбка все еще играла на ее губах.

ГЛАВА 4

Ночь после ухода музыкантов прошла тихо, зато первый рабочий день начался шумно и суматошно. Ученики вопреки представлениям Гвендолин о пунктуальности деревенских жителей стали осаждать школу задолго до начала уроков. Стоило Талуле открыть дверь, как пестрый гомонящий поток хлынул внутрь и застыл в дверях классной комнаты. Дети — одни чистые и умытые, другие с чумазыми лицами, некоторые неплохо одеты, но большинство в поношенных ботинках и дырявых чулках — с опасливым интересом рассматривали новую учительницу. Под их взглядами Гвен ощутила пугающую неуверенность. Она знала, чему ей следует научить этих детей, знала, что лишние премудрости им не нужны — лишь самое главное. Так им говорили в пансионе. Но за годы учебы будущую преподавательницу не подготовили к тому, как найти общий язык с деревенской ребятней. Гвен заставила себя улыбнуться и указала рукой на парты.

Классная комната была достаточно просторной, чтобы вместить всех учеников. Их, как подсчитала Гвендолин, было двадцать четыре. Правда, двое — милая белокурая девочка и мальчуган в штопаных одежках — оказались малы, чтобы чему-либо учиться. Их привели старшие братья, и Гвен не стала спорить, поняв, что детей просто не с кем оставить дома. К тому же малыши сидели тихо и хлопот не доставляли, в отличие от настоящих учеников. Прежняя учительница не привила им понятия дисциплины, а что еще хуже — практически не дала никаких знаний. Видимо, она сама не была в достаточной мере образованной и компенсировала этот недостаток тем, что помнила большое количество интересных историй. Их учительница, как выяснилось, рассказывала на уроках. Неудивительно, что дети ждали того же от Гвен и недовольно зашумели, поняв, что теперь придется учиться по-настоящему. Гвендолин с трудом удалось их утихомирить, пообещав, что в конце учебного дня, если они станут прилежно заниматься, она, так и быть, почитает или расскажет что-нибудь интересное.

Существовал более простой и быстрый способ добиться хорошей дисциплины. Наставницы пансиона, где воспитывалась Гвен, не тратили бы время на уговоры, в ответ на возмущение тут же последовало бы наказание. Но Гвендолин еще по дороге в Трелони решила, что обойдется без жестких мер. Ей хотелось, чтобы дети относились к ней так же тепло,

как она сама — к самым терпеливым и добрым своим учителям, и большее, что она себе позволила, — это постучать указкой по столу, призывая к тишине.

Стучать приходилось часто. К концу занятий голова у Гвен раскальвалась от гомона, и даже когда ученики наконец разошлись по домам, в ушах еще звенели их голоса.

— Строже с ними надо, — то ли укоризненно, то ли сочувственно сказала Талула, когда Гвен появилась в кухне. — Обедать будете?

Гвендолин так проголодалась, что проглотила все, что подала служанка, не чувствуя вкуса. Сытная еда вернула силы, а хорошее настроение принесла Джесмин. Дочь старосты сегодня выглядела еще более нарядной и довольной жизнью, чем вчера. Она влетела в кухню вихрем оборок и лент и тут же забросала Гвен вопросами:

— Как прошел день? Как дети? Не слишком озоровали?

— Как сказать, — неопределенно протянула Гвендолин. — Похоже, моя предшественница не достигла особых успехов. Только не передавай ей мои слова, пожалуйста!

— Ей сейчас не до того, — отмахнулась Джесмин. — А что до детей, вряд ли кому-то из них пригодится твоя наука. Им ведь придется, как родителям, работать на земле, никто не станет доктором или адвокатом.

— Отчего же? — не согласилась Гвен, хоть и понимала, что собеседница права. — Возможно, у кого-то из них появится шанс продолжить образование и освоить другую профессию. Но знания в любом случае не бывают лишними.

— Ты говоришь, как альд Линтон. Это он велел, чтобы в деревне открыли школу. Ты ведь с ним знакома, да?

— Знакома, — подтвердила Гвендолин. Должно быть, староста рассказал дочери о том, что новую учительницу привез в Трелони сам сквайр. Хорошо бы, чтобы данный факт не оброс нежелательными домыслами. Гвен поспешила сменить тему: — Что за люди поют и играют на народных инструментах? Вчера, когда я вернулась от вас, они выступали прямо под моим окном!

— А, есть тут такие! — рассмеялась Джесмин. — Обычно они играют на праздниках и ярмарках, но перед тобой, видно, решили отдельно покрасоваться.

— Мне понравилась их музыка, — улыbnулась Гвен.

— Я передам. Среди этих старичков-трубадуrow затесался и мой дядюшка.

— Старичков? Но я заметила среди них молодого человека.

— Молодого? — Джесмин нахмурилась. — Вот уж не знаю. Может, родственник к кому-нибудь приехал? Надо выяснить! — Она подскочила с места, явно уязвленная тем, что новой учительнице известно что-то, чего не знает она сама. — Я попозже загляну! — крикнула уже от двери и, захлопнув ее, побежала по лестнице, грохоча каблуками.

— Вот егоза! — проворчала, заглянув в кухню, Талула. — Ничего, замуж выйдет — будет ходить медленно и степенно, как и положено хранительнице очага. Глядишь, скоро и ее деток учить будете!

Поблагодарив служанку за обед, Гвендолин отправилась к себе в комнату, где наконец-то смогла посвятить несколько часов исключительно Арчибальду. Никто не потревожил писательницу. Слова кружевной вязью ложились на бумагу, и Гвен казалось, будто герой ее истории тоже здесь, совсем рядом, неслышно стоит за спиной. Она даже чувствовала запах прелых листьев, налипших на подошвы его сапог за время долгой дороги.

А к закату вернулась Джесмин — влетела прямо в комнату Гвен, взбудораженная, горящая желанием немедленно поделиться новостями.

— В самом деле, родственник! Одного человека, который тут уже не живет, а домишко его остался, так тот прислал сына своей кузины приглядеть за хозяйством и подыскать покупателя для дома! Ума не приложу, как парень так быстро втерся в доверие к нашим и начал петь с ними! Не иначе, настоящий талант! А до чего же хорош собой!

— Но ведь тебе уже кто-то нравится? — напомнила Гвендолин.

— Нравится, — призналась Джесмин. — Но любоваться же никто не запретит! Ты ведь и сама его заприметила!

Гвен опустила взгляд. Вот досада — любовь к Арчибальду не помешала ей обратить внимание на приятного молодого человека. И отчего-то захотелось узнать о нем побольше.

— Его зовут Криспин Дэй, — будто угадала ее мысли дочь старосты. — У него есть лошадь и телега. Ни жены, ни детей, а родители — фермеры, как и у тебя. Видать, не бедствуют.

Гвендолин повторила про себя услышанное имя: Криспин Дэй. Простое и звонкое — так и звенит весенней капелью. Вот бы познакомиться с ним...

— Я уговорю родителей пригласить его на мой день рождения, — заявила Джесмин. — Это уже скоро. Будет вся деревня. Ты тоже приглашена! Можешь подарить мне книгу, — беззастенчиво добавила она, оглядывая прибранную комнату учительницы.

— Хорошо, подарю, — отозвалась Гвен. — Но, если он приехал только для того, чтобы продать дом, значит, скоро уедет?

— А если ему у нас понравится? Если он захочет остаться? Или присмотрит себе невесту и увезет ее с собой?

— В телеге?

— С таким парнем — хоть пешком в соседнее графство! Жаль, мое сердце уже занято.

— Ты ведь еще не знаешь, взаимны ли твои чувства.

— Выясню! Вот подойду и спрошу. А если он так и не соизволит сделать мне предложение, я дождусь високосного года и...

— Сделаешь его сама? — не поверила Гвендолин.

— Почему бы и нет? И... что это за запах?

Гвен принялась. В хорошо прогретой комнате витал неприятный сладковатый запах, и это точно были не прелые листья с сапог Арчибалда. Гвендолин повертелась, оглядывая свое жилище, но так и не нашла источника запаха.

— Дохлая мышь, — сказала Джесмин.

— Ты думаешь? — с сомнением уточнила Гвен.

— Знаю, — вздохнула новообетенная приятельница. — Болтается у тебя на платье. Сзади.

Гвендолин испуганно взвизгнула и попыталась посмотреть себе за спину, одновременно думая, что вовсе не хочет видеть мышь.

— Можно? — Джесмин взяла с ее стола чистый лист бумаги. — Не волнуйся, сейчас сниму. Интересно, какой шутник тебя ею наградил? Поспорить могу — один из братьев Бенсонов.

Гвен вспомнила трех мальчишек-погодков, больше всех шумевших на занятиях, и мысленно согласилась с этой догадкой.

— Не дергайся, — велела Джесмин. — Мальчишки ее на крючок подцепили, как бы платье не порвать... Фу, гадость какая! — Она распахнула окно, вышвырнула за него «подарочек» от маленьких шутников вместе с бумагой и брезгливо отерла руки о подол. — Эти дети совсем от рук отбились. Мать два года назад умерла, а отцу не до них. Может, женится снова, будет кому его разбойников воспитывать, да пока не похоже, что он собирается новую хозяйку привести в дом. Хотя дом у него хороший и надел большой... Но у альда Линтона вон какой домище, а тоже один в нем кукует, не торопится снова жениться.

— Альд Линтон? Снова? — заинтересовалась Гвен, позабыв о дохлой мыши. — Выходит, он уже был женат? И его супруга...

— Сбежала она! — припечатала Джесмин. — Не по душе пришлась наша провинция — в столицу захотелось! А вообще там темная история, так что, может, никуда и не сбежала, а пострадала от рук любовника!

Утопил он ее в озере или топором зарубил и в лесу прикопал! А альд Линтон до сих пор тоскует...

— Пстой-пстой! С твоей фантазией только «Грошковые ужасы»^[2] сочинять! — осадил приятельницу заинтригованная Гвен. — Давно это произошло?

— Года три назад. Может, меньше, может, больше. За временем не угонишься.

— И с тех пор он один? Но... ведь, если она жива, все еще считается его женой?

— Не думаю. Неверность женщины — повод для развода, это всем известно. «Адюльтер», во! — гордо выговорила Джесмин сложное слово. — А уж коли ее убили, то он и вовсе вдовец. Значит, может жениться во второй раз!

— А если она просто исчезла и он не знает, где жена, жива или нет? — предположила Гвендолин. — Что тогда?

— Если сгинула и нет вестей? — задумалась собеседница. — Тогда он и правда считается женатым. Несправедливо! — сочувственно вздохнула девушка. Но вздыхать и грустить было не в характере Джесмин, и она тут же сменила тему: — Насчет Криспина Дзя я еще сведения собираю, — заявила с уверенностью заправского сыщика. — Очень уж незаметно он свой приезд обставил. И вдруг — раз — уже поет в нашем хоре!

— И хорошо поет, — отчего-то смутившись, добавила Гвендолин.

— Вот на моем дне рождения и послушаем. И заодно проверим, как он танцует!

ГЛАВА 5

С началом занятий скучать Гвен стало некогда. Любопытствующие не оставляли новую учительницу в покое. Среди них вопреки предупреждениям жены старосты оказались не только отцы и старшие братья учеников, но также их матери, сестры и тетушки. Гвен стоило большого труда оставаться со всеми улыбочкой и вежливой, особенно в моменты, когда ее начинали забрасывать вопросами, которые преподавательницы в пансионе назвали бы бестактными, а то и возмутительными. Увы, деревенские жители не видели как в своих словах, так и в желании выведать всю подноготную девушки ничего странного. Приходилось постоянно напоминать себе о том, что здесь она — Гвенда Грин, скромная фермерская дочка, которая не имела многого, что доставалось некоторым ее соученицам по праву рождения, и все же не унывала и гордилась тем, что смогла получить образование. То, что письмо от настоящей Гвенды до сих пор не пришло, тревожило. Гвендолин надеялась, что оно в пути, и представляла себе почтовые кареты, отмеряющие милю за милей по дорогам королевства, и то мгновение, когда в ее руках наконец-то окажется долгожданный конверт.

Отношения с учениками налаживались со скрипом. К счастью, новых «подарков» Гвен не получала, но и других сложностей хватало. Пришлось научиться торговаться: одна история за две решенные задачи, еще одна — за выученное стихотворение. Гвен старалась не приближать к себе никого из ребят, чтобы ее не обвинили в том, что она заводит любимчиков. Впрочем, дети и сами к этому не стремились. После уроков они спешили домой, ведь у каждого помимо учебы имелись другие обязанности — приглядывать за домашней скотиной, помогать матерям с уборкой, нянчить младших братьев и сестер.

Сама Гвен проводила вечера в компании Арчибальда. Его история пока еще не приближалась к концу, но писательница уже раздумывала, в какие издательства и журналы можно отправить рукопись. При мысли о том, что кто-то чужой прочтет написанные ею строки, появлялось странное волнение, однако надежда увидеть их напечатанными придавала решимости. Иногда Гвендолин вспоминала о том молодом человеке — Криспине Дэе, но первая встреча с ним так и осталась единственной. Концертов у нее под окнами больше не устраивали, а сама она практически не выбиралась в деревню. Даже Джесмин не радовала новостями. Занятая

подготовкой ко дню рождения дочь старосты теперь забегала редко, и если о чем-то говорила, то только о предстоящем торжестве. Она задумала настоящую вечеринку с танцами, играми и богатым угощением, и родители, учитывая, что дочь у них единственная и любимая, а совершеннолетие бывает лишь раз в жизни, ни в чем ей не перечили.

Так в суматохе пролетела первая рабочая неделя Гвендолин.

В выходной ее ждали на празднике у Джесмин, а в последний учебный день, закончив занятия, Гвен решила воспользоваться хорошей погодой и немного прогуляться в лесу, который почти вплотную примыкал к деревне.

Наслаждаясь теплом и свежим воздухом, наконец-то запахшим весной, она размышляла о сюжете романа, в котором наметился долгожданный финал. Арчибальд имел право на то, чтобы окончить свои скитания, обрести счастье и зажить мирной жизнью с хорошей девушкой, которая, конечно же, не будет любить его так, как Гвендолин, но зато сможет подарить ему детей.

Увлеченная своими мыслями, Гвен не сразу услышала шум и стук копыт, но, как ни странно, заметила небольшой предмет, скатившийся с пригорка к ее ногам. Выточенный из синего с золотистыми прожилками камня шар размером с некрупное яблоко темнел на снегу, и она не удержалась от того, чтобы поднять его, а когда топот и конское ржание приблизились, не задумываясь, опустила находку в карман юбки.

— Ты! — резко окрикнул подлетевший к ней всадник. Подняв глаза, Гвен обомлела, увидев сначала направленный прямо на нее пистолет, а затем и державшего его мужчину, лицо которого закрывал черный платок, так что видны были только темные глаза между краем платка и шляпой. — Верни то, что тебе не принадлежит, иначе отправишься туда, откуда не возвращаются!

Гвендолин в страхе отступила и, зацепившись за что-то ногой, полетела на землю. Почудилось, что она неведомым образом оказалась в своей же книге, вот только у нее, в отличие от Арчибальда, не имелось при себе никакого оружия. А если бы и было, пользоваться им она все равно не умела.

— Она видела *это* и прикоснулась, значит, может рассказать, — послышался еще один голос. — Не нужно оставлять свидетелей.

Понимая, что сбежать ей не позволят, девушка даже не попыталась встать на ноги. Уж лучше полежать в снегу, а там, может быть, что-нибудь изменится. Например, появится кто-то и спасет ее...

Если честно, Гвен сама почти не верила в это, но судьба неожиданно расщедрилась на чудо. Раздались крики, звонкий лай собак и громкий

выстрел. Гвен уткнулась лицом в рукав и не рисковала поднять голову.

— Удрали, господин! — огорченно сказал кто-то.

Набравшись храбрости, Гвендолин взглянула на своих спасителей. Первым, кого она увидела, оказался молодой мужчина в охотничьем костюме и высоких сапогах. Шляпу он то ли не носил вообще, то ли она слетела во время быстрой скачки, и короткие темные волосы разлохматились, придав незнакомцу легкомысленный вид.

Второй мужчина, постарше, одетый намного проще, очевидно, был слугой и почтительно держался за спиной хозяина, когда тот наклонился к Гвендолин и подал руку.

— Целы? — Получив в ответ кивок, он ухватил ее запястье горячими, что чувствовалось даже через замшевую перчатку, пальцами и резко дернул, поднимая Гвен на ноги. — Ваше счастье, что мы оказались рядом.

— К-кто вы? — запинаясь, спросила она.

— Эмрис Торнбран. Альд Эмрис Торнбран, — уточнил незнакомец, очевидно, решив, что ей самой непросто распознать в нем аристократа. На красивом холеном лице промелькнула усмешка. — А кто вы и как забрели в мои владения?

— В ваши? — смутилась Гвен, догадавшись, что замечталась и отошла далеко от Трелони.

— Да вы, похоже, совсем окоченели! — неверно истолковал ее растерянное бормотание спаситель. — Сейчас мы это исправим.

Она ожидала, что мужчина предложит ей фляжку с чем-нибудь горячительным, чтобы согреться, и уже приготовилась вежливо отказаться, но альд Торнбран вдруг щелкнул пальцами. Глаза его, казавшиеся просто серыми, налились зеленью, и по телу Гвен словно пронесся горячий ветер. Он высушил одежду, растопил колкие снежные крупинки.

— Рисуюсь, — ухмыльнулся мужчина.

Гвендолин потупила взор и отодвинулась на несколько шагов. Несмотря на то что ее вещи высохли и должно было стать теплее, по коже побежали ледяные мурашки. Торнбран... Гвен вдруг вспомнила, где слышала его имя. С этим магом встречался альд Линтон в день ее приезда.

— Спасибо, — заставила себя произнести она. — За... все... Простите за доставленные хлопоты...

Развернулась и быстро зашагала прочь.

— Чудная, — хмыкнул ей в спину маг. И тут же скомандовал, видимо, слуге: — По коням, Джером. Я же сказал, что хочу поохотиться? По-моему, разбойники — отличная дичь.

Сказано это было таким тоном, что разбойникам Гвен не завидовала.

Но, впрочем, и не сочувствовала. Все, чего она хотела, — скорее убраться подальше и, хоть никто и не думал ее останавливать, боялась даже оглянуться, а когда наконец увидела сквозь поредевший лес деревню, припустилась бегом.

— Слово призраки следом гнались! — прокомментировала ее возвращение Талула. — На вас лица нет! Вас кто-то обидел?

— Все в порядке, — нервно отмахнулась Гвен. — Приготовь чай! Только не предлагай больше те черствые булочки, их нужно скормить птицам!

О своей необычной находке она вспомнила уже после ухода служанки. Разглядывая каменный шарик, Гвендолин чувствовала исходящее от него тепло. Слово она сжимала в ладонях кусочек солнца, но ласковый, не обжигающий. Должно быть, какая-то магическая штука, но для чего она?..

Воспоминания, как обычно, пришли без предупреждения. Нахлынули волной, сбили с ног. Стало тяжело дышать, точно чьи-то холодные пальцы стиснули ее сердце.

...Просторная темная комната — несмотря на то что в доме не бедствуют, свечи все равно экономят. Тяжелые занавески из плотной жесткой материи пахнут пылью. За ними прячется девочка в коротком платье с оборками. Волосы заплетены в косу, перевитую голубой ленточкой. Ладонки все еще пощипывает от ударов линейкой.

— Бездарность! — Слова — как удар кнута. — И это моя дочь? Недоразумение! Ошибка природы!

— Успокойся. — Второй голос звучит размеренно, но за мягкой интонацией пробивается беспокойство.

— Я потратил целый день на то, чтобы хоть чему-нибудь ее научить, но нет! Я не ошибся. В ней нет ни капли магических способностей, ни малейшей искорки дара!

— Способности могут проявиться позже.

— Уверен, такого не случится. Ты ведь помнишь? Я в ее возрасте...

— Ты — другое дело.

— Почему мой сын, мой наследник, умер? Почему не стало моей жены? Почему их нет, а она выжила?

— Не говори так. Малышка не виновата в слабом здоровье матери и в том, что в город пришла эпидемия, убившая ее брата. Не виновата она и в том, что у нее оказался иммунитет к болезни.

— Больше не хочу ее видеть.

Занавески колются, но маленькая Гвен утыкается в них лицом и плачет навзрыд, больше не беспокоясь о том, что ее могут обнаружить в

ненадежном укрытии. Кажется, если она умрет прямо здесь и сейчас, отец не станет горевать. Более того — вздохнет с облегчением...

Воспоминания ушли. Гвен в слезах сидела на краешке жесткой кровати. Разжав пальцы, она наблюдала за тем, как упавший шарик медленно катится по полу и останавливается в углу. Затем вытерла щеки и подняла шар. Золотистые огоньки в нем, казалось, засияли ярче и стали напоминать звезды, вспыхивающие и гаснущие на ночном небе. Девушка спрятала находку в шкатулку с украшениями. Пока не найдется более подходящего места, лучше ему полежать здесь.

Склонившись над привязанным к стулу человеком, Эмрис Торнбран всмотрелся в бледное лицо с потухшими глазами и раздраженно цыкнул. До чего нежные, оказывается, эти разбойники! А ведь он их и пальцем не тронул, так — слегка «пощекотал» магией! Первый лишился сознания почти сразу же, второй продержался достаточно, чтобы ответить на все вопросы, но рассказал не так уж и много. А хуже всего, что после этого рассказа Эмрис чувствовал себя дураком. Кинулся за бродягами, приставшими к какой-то девице, а поймал, как выяснилось, воров. И обокрали воры не кого-нибудь, а самого же альда Торнбрана. Причем об этой краже он мог и не узнать, как не подозревал о том, что в замке хранится этот шар: дядюшка Сайлас оставил в наследство столько хлама, что всего не упомнишь. Но кому-то этот хлам вдруг настолько понадобился, что он нанял людей, пытаясь выкрасть вещь.

— Нужно сообщить в Службу правопорядка, — сказал альд Торнбран слуге. — Но только о проникновении в замок, а не о краже. Не хочу выставлять себя на посмешище перед законниками.

— Но ведь тогда их, — Джером кивнул на скрученных преступников, — почти тут же отпустят. Отделаются неделей наказания, если за ними не числится других проступков.

— Этого я и хочу.

Назвать нанимателя воры не могли, на условленную встречу уже опоздали, но, быть может, тот сам решит их найти, когда они окажутся на свободе? Правда, сначала нужно отыскать девицу, которая, по словам разбойников, подобрала шар. То-то эта бледная овечка так странно себя вела! А он даже имени ее не узнал.

— Ничего, — зло прошептал маг, с хрустом сгибая и разгибая пальцы. — Никуда эта красотка от меня не денется, кем бы она ни была.

Ошибкой считать, что Эмриса Торнбрана можно оставить в дураках. И кому-то предстояло жестоко поплатиться за эту ошибку.

ГЛАВА 6

На следующее утро Гвен велела себе забыть о случившемся накануне, ведь наступил день рождения Джесмин и на праздник надлежало явиться в соответствующем настроении. Правда, сделать это было не так просто, как сказать, но она старалась. Выбрала из привезенных книг толстый сентиментальный роман, завернула в красивую бумагу и приложила открытку ручной работы, делать такие их научили в пансионе. Привычное унылое платье сменила на самое нарядное — из шуршащей зеленой тафты, украшенное фестонами по подолу. Завила волосы локонами, промучилась с прической почти час, несмотря на помощь Талулы.

— Вы просто куколка! — восхитилась полученным результатом служанка. — Проходу от парней не будет! Чего доброго, еще затмите Джесмин. Она вам этого не простит!

В шутках Талулы слышалось предостережение, но, явившись в дом старосты одной из первых, Гвен тут же угодила в объятия виновницы торжества и ее матери, и ни та, ни другая не выказали ни малейшего намека на недовольство или ревность. Подумалось, что это оттого, что они обе добры к ней, а еще потому, что обаяние Джесмин не затмить новым платьем и прической.

Если кто и ревновал, так это другие приглашенные на праздник девушки, ведь за ломившимся от угощения столом именно чужачке-учительнице досталось место рядом с именинницей. Но отнюдь не завистливый шепоток смущал Гвен. Джесмин удалось заманить на торжество молодого человека, который был в числе музыкантов, игравших под окнами школы. Вблизи он выглядел немного старше, да и оделся нарядно. Вышитый бежевый жилет, подобранный в тон шейный платок. Длинноватые для мужчины русые волосы аккуратно причесаны — видно, что тщательно собирался, готовясь отправиться в гости. Но сильнее всего привлекали внимание глаза цвета небесной лазури, казавшиеся еще светлее из-за контраста с темными густыми бровями, по изгибу которых так и хотелось провести кончиком пальца.

Поймав себя на неподобающих мыслях, Гвендолин отвела взгляд. И кто только придумал посадить их друг напротив друга? Джесмин, не иначе.

— Ты ничего не ешь, — шепнула та, коснувшись руки Гвен. — Салат я сама приготовила. По рецепту из кулинарного журнала. Журнал по моей просьбе доставили из города. Там написано, что такие кушанья подают на

стол самой королеве! А еще у нас есть апельсины! Их привезли по железной дороге! Представляешь? Ты когда-нибудь ездила на поезде?

Гвен молчала. Она помнила яростный рев, напоминающий рык огромного животного, оглушительный скрежет и плотные облака дыма. Помнила, как стояла на перроне, замороженная неумолимым приближением тянущего за собой вагоны черного паровоза. Помнила, как пальцы, державшие ее руку, разжались...

Осознав, что собеседница повторила свой вопрос, покачала головой:

— Нет, никогда.

Воспоминания, как ни старалась Гвен, прорывались сквозь радостный гомон праздника, но она загоняла их обратно, в самые дальние уголки сердца.

После того как гости поднялись из-за стола, начались танцы. Гвендолин стояла в окружении деревенских девушек, наблюдая за тем, как напротив них переминаются с ноги на ногу молодые люди. Ее удивило, что первыми танцевать начали представители старшего поколения. Даже родители Джесмин! Под аккомпанемент оркестра, который Гвен видела под своим окном, они отплясывали так лихо, что у жены старосты растрепалась прическа и покраснелись щеки.

Джесмин тоже пригласили. Судя по реакции, тот самый парень, который ей нравился. Невысокий, чернявый, с хитроватым смазливym лицом. И что только она в нем нашла?

Задавшись этим вопросом, Гвендолин не сразу заметила приблизившегося к ней молодого человека.

— Позвольте пригласить вас на танец?

— Что? — Резко подняв голову, она посмотрела в лучистые светлые глаза. — Но... мы друг другу не представлены.

— Меня зовут Криспин Дэй, — ответил он с улыбкой. — А вас — Гвенда Грин.

— Сегодня вы не играете и не поете с ними? — Гвендолин кивнула на музыкантов. Те как раз сменили задорную мелодию на более медленную.

— Нет, сейчас мне хочется побыть среди танцующих. А вам? — Криспин протянул руку, и Гвен вложила пальцы в его широкую ладонь.

Она не танцевала так давно, что почти забыла нужные движения, но здесь, в Трелони, это никого не волновало. Каждый плясал так, как умел. В один танец проникали элементы другого, танцующие сближались на неприличное расстояние, на глазах у всех почти обнимали друг друга. Происходящее смущало, потому Гвендолин не смотрела на остальных — только на молодого человека, который вел ее в танце, ловко огибая

препятствия и, к счастью, не стремясь привлечь к себе Гвен слишком близко. Но она все равно слышала, как он негромко подпевал музыкантам:

Я милую мою ищу
В лесу, в полях и на лугах.
Ее за прошлое прощу
И ей скажу, что сам неправ.
Я моей милой подарю
Кольцо, букетик и рассвет.
С родными я поговорю,
Чтоб не сказала слова «нет».

«Чтоб не сказала слова „нет“... — мысленно повторила Гвендолин. — Жених, выбранный моим дядей, как раз с родными все и решил, что не помешало мне убежать. Интересно, как же там справляется Гвенда?»

— Вы не устали? — шепнул ей на ухо партнер по танцу. Его мягкие волосы коснулись щеки, и девушка вздрогнула от непривычного ощущения. — Еще один круг?

— Да, — отозвалась она. При мысли о том, что на следующий танец ее пригласит кто-нибудь другой, желания останавливаться не возникло. Да и не хотелось почему-то, чтобы Криспин Дэй приглашал кого-то, кроме нее, так что за новым кругом последовал еще один и еще...

Когда музыка стихла, а исполнители потребовали напоить их и дать отдохнуть, Криспин удержал руку Гвен в своей:

— Мы ведь еще увидимся?

— Трелони — маленькая деревня. Тут сложно не столкнуться с кем-то из знакомых.

— Что ж, тогда я постараюсь чаще проходить мимо школы. И, может быть... — Он вдруг приблизился и склонился к ее лицу: — Может быть, вы пригласите меня на чай?

Отвесив поклон, он отошел к музыкантам, а Гвен направилась к Джесмин, которая раздавала холодные напитки. Разгоряченные танцами гости охотно принимали глиняные кружки.

— Пока вы танцевали, все остальные сгорали от зависти, — хихикнула дочь старосты. — Кроме меня, конечно. Я, так уж и быть, великодушно уступлю тебе этого молодчика.

Гвендолин прижала ладони к заалевшим щекам и вспомнила вдруг, какой маленькой казалась ее рука в руке Криспина.

— Не смущайся! — подбодрила Джесмин. — Для чего еще нужны танцы? Погоди, сейчас игры начнутся, вот там...

— Игры? Нет-нет, я пойду! Прости, устала что-то, и голова разболелась...

— Бросаешь меня? Ладно. Но тогда я подыщу тебе провожатого.

Не слушая возражений, Джесмин юркнула в гущу гостей и вскоре вернулась, приведя с собой того самого молодого человека, с которым танцевала Гвен.

Вопреки опасениям Криспин Дэй совершенно не выглядел расстроенным оттого, что его отправили с праздника провожать пожелавшую вдруг уйти гостью. Он сказал, что не силен в играх, и, хоть Гвендолин в это не поверила, ей было приятно, что молодой человек предпочел ее общество развлечениям.

Дорогой она немного узнала о нем. Объяснились и правильная речь, и манеры фермерского сына: оказалось, что он долго жил в городе, где учился на часовщика.

— Вам удалось выучиться? — любопытствовала Гвен.

— Почти, — хмыкнул он. — Почему-то все представляют себе часовщиков чудаковатыми старцами с нечесаными бородами и неохотно идут с просьбами о починке часов к молодому мастеру.

— Понимаю, — улыбнулась Гвендолин. — Школьных учителей обычно тоже представляют людьми в годах. Но это — временные трудности. Еще лет десять, и я буду полностью соответствовать общепринятым представлениям об учительнице.

— Что же, вы всю жизнь собираетесь здесь преподавать?

— Возможно, — ответила она уклончиво. — А вы... скоро уедете? Джесмин сказала, вы тут затем, чтобы продать дом родственника.

— Может быть, и задержусь на какое-то время, — чуть понизив голос, как заговорщик, проговорил Криспин, и Гвендолин не удержалась от взгляда в его сторону. — Пока мне здесь нравится. А вам?

— Что? Да. Да, я понемногу осваиваюсь, — вздохнула она. Не рассказывать же о том, что здание школы нуждается в ремонте, вместо любимых бисквитов к чаю подают в лучшем случае хлеб с вареньем, а умываться приходится едва теплой водой, потому что у Талулы вечно не хватает терпения нагреть ее до нормальной температуры.

— Но вы ведь привыкли к другой жизни? — проницательно поинтересовался новый знакомый, и щеки Гвен вспыхнули то ли от его догадливости, то ли оттого, что он подошел чуть ближе и сейчас почти касался ее рукавом.

— Я знала, что пансион — не навсегда, — ответила она, справившись со смущением. — Кроме того, у меня нет семьи. Значит, я должна стать самостоятельной.

— Похвальное стремление. Но кто-то вам наверняка покровительствует? Какой-нибудь родственник, друг...

— Нет! — поспешно откликнулась она, помотав для убедительности головой. — Никто. Почему вы спрашиваете?

— Мне тяжело видеть, что такой девушке, как вы, не на кого опереться в этом жестоком мире.

— Такой девушке, как я? — Гвендолин даже приостановилась. — Что вы хотите этим сказать?

— Что вы хороши собой, умны и прекрасно танцуете.

— Вот уж не поверю в последнее! — прыснула она, вспомнив, как пару раз едва не отдала своему кавалеру ногу. — Скорее вы спасли остальных гостей, не позволив никому больше меня пригласить.

— Можете считать и так, но я останусь при своем мнении, — отозвался молодой человек, и по его голосу Гвен поняла, что провожатый улыбается.

Распрощались они у школьных дверей. Проситься на чашку чая Криспин не стал, пообещал заглянуть как-нибудь днем. А потом пожал ее руку и ненадолго задержал в своей ладони.

Поднявшись в собственную комнатку, Гвен вдруг осознала, что целый вечер не вспоминала ни о вчерашнем происшествии в лесу, ни об Арчибальде.

ГЛАВА 7

Можно было не сомневаться, что Джесмин примчится к Гвендолин чуть свет. Именно так и случилось.

— Ты должна мне все-все-все рассказать! — затараторила она с порога. — Что было вечером? О чем вы говорили? Ах, как сгорают от зависти наши кумушки, не представляешь! Точно лисы, перед которыми захлопнули дверцу курятника! Когда вы вдвоем ушли и он так и не возвратился, все заговорили о том, что... Ну, я, конечно, сказала, что ты совсем не такая, и пусть только кто-нибудь посмеет очернить имя нашей госпожи учительницы — мигом отведаст тумака!

— Спасибо, — поблагодарила Гвен. Все-таки ей здорово повезло. Наверняка дочь старосты не впервые защищала ее перед обитателями Трелони, и без такой поддержки на новом месте Гвендолин пришлось бы стократ сложнее. А любознательной Джесмин, видимо, было скучно с местными девушками, чьи интересы ограничивались замкнутым мирком деревни, вот она и тянулась к новой учительнице. Но даже если все обстояло не так, Гвен все равно не решилась бы прямо спросить приятельницу о причинах ее расположения к себе. Просто радовалась так быстро завязавшейся дружбе.

— Эх, жаль, что школа близко! — протянула с придыханием Джесмин, возвращаясь к разговору о Криспине. — С таким парнем можно было бы и до утра погулять! Ну, рассказывай, о чем вы с ним говорили?!

Гвен поведала все без утайки, ведь в их разговоре с Криспином не было ничего такого, чего приличная девушка могла стыдиться. Разве только ее собственные мысли... но о мыслях Джесмин не спрашивала, и Гвендолин оставила их при себе.

Все равно это пустые мечты. Криспин, вероятно, забыл о своем обещании заглянуть на чай, и весь второй выходной после ухода Джесмин Гвен провела в одиночестве. Зато хорошо подготовилась к завтрашним занятиям и дописала несколько страниц к истории Арчибальда. А вечером достала из шкатулки переливчатый шарик.

Сегодня его тепло не будило воспоминаний о давнем прошлом. Даже столкновение с разбойниками и встреча с магом казались теперь далекими-далекими, и, катая в ладонях магическую вещицу, Гвен не чувствовала ничего, кроме легкости и умиротворения. Но ведь у шара наверняка есть хозяин, и, если тот вдруг отыщется, придется вернуть ему чудесную вещь.

Впрочем, и эта мысль в голове надолго не задержалась, что позволило Гвен уснуть свободной от всех тревог и почти счастливой.

А гость к ней все же наведалься, но совсем не тот, которого она ждала: в первый день новой учебной недели в школу приехал альд Линтон.

Сквайр появился во время последнего урока. Увидев его в дверях классной комнаты, Гвен растерянно оборвала рассказ и наверняка вскочила бы, если бы Хлоя, малышка, которую водил с собой на занятия старший брат, не сидела в тот миг у нее на коленях. Обычно тихая девочка сегодня, как назло, раскапризничалась, и Гвендолин не придумала ничего иного, как взять ее на руки, чтобы успокоить, из-за чего со стороны урок, наверное, перестал выглядеть уроком, а Гвен — серьезной учительницей. Но снимать ребенка с колен было поздно, а если бы Хлоя снова расхныкалась, стало бы только хуже.

— Добрый день, альд Линтон, — выдавила Гвендолин, запинаясь и краснея.

Если он прибыл, чтобы проверить, как она справляется с обязанностями, выводы наверняка сделает нелестные для нее. А если кто-то уже пожаловался, что новая учительница не умеет работать с детьми? Что ж, подтверждение тому сквайр увидел собственными глазами. Она даже не сообразила, как напомнить ученикам, что следует поприветствовать гостя, и те продолжали молча таращиться на вошедшего в класс мужчину.

— Добрый день, — поздоровался тот. — Простите, не хотел мешать. Продолжайте, пожалуйста. С вашего позволения, я тоже послушаю.

Брови Гвен непроизвольно приподнялись от удивления. Карлион Линтон вовсе не выглядел рассерженным. Он прошел к пустой парте в последнем ряду, сел, словно прилежный ученик, и приготовился слушать учительницу. Наверное, решил проверить, насколько Гвендолин компетентна.

Пришлось взять себя в руки и продолжить урок. Поначалу голос дрожал от волнения, но ведь недаром она хорошо подготовилась накануне и отыскала в кладовой, где хранились пособия, большой деревянный глобус. Правда, из-за Хлои у Гвен не получалось показывать материки и океаны, о которых она говорила, но дети увлеклись рассказом о дальних странах и не галдели, как обычно, а сама Гвен если и сбивалась, то лишь в те моменты, когда встречалась взглядом с альдом Линтоном. Она чувствовала себя словно на экзамене, однако «экзаменатор» благосклонно улыбался, и вскоре она почти перестала нервничать, хоть и постаралась закончить урок поскорее. Все же география — не самая важная наука для деревенской

ребятни, зато она успешно заменила сказки, которых сегодня, к радости учительницы, никто не потребовал. Вряд ли альд Линтон одобрил бы такой способ преподавания.

— Вы замечательно справляетесь со своими обязанностями! — Дождавшись, когда дети покинут классную комнату, сквайр приблизился к Гвен, смущенно переминавшейся с ноги на ногу у учительского стола. — Надеюсь, мой визит не слишком нарушил ход урока?

— Нет-нет, — заверила Гвендолин. — А вы...

— Приехал, чтобы узнать, как вы устроились на новом месте, — ответил на непрозвучавший вопрос Карлион Линтон. — И узнать, не нужна ли какая-нибудь помощь.

— Нет, я... Я справляюсь, как вы заметили...

Не зная, как себя вести и что делать, Гвен зачем-то схватилась за глобус, забыв, насколько тяжел раскрашенный деревянный шар, и едва не уронила его на пол.

— Нужно убрать, — пробормотала сконфуженно, прижимая глобус к груди. — Дети, они...

— Могут решить, что это игрушка, — закончил сквайр. — Признаюсь, я сам когда-то считал, что это мяч для забав. Оттого глобус в таком плачевном состоянии.

Мужчина с задумчивой улыбкой коснулся царапин на дереве, невзначай задел пальцы Гвен.

— Это ваш глобус? — поняла она.

— Это было давно. Он стоял в отцовском кабинете. После пылился на чердаке. Когда открылась школа, я подумал, что тут глобус еще послужит. — Альд Линтон аккуратно забрал у Гвен тяжелый шар. — Хоть с этим позвольте вам помочь? Куда его отнести?

— Я покажу.

Гвен пошла вперед, радуясь, что на прошлой неделе успела перебрать хранившиеся в чулане вещи и велела Талуле все вымыть.

— Он стоял на этой полке, — сказала Гвен, первой входя в тесную коморку рядом с ведущей на второй этаж лестницей.

Карлион Линтон вошел следом, но едва приблизился к указанному Гвен стеллажу, как дверь в чулан захлопнулась. Послышались скрежет задвигаемого засова, сдавленный смех и быстро удаляющийся топот нескольких пар башмаков.

«Наверняка братья Бенсоны», — пронеслось в голове у Гвен. Ей с самого утра чудилось, что мальчишки, перешептываясь и переглядываясь на уроках, замышляют какую-то шалость. Но такое!.. Лучше бы это снова

была мышь!

— Однако, — обескураженно пробормотал альд Линтон. Света, проникавшего через узкое окошко над дверью, хватило, чтобы увидеть, как вытянулось от изумления лицо мужчины.

— Это дети, — испуганно извинилась Гвен. — Наверное, не видели, как мы вошли. Решили, что дверь бросили открытой...

Оправдания звучали нелепо. Она сама ни на миг не верила, что приехавший с проверкой землевладелец примет эти объяснения, но, страшась его гнева, продолжала говорить, пока не почувствовала, что слезы вот-вот брызнут из глаз.

— Не стоит оправдываться, — покачал головой сквайр, когда она, всхлипнув, все же умолкла. — Вы правы, это всего лишь дети.

— Я совершенно с ними не справляюсь, — призналась, сдержав рыдания, Гвендолин. — Я ужасная учительница.

— Отнюдь. Я видел вас на уроке с малышкой на коленях. Признаюсь, пожалел, что не обладаю талантами своей сестры, чтобы нарисовать увиденное.

Смахнув слезы, Гвендолин с удивлением подняла на мужчину глаза. Голос его звучал спокойно, а на губах играла улыбка.

— Ни одна драгоценность так не подчеркивает красоту женщины, как ребенок на ее руках, — закончил он.

— У вас?.. — Опомнившись, Гвен прикусила язык, но альд Линтон понял, о чем она собиралась спросить.

— Нет, — покачал головой альд. — Детей у меня, к сожалению, нет.

— Простите, — пролепетала Гвендолин. — Вы так говорили, что я подумала: вы очень любите детей... Но вы ведь можете жениться снова...

От страха и волнения она сама не понимала, что говорит, иначе ни за что не вела бы себя настолько бестактно.

Альд Линтон неожиданно рассмеялся:

— О, вижу, местные сплетницы уже просветили вас относительно моих семейных дел. Могу надеяться, что вы не поверили, будто я закопал супругу в лесу. Так ведь поговаривают в деревне?

— Нет! Что вы! В этом обвиняют вовсе не вас! — снова не сдержалась Гвен, вспомнив слова Джесмин о том, что альду Линтон мог убить любовник.

Ответом опять стал смех, но теперь в нем слышалась горечь:

— Для кого-то красочный вымысел интереснее неприглядной правды о том, что жена покинула меня ради моего лучшего друга. Но мне не хочется, чтобы вы верили в эти несуслазицы, Гвен. — Последнюю фразу сквайр

сказал уже серьезно и тем же тоном продолжил: — Мы развелись. Без скандалов и ненужного шума. Даже встречаться лишний раз не пришлось, хватило письменного согласия. Моя бывшая супруга и... ее избранник сейчас здесь. — Карлион Линтон, не глядя, ткнул пальцем в глобус, который до сих пор держал в руке. — Или здесь. Путешествуют по миру и в эти края, полагаю, уже не вернуться. Вы ведь тоже мечтаете о путешествиях?

Видимо, он хотел сменить тему, но для Гвен вопрос прозвучал как обвинение.

— Вряд ли я смогу себе это позволить, — проговорила она, потупившись.

— Не отчаивайтесь, — в голосе собеседника вновь послышалась улыбка. — Не отказывайтесь от мечты, и однажды найдется человек, который исполнит ваши желания.

Возможно, Гвендолин набралась бы смелости и спросила, что он имеет в виду, но в этот миг закрипел засов и раздался удивленный возглас Талулы:

— Госпожа Гвенда? С кем это вы тут?..

Увидев, с кем беседует в запертом чулане учительница, служанка охнула и отступила от двери.

— Дети шалят, — сдержанно объяснил опешевшей женщине альд Линтон. Поставил глобус на полку, вышел в коридор и обернулся к замешкавшейся Гвендолин: — Всего лишь небольшое недоразумение, да?

Она закивала, соглашаясь.

— Всего доброго, Гвен, — поклонился сквайр. — Был рад пообщаться... даже в такой обстановке. Но в следующий раз предпочел бы поговорить за чаем.

— Ох, негодники! — всплеснула руками Талула после его ухода. — Бенсоны небось? Хотя ведь не абы с кем заперли, с альдом...

— Не вижу в этом ничего забавного, — сердито прервала ее Гвендолин. — И надеюсь, слухи о происшествии не пойдут гулять по деревне.

Карлион Линтон все свел к шутке, над которой сам же посмеялся, но, судя по разговору, ему не привыкать к сплетням и домыслам. У Гвен подобного опыта не имелось, и приобретать его она не желала, как и терпеть nepозволительное поведение некоторых учеников, а потому, выведав у Талулы, где живут Бенсоны, девушка отправилась побеседовать с отцом неугомонных мальчишек.

Идти пришлось на другой конец деревни. Снег наконец-то растаял, под

ногами сочно хлюпало, подол платья измазался в грязи, но Гвен не сбавляла решительного шага и на ходу обдумывала, что скажет Бенсону-старшему. Скрывать от него выходку сыновей она не собиралась, пусть знает, что сегодня мальчишки напакостили не только учительнице, но и самому сквайру! Можно было приврать немного для остротки, сказать, что альда Линтона рассердила эта выходка. Гвен как раз размышляла, простительна ли в данном случае ложь, когда заметила виновников своего недавнего «заточения». Три брата Бенсона в компании еще нескольких мальчишек развлекались: бросали камни в большую лужу, растекшуюся посреди улицы. Гвендолин остановилась, опасаясь, что у озорников хватит и дерзости, и сообразительности подгадать, чтобы при следующем броске ее обдало грязью с головы до ног.

Пока она, укрывшись за толстым стволом дерева, думала, как пройти к дому мальчишек без ущерба для своего наряда и гордости, в конце улицы показался всадник. Видно, человек был не местный, так как дети, прервав свое занятие, с любопытством зашумели. Двое даже убежали, словно испугались чего-то. Гвен это насторожило. Никого из взрослых она поблизости не видела и решила, что должна выйти из-за ствола, чтобы чужак не вздумал обидеть ребят, однако, присмотревшись к приблизившемуся всаднику и узнав в пожилом человеке того самого слугу, что сопровождал встретившегося ей на прошлой неделе мага, осталась в своем укрытии. Сердце взволнованно забилося, хоть казалось, что для этого не было никаких причин.

Когда Гвен отважилась снова выглянуть из-за дерева, мужчина, свесившись с лошади, говорил о чем-то с двенадцатилетним Марком — старшим из братьев Бенсонов. Потом достал из кармана монетку, бросил мальчишке и, развернув лошадь, поскакал прочь. Выждав еще немного, Гвен отважилась подойти к детям. Она ведь учительница, и ее долг — заботиться об учениках не только в школе.

— Марк! — негромко окликнула она мальчика. — Подойди, пожалуйста.

Тот уставился на нее с удивлением, потом оглянулся по сторонам, будто раздумывал, не сбежать ли, но все же пошел навстречу. А вот его младших братьев и друзей точно ветром сдуло.

— Чего хотел тот человек? — строго и чуть обеспокоенно спросила Гвен. — Он... тебя не обидел?

Поняв, что его не собираются бранить, Марк шумно выдохнул и замотал головой:

— Нет. Он хотел узнать, не живет ли у нас в деревне одна девушка.

— Какая девушка? — насторожилась Гвендолин.

— Такая... — Мальчишка окинул ее плутоватым взглядом. — С вас ростом. И волосы как у вас. И глаза. И пальто похожее... Я сказал, что в Трелони таких нет.

— Спасибо, — пробормотала Гвен. — Но... почему ты так ответил?

— Знаем мы этого дядьку, — серьезно сообщил Марк. — Он в проклятом замке служит.

— В каком?

— В замке Торнбран. Его у нас иначе как проклятым или жутким не зовут. Там зимой, знаете, сколько народу поубивали?

Холодок пробежал у Гвен между лопатками, заставил нервно передернуть плечами.

— Не бойтесь, — успокоил ее ученик. — Вы хоть и ругаетесь, и линейкой стучите, и задачки решать заставляете, а в жуткий замок мы вас не отдадим. Истории вы все же интересные рассказываете.

— Я... тоже вас не выдам, — решила Гвен. — Ни вашему отцу, ни альду Линтону. Но чтобы больше такого не было, хорошо?

Мальчишка, подумав, кивнул.

Гвендолин порадовалась бы перемирию с главным зачинщиком безобразий, но, к сожалению, непослушание учеников было не самой большой из ее проблем. Зачем только она пошла тогда в лес? Зачем взяла тот шар?

Последний вопрос отпал сам собой, когда, оказавшись в своей комнате, Гвен достала магический предмет из шкатулки, и ладони и сердце согрело знакомое тепло... Взяла шар, потому что не могла не взять...

ГЛАВА 8

Следующие несколько дней ничего интересного не происходило, если не считать того, что на север королевства окончательно и бесповоротно пришла весна. От снега не осталось и следа, свежий ветер разогнал на небе серые тучи, а музыку капели сменил щебет птиц. Жители Трелони приступили к работе в полях, и Гвендолин отпускала детей пораньше, чтобы они могли помогать родным, а сама возвращалась к своей рукописи и, если бы не каменный шар, уже забыла бы и встретившегося в лесу мага, и его слугу.

Однажды, когда ученики разошлись по домам, а Гвен развешивала в классе географические карты для завтрашнего урока, за ее спиной слышались шаги.

— Позвольте помочь?

Обернувшись, она увидела прямо перед собой лучистые голубые глаза — так близко, что еще немного, и в них можно было бы утонуть.

— Добрый день! — улыбнулся Криспин Дэй. — Помнится, вы не возражали, когда я сказал, что как-нибудь загляну.

— И сейчас не возражаю, — ответила на улыбку Гвен, решившая не напоминать, что с того разговора прошел уже не один день. — Давайте закончим с этим, а затем я напою вас чаем.

— Мне хотелось прийти раньше, однако подвернулся выгодный заказ. Ремонтировал часы одного из деревенских жителей. Часы из поколения в поколение передаются в его семье по наследству. Он собрался отдать их дочери, но вдруг заметил поломку.

Не прерывая рассказа, Криспин подхватил второй конец шуршащей карты и ловко пришил его к доске. Затем выровнял нижний край, провел по нему ладонью. Их руки почти соприкоснулись, но Гвен тут же отдернула свою.

— Вам никогда не хотелось посмотреть мир? — спросила она, кивнув на карту.

— А вам? — вопросом на вопрос ответил молодой человек.

Второй раз на этой неделе у Гвен зашел разговор о путешествиях с мужчиной, но это был другой мужчина, и ему эта тема не напоминала о неверной жене.

— Хотелось, — призналась Гвендолин. — Я слышала об одной женщине. Она осталась старой девой, а родственники перестали нуждаться

в ее заботе. Тогда, собрав все накопления, она отправилась в жаркие страны. Там помогала местным жителям, изучала растения, переплывала опасные реки и даже ударила зубастого крокодила зонтиком по голове, когда он осмелился ей помешать!

— Бедняга крокодил, — шутливо посочувствовал часовщик. — Не ожидал, должно быть, такого.

— Вы мне не верите?

— Почему же? В виде исключения все возможно. Но все же путешествия и приключения — совсем не женское дело.

«Вот потому-то я и придумала Арчибальда, — мысленно заметила Гвен. — Ему куда проще справляться с трудностями, к тому же не приходится путаться в юбках».

Оставив классную комнату ожидать нового учебного дня, они поднялись на кухню. Талула отправилась навестить приятельницу в соседней деревне, так что чай Гвендолин приготовила самостоятельно. Поставила на стол остатки холодного пирога с курицей и грибами.

«Прибавится у деревенских поводов для сплетен, если его увидят выходящим из школы! — подумала она. — Но мы ведь ничего дурного не делаем, верно? Просто разговариваем».

— Чем вы занимаетесь, когда нет уроков? — любопытствовал Криспин, расправившись с пирогом.

— Я... — Нет, о романе лучше не рассказывать! — Иногда хожу гулять, иногда остаюсь здесь и читаю.

— И, конечно, проводите время с подружкой?

— Да, с Джесмин. Вы приходили к ней на праздник, помните?

— Разве я могу забыть?

Поймав на себе пристальный взгляд, Гвендолин смущенно потупилась. Почему его присутствие так на нее действовало? Ведь он совершенно не походил на Арчибальда, как, впрочем, и никто другой из ее знакомых. Совсем не стремился посмотреть весь мир. Ему вполне хватало той жизни, которая у него была.

А ей самой? Гвен очень сомневалась, что смогла бы бесстрашно размахнуться и приложить острозубого хищника зонтиком. Она ведь не проявила храбрости, когда встретила в лесу разбойников. Даже не позвала на помощь. Ей несказанно повезло, что маг и его люди охотились в тех местах.

Но везение — слишком ненадежный предмет. Сегодня оно с тобой, а на другой день упорхнуло. Вот, например, Гвенда. Ей подвернулся шанс изменить свою жизнь, но чем это в итоге для нее обернулось? Почему до

сих пор нет писем?

Криспин вдруг придвинулся ближе, перегнулся через стол:

— Вы позволите...

Договорить он не успел. Хлопнула дверь внизу, на лестнице послышались уже знакомые быстрые шаги. Через несколько мгновений в кухню влетела Джесмин:

— Вот ты где! Вы здесь?! Вот это да!

— Ты не... — поднявшись со стула, начала Гвендолин, но дочь старосты уже раскланивалась с гостем, расточала ему улыбки и лукаво подмигивала Гвен. Словно хотела сказать: «Вот я вас и поймала! Не уйдешь теперь от разговора!»

— А я проходила мимо, дай, думаю, забегу. Не иначе, скучаешь без Талулы. А ты вовсе и не скучаешь!

— Но послушай...

— У меня тоже новости, и какие! — Джесмин не дала и слова сказать. Вытянула вперед руку и пошевелила пальцами, на одном из которых красовалось кольцо с гранатом. — Я теперь помолвлена! С тем самым человеком, да, — со значением уточнила она для Гвен. — Поздравления принимаются!

— Поздравляю! — первым отозвался на новость Криспин. — Если пожелаете подарить нареченному хорошие часы, я знаю, где достать.

Гвен с поздравлениями замешкалась. Она была рада за Джесмин, получившую столь серьезное подтверждение взаимности своих чувств, но ведь помолвка означала скорую свадьбу, а свадьба — это уже навсегда. Не слишком ли быстро все решилось? Некоторое время, пока гости обсуждали жениха и подарки, Гвен растерянно стояла, затем, спохватившись, снова поставила чайник.

Как и следовало ожидать, после ухода Криспина Джесмин допрашивала Гвен целый вечер. Но рассказывать было нечего. По сравнению с новостями приятельницы Гвендолин не могла похвастаться ничем. На прямой вопрос, что она чувствует к молодому человеку, Гвен лишь пожала плечами. Разве ответишь так сразу? Они и знакомы-то всего ничего, несмотря на ощущение, что история длится уже долго. Да и не похоже, что Криспин намеревался ухаживать за нею. Просто зашел, оказавшись поблизости.

Точно так же, как на следующий день снова заехал в школу альд Линтон.

Как и в предыдущий раз, он появился в середине последнего урока, но теперь у Гвен не было малышки на коленях, и она смогла провести занятие

как положено. Потом проводила учеников до двери, чтобы убедиться, что никто не остался в здании школы, и на всякий случай строго погрозила пальцем братьям Бенсонам.

— Я уже говорил, вы прекрасно ладите с детьми, — улыбнулся сквайр, оставшись с Гвен в коридоре. — Но сегодня, признаться, хотел обсудить не вашу работу. Вернее, не эту... Один мой знакомый собирается посетить наши края, и я подумал, что мог бы представить вас ему.

— Зачем? — растерялась Гвен.

— Видите ли, — альд Линтон понизил голос до заговорщического шепота, — он издатель. И, полагаю, не откажется взглянуть на вашу книгу.

— Альд Линтон, вы... Вы не забыли обо мне! С вашей стороны...

— Пойдите, не благодарите! — остановил альд Гвен, готовую от радости броситься ему на шею. — Я не могу ничего обещать. Но, если ваша история чего-то стоит, она обязательно будет издана.

— Несмотря на то, что я не мужчина?

— Уверяю вас, мой знакомый — человек без предрассудков. Он считает, что талантливым может быть любой, независимо от пола и возраста.

— Такие люди — большая редкость. Буду рада с ним познакомиться.

Волна радости схлынула, оставив Гвен в смятении и сомнениях. Перемена настроения не укрылась от глаз ее собеседника.

— Что вас беспокоит? — спросил он.

— Вы так добры ко мне с самой первой встречи... — Она на миг прикусила губу. — Не знаю, чем заслужила это, и не знаю, как смогу вас отблагодарить...

— Ох, Гвен, — сквайр с шутливым укором покачал головой, — в нашу первую встречу вы мерзли на пустой станции. Мог бы я считать себя порядочным человеком, если бы оставил вас там? Сейчас же... Сейчас вы мой друг, я надеюсь. Вы ведь не откажетесь им быть?

— Конечно, нет!

— А что касается благодарности, — продолжил альд Линтон, будто не услышал поспешного согласия и не заметил, как вспыхнули щеки девушки, — я не отказался бы от чая. Ведь в прошлый раз мы условились поговорить за чаем, да?

И они действительно пили чай, сидя за столом в кухне, так как в квартирке Гвен не имелось гостиной. Видимо, никто не предполагал, что деревенская учительница будет принимать у себя посетителей, тем паче таких. Особенно Талула. Служанка суетливо переставляла посуду, поправляла скатерть и поминутно интересовалась, не желает ли

благородный альд чего-либо еще. Лишь после того как гость в третий раз похвалил пирог, женщина успокоилась и наконец-то догадалась, что не стоит мешать разговору.

Беседа вертелась в основном вокруг книги Гвен, но иногда альд Линтон спрашивал о другом. Важно было не утратить бдительности и, забывшись, не сказать что-нибудь, чего никогда не сказала бы настоящая Гвенда Грин.

— Мое присутствие вас тяготит? — нахмурился Карлион Линтон, заметив, как она напряжена.

— Нет-нет, я просто задумалась о ваших словах. Вы предложили мне стать вашим другом, но, боюсь, общение со мной не будет вам в радость. Понимаю, вы скучаете по сестре и... — Гвен благоразумно умолкла, в последний момент осознав, какой бестактностью будет упоминание о сбежавшей супруге, и покачала головой: — Я не смогу заменить тех, кого вам так недостает.

— Вы не замените. Но вы можете стать для меня чем-то новым.

Сказано это было так серьезно, что Гвендолин стало не по себе.

После отъезда альда Линтона она не раз вспоминала их разговор. Но волнующие недомолвки постепенно уходили из памяти, и в конце концов в голове остались лишь мысли о предстоящей встрече с издателем.

Предвкушение сменялось паникой, страх — восторгом, мечты — боязнью разочарования, и так бесконечное множество раз в течение нескольких последующих дней. От тревог не отвлекали ни занятия с детьми, ни визиты Джесмин. Лишь вечерами, катая в руках каменный шарик, Гвен забывала о переживаниях.

Вряд ли магический предмет создавали специально для того, чтобы успокаивать неуверенных в себе писательниц. Будь Гвендолин магичкой, она бы, наверное, смогла разобраться, для чего он на самом деле предназначен. Но, увы. Ее брат, который умер еще ребенком, унаследовал дар, а ей не досталось и крупницы. Гвен не позволяла себе думать о том, что все могло бы сложиться иначе.

А шар? Что ж, он чудесно согревает руки и отгоняет печаль.

Гвен полагала, что ничто, кроме чудесной находки, не сможет заставить ее улыбаться так счастливо и безмятежно. И ошиблась.

Букетик нежно-лиловых цветов вызвал такую же улыбку. Разве что немного приправленную смущением, но это относилось уже к тому, кто принес нежданный подарок.

— Первоцветы! — ахнула Гвендолин, касаясь цветов, хрупких и в то же время сильных и неустрашимых, ведь они пробились из холодной

земли, с которой едва сошел снег. — Спасибо! — Она с благодарностью посмотрела на молодого человека, встретившего ее на школьном дворе после ухода детей. — Я думала, вы уже уехали. Разве дом не продан?

— Нет, покупатели еще думают, — без улыбки ответил Криспин Дэй. — Но если вы мне не рады...

— Я такого не говорила, — запротестовала Гвен. — Я рада...

Щеки вспыхнули. Еще никто не дарил ей цветов. Деревенские парни, которые иногда заглядывали в школу будто бы для того, чтобы поговорить с младших братьев и сестер, ухаживали за ней неуклюже, комплименты их звучали грубовато, а порой и довольно смешно. Никому из них не приходило в голову порадовать ее подобным образом.

— Вам нравится? — спросил Криспин.

Подняв на него глаза, Гвен улыбнулась:

— Как такой подарок может не понравиться?

— Может быть, вы предпочли бы что-нибудь другое? Шляпку? Драгоценности?

— У меня есть две вполне приличные шляпки, а драгоценности здесь надевать все равно некуда.

Показалось, что Криспин хочет что-то сказать, но, как и в прошлый раз, помешало появление Джесмин.

— Почему ты не приглашаешь гостя в дом? — осведомилась она, со значением поглядывая то на молодого человека, то на цветы в руках девушки. — Может, и меня заодно позовешь. У меня столько новостей!

Новости Джесмин теперь состояли из рассказов о подготовке к свадьбе, но Гвендолин не хотелось отказывать подруге и упускать возможность продолжить разговор с Криспином. Пусть даже говорить они станут все о той же свадьбе.

— Нужно поставить цветы в воду! — спохватилась она, усадив гостей на кухне. — Сейчас вернусь. Не скушайте!

В своей комнате она отыскала пылившуюся на шкафу вазу, ополоснула и наполнила водой. Осторожно коснулась пальцами нежных лепестков. Ее первый букет... Несправедливо обрывать цветы, ведь без корней они завянут. Но теперь Гвен боялась заходить далеко в лес и наверняка не увидела бы первоцветов, если бы не Криспин Дэй.

Может быть, в следующий раз он пригласит ее на прогулку?..

— Ты что так долго? — окликнула Джесмин, прокравшись в комнату. Остановилась рядом, глядя на цветы. — Он их тебе принес, да?

Гвен кивнула.

— А мой до такого и не додумается! — хмуро выпалила дочь

старосты, но тут же вновь повеселела. — Я же говорила, что ты нравишься Криспину! Потому-то он и не торопится покидать Трелони. Наверное, рассчитывает, что ты уедешь с ним. Или, может, хочет остаться здесь с тобой. Но для часовщика в деревне мало работы. Наверное, вам все-таки придется поселиться в городе.

— Ах, Джесмин, дай тебе волю, ты придумашь имена нашим детям! — не удержалась от смеха Гвендолин.

— Ну, девочку, надеюсь, вы назовете в мою честь.

Гвен никогда не задумывалась об имени для дочери. Она выбрала имя только сыну, если когда-нибудь он у нее будет. Арчибальд.

ГЛАВА 9

Через несколько дней кучер Карлиона Линтона доставил Гвендолин приглашение от хозяина. Сквайр сообщал, что ждет ее на ужин накануне ближайших выходных. Он просил также захватить рукопись, чтобы показать ее знакомому.

Гвен надела то же зеленое платье из тафты, что и на день рождения Джесмин. Сбережений у нее почти не было, а скромное жалованье не позволяло тратить на вечерние туалеты. Впрочем, ее наряд, хоть и вышел из моды, выглядел вполне достойно.

В назначенный день тот же кучер заехал за Гвендолин, и, садясь в карету, она почувствовала себя сказочной замарашкой, приглашенной на бал. Принц ее там не ждал, но она о нем и не мечтала, с нетерпением предвкушая нечто совсем другое, а именно — встречу с настоящим издателем. Если ему понравится ее роман, об Арчибальде узнает весь мир! Ну, или все королевство, что тоже неплохо.

Дом альда Линтона в этот вечер показался Гвен особенно красивым. Она улыбнулась хмурой экономке и не без волнения вложила руку в ладонь приветствующего гостю сквайра. Линтон встречал ее так, точно она являлась особой королевской крови, а не учительницей в находящейся под его попечительством деревне. Он с почтением проводил ее в гостиную и представил остальным гостям.

Из полутора десятка присутствовавших Гвен интересовал лишь один — столичный издатель, оказавшийся невысоким толстячком, который то и дело вытирал платком пот с лысины. Он был сама любезность и доброжелательность, и через несколько минут разговора Гвендолин почти забыла о страхах. Почти — потому что какая-то смутная тревога все же осталась. словно нехорошее предчувствие. Или недобрый взгляд.

Гвен невольно огляделась и вздрогнула, встретившись глазами с человеком, которого не заметила сразу среди гостей. Альд Эмрис Торнбран. Сейчас он мало походил на встретившегося ей в лесу охотника: темные волосы аккуратно зачесаны назад, костюм элегантный и, несомненно, баснословно дорогой, в галстук поблескивает бриллиантовая булавка. Облокотившись о каминную полку, маг пренебрежительно оглядывал собравшихся в гостиной людей, случайно или намеренно возвращаясь к Гвендолин взглядом. Он ее узнал, сомнений не было. Но не подошел. И виду не подал, что они уже встречались.

Гвен тоже не стала этого делать.

За столом ей досталось место рядом с издателем, и тот, не умолкая, рассказывал о каком-то гениальном авторе, в котором видел будущее литературы. Рукопись Гвендолин издатель обещал посмотреть после ужина. Надо ли говорить, что ей кусок не лез в горло? Она тревожилась за судьбу книги, до финала которой оставалось совсем немного, боялась от волнения перепутать столовые приборы, а еще ее вгонял в смятение холодный изучающий взгляд Эмриса Торнбрана.

Когда ужин подошел к концу, все, кроме Гвен и издателя, проследовали в гостиную. Они же вдвоем отправились в библиотеку, куда их проводила экономка. Впрочем, после нескольких вопросов и уточнений человек, в руках которого находилось будущее Арчибальда, наценил на нос очки и попросил оставить его наедине с рукописью.

На подгибающихся от волнения ногах Гвен вышла в коридор и остановилась, переводя дух.

— Гвенда Грин — я верно услышал ваше имя?

При звуках голоса, который Гвен, как оказалось, очень хорошо помнила, сердце забило тревожно и часто, но выдержки хватило, чтобы, обернувшись, учтиво кивнуть остановившемуся в дверях курительной комнаты магу.

— Все верно, альд Торнбран.

— Мне нужно поговорить с вами. Наедине.

Гвен сама не понимала, почему вошла в комнату и позволила прикрыть за собой дверь, просто сил не было противиться звучащему в словах этого человека приказу. Нет, это была не магия. Гвен почему-то не сомневалась, не магия. И тем не менее...

— Я поймал разбойников, напавших на вас в лесу, — сообщил маг, приблизившись. — И допросил их. Лично.

— Вот как? — Гвендолин поежилась. — Что же они сказали?

— Хм... Просто так пересказывать неинтересно. С вас два поцелуя. Один — в благодарность за ваше спасение, а второй — в качестве платы за сведения. Идет?

— Вы хотите... — Гвен оторопела.

— Полно вам, я прошу всего лишь поцелуи, — усмехнулся наглец, сощуривав серо-зеленые глаза. — Или вы такая трусиха? Мы здесь одни, никто не увидит...

Гвендолин резко отстранилась.

— Мне не настолько интересно, что сказали разбойники, — проговорила она, стараясь сохранить достоинство, хоть дрожащий голос

мало этому способствовал.

— Тогда — только за спасение.

Возразить она не успела. Одной рукой маг обнял ее за талию, с силой привлек к себе, а второй обхватил подбородок, не позволяя вырваться, и поцеловал. По-настоящему — крепко и настойчиво.

— Альд Торнбран!

Оторвавшись от губ девушки, маг взглянул на дверь. К ним приближался хозяин дома.

— Что вы себе позволяете?!

— Вы против? — ухмыльнулся Торнбран. — Хотите оставить этот лакомый кусочек себе?

Не желая слушать продолжения разговора, Гвендолин выбежала из комнаты. Карлион Линтон догнал ее в коридоре. Схватил за локоть и затянул в опустевшую столовую.

— Вы должны сейчас же позволить мне уехать! — выпалила Гвен, не выслушав того, что Линтон собирался ей сказать. Руки дрожали, губы щипало от навязанного поцелуя. — Пожалуйста!

— Простите меня! — искренне попросил сквайр. — Вы моя гостья, и мне надлежало проследить за тем, чтобы никто...

В памяти вдруг ожили слова альда, что она может стать для него чем-то большим, чем другом, а за ними — недавний вопрос мага: «Хотите оставить ее себе?» Скрывавшийся в нем намек сумела бы понять и более неискушенная особа, нежели Гвендолин.

— Не извиняйтесь, альд Линтон. Вы на самом деле... Вы действительно хотите, чтобы я...

— Вы поверили его словам? Гвен, уверяю, я никогда не стал бы склонять вас к незаконной связи! Совсем наоборот!

— Наоборот?

— Возможно, вы решите, что я слишком спешу, но... Вы хотели бы стать здесь полноправной хозяйкой? Хотели бы... выйти за меня замуж?

Гвендолин опешила от неожиданности. Даже сказочной замарашке, чудом угодившей на бал, принц сделал предложение лишь поутру, а человек, стоявший перед ней, принцем определенно не был. Он богат, благороден, хорош собой... Но он не принц. Он — не для Гвен...

— Альд Линтон...

— Я не настаиваю на немедленном ответе. Подумайте. Несколько дней, недель, месяцев. Только не лишайте меня надежды сразу. Хорошо?

— Подобный брак посчитают мезальянсом, — пробормотала Гвен. — Вас это не пугает?

— После позора, пережитого по вине бывшей супруги, меня сложно чем-то испугать.

— Хорошо, я... Я подумаю. А теперь...

— Я всего на пару слов, — заявил, входя, Эмрис Торнбран. — Плату я получил, даже большую, чем рассчитывал, теперь обязан поделиться информацией.

— Мне она не нужна! — сердито выпалила Гвен, отступая поближе к хозяину дома.

— Вам так кажется, — нахально осклабился Торнбран, но настаивать на разговоре не стал и тут же вышел.

От смеси безотчетного страха, горького стыда и прочих эмоций, вызванных случившимся, кровь прихлынула к щекам Гвендолин, а на глазах вскипели злые слезы. Не для того она так долго мечтала о первом поцелуе, чтобы его походя украл какой-то бесстыжий маг!

— Вы не требуете объяснений? — тихо спросила она мужчину, только что предложившего ей стать его женой. Ведь, если он говорил серьезно, его не могло не интересовать то, чему он стал свидетелем.

— Только если вы сами хотите поговорить об этом. Я верю в вашу порядочность. И знаю Эмриса Торнбрана. Не с лучшей стороны, увы.

«Вряд ли у него есть лучшая сторона», — со злостью подумала Гвендолин и, смахнув с ресниц слезинки, принялась рассказывать. О прогулке, о разбойнике с закрытым платком лицом и пистолетом, о неожиданном появлении мага. Не умолчала она и о своей странной находке.

— Вы забрали себе тот шар? — переспросил альд Линтон, когда она закончила говорить. — Очень опрометчиво с вашей стороны. Не знаю, какое дело до этой вещи Торнбрану, но напавшие на вас головорезы в ней явно были заинтересованы. И, возможно, не только они... Понимаете?

Она кивнула и низко склонила голову.

— Что же мне теперь делать? — проговорила с отчаянием.

— У меня и кроме Торнбрана есть знакомые маги, — сказал, недолго подумав, сквайр. — Я поговорю с ними, если хотите. Уверен, они смогут выяснить, для чего предназначена эта вещица.

— Спасибо. — Гвен подняла на него взгляд. — Должно быть, она очень ценная. Мне даже хранить ее у себя страшно. Быть может, вы возьмете ее к себе и покажете магам?

— Думаю, это хорошее решение. После того как разъедутся гости, я мог бы проводить вас и...

— Я бы хотела уехать сейчас, если можно, — попросила Гвен. —

Простите, но я не хочу больше встречаться... с некоторыми из ваших гостей.

— Поверьте, он в этом доме не задержится, — мрачно пообещал хозяин. — Но я понимаю ваше состояние. Отправлю вас немедленно. Простите, что не смогу проводить — неудобно оставлять гостей. Но я заеду к вам завтра, хорошо? Посмотрим на вашу диковинку.

— А как же рукопись? — спохватилась Гвендолин.

— Я привезу ее вам и передам слова издателя. Полагаю, он зачитался. Не будем его сейчас отвлекать.

Карета доставила Гвен в деревню еще быстрее, чем привезла в дом сквайра. Уже стемнело, в тишине слышался голос приветствующей весну ночной птицы. Девушка тщательно заперла дверь и особенно остро ощутила собственное одиночество. Арчибальда не существовало в действительности. Он не сумел бы заступиться за нее. За нее постоял бы отец, если бы был жив и относился к дочери по-другому. На ее защиту встал бы брат, которому бы сейчас исполнилось немногим больше, чем ей. Но их нет, а единственным, кто готов взять ее под свою защиту, оказался Карлион Линтон. Поцелуев он в уплату не потребовал. Лишь попросил подумать о его предложении. Стать его женой. Альдой Линтон, хозяйкой в особняке.

Любая другая девушка на ее месте не колебалась бы ни секунды — тут же радостно ответила бы согласием.

Почему же ей так сложно решиться?..

ГЛАВА 10

Новый день начался, а тревоги остались вчерашними. Гвендолин чувствовала себя заводной куклой: она все делала механически, душа ее в этом не участвовала — лишь беспокойно металась пташкой где-то под кучевыми облаками, не находя себе места. К тому же выдался выходной, и не требовалось заниматься с учениками. Возможно, тогда Гвен хоть немного отвлеклась бы. А так пришлось помогать Талуле с уборкой и стиркой, но занятыми оказались руки, а не голова.

Покончив с делами по дому, Гвендолин пила чай у себя в комнате, перелистывая страницы уже не раз перечитанной книги, которую ей подарили в пансионе за успехи в учебе. Как она тогда гордилась собой! Как была наивна, веря, что в мире для нее нет ничего невозможного! Теперь на смену восторженным мечтам пришла неуверенность. Но у Гвен еще оставалась надежда, что история Арчибальда заинтересует издателя. Это стало бы прекрасной компенсацией за пережитые волнения.

— Госпожа Гвенда! — Талула влетела в комнату без стука, бледная и испуганная, словно увидела призрака. — К вам гость! — выпалила она, прижимая ладонь к груди, вздымающейся под серым саржевым платьем.

Гвен ожидала альда Линтона и тут же поспешила вниз, даже не подумав, что служанка вряд ли переполошилась бы из-за приезда сквайра. А стоило бы.

— Это вы? — прошептала она ошарашенно, увидев визитера.

Эмрис Торнбран огляделся, словно для того, чтобы убедиться, что в классной комнате никого больше нет, и развел руками:

— Это я. А вы желали бы видеть на моем месте кого-то другого?

Гвен почувствовала, как румянец заливает ее щеки, но ей достало сил не отвести глаз.

— Что вам угодно? — спросила она сдержанно.

— Скажем, мне угодно извиниться, — бросил он безразлично. Такой тон никак не сочетался с просьбой о прощении. — Вчера я повел себя грубо. Не ожидал, что вы окажетесь столь трепетным созданием, но, прочитав вашу рукопись, понял, как был не прав. Шутить над вами — все равно что смеяться над ребенком.

— Вы читали рукопись? — Гвен побледнела так же стремительно, как только что покраснела. — Но как же...

— Кто-то оставил ее в библиотеке. Я заглянул лишь в самое начало.

Читать дальше, признаюсь, не смог. Устал смеяться.

Сказанное прозвучало так обидно, что девушке пришлось закусить губу, чтобы сдержать слезы и не наговорить магу ответных дерзостей. Вместо этого Гвен с достоинством кивнула и проговорила ровным голосом:

— Я принимаю ваши извинения, альд Торнбран. И не смею вас больше задерживать.

— Жаль. Я как раз собирался задержаться. Хотел поговорить с вами о вещи, украденной из моего замка.

— О вещи? — Гвен захлопала ресницами, на которых все-таки блеснули слезы. — Значит, он... она... ваша?

— Не уверен. В замке Торнбран довольно предметов, о происхождении которых я имею весьма смутное представление. Но то, что попавшая к вам вещица украдена именно из замка, сомнению не подлежит. Давешние разбойники это подтвердили. Выслушали бы вы меня вчера, уже знали бы. Так что, желаете, чтобы я обратился в Службу правопорядка и вы продолжили общение уже с их представителями, или решим вопрос без лишнего шума?

Больше всего Гвендолин хотелось выставить неприятного господина за двери и никогда больше с ним не встречаться. Но, если Эмрис Торнбран говорил правду и шар украден у него, маг и правда вернется с людьми из Службы правопорядка. В лучшем случае это чревато сплетнями, которые расползутся по деревне, а в худшем — разоблачением ее обмана. Ни того, ни другого нельзя было допустить. Да и разве Гвен не хотела вернуть магическую вещь владельцу? Пусть забирает и уходит!

— Подождите минуту, — попросила она. — Сейчас я принесу шар.

Сходить в комнату за магической вещицей много времени не отняло, но, возвращаясь к гостю, Гвендолин отчего-то замедлила шаг. Шарик привычно согревал руки, и мысль, что его придется отдать, заставляла девушку с сожалением хмуриться. Но разве у нее был выбор?

Войдя в класс, где ее ожидал альд Торнбран, Гвен подала ему недавнюю находку. Маг протянул руку, но, не успев коснуться шара, резко ее отдернул.

— Положите на стол, — приказал он.

Девушка нехотя подчинилась. Почудилось, что шарик не желал покидать ее ладонь, он сделался вдруг тяжелым, так что Гвендолин пришлось сжать пальцы, чтобы ненароком его не выронить. Но в итоге шар все-таки медленно скатился на столешницу.

— Занятно, — пробормотал альд Торнбран, одарив Гвен подозрительным взглядом.

— Что именно? — любопытствовала она.

— Все. — Он усмехнулся, как в тот раз, когда просил поцелуй за информацию. — Хотите маленький фокус?

Гвендолин замотала головой, но маг ее ответа не дождался. Ткнул в каменный шарик пальцем, тот откатился на несколько дюймов и потемнел, а золотистые прожилки налились красным, словно кровью.

Гвен поражено охнула и отступила от стола.

— С вами, полагаю, он так не своевольничает? — спросил Эмрис Торнбран. Маг выглядел недовольным и озадаченным. — Можете взять его? Впрочем, о чем я? Он пробыл у вас несколько дней, вы наверняка не раз держали его в руках. Понимаете, что это значит?

— Нет.

— Действительно, где уж вам, — отмахнулся маг. — Шар — магический артефакт. Подобные вещи наделены характером и сами выбирают себе хозяев. Этот выбрал вас.

— Но почему?

— Понятия не имею. Но собираюсь выяснить. Мне, знаете ли, неприятна сама мысль, что артефакт — замечу, артефакт, принадлежащий мне, — выбрал какую-то... учительницу!

Гвендолин оскорбленно вздернула подбородок. Учить детей — достойное занятие, и она не «какая-то». Но магу, увлеченно разглядывающему почти до черноты потемневший шар, ее чувства были безразличны. Обида вскипала в душе, и Гвен бессознательно потянулась к единственному в последние дни источнику спокойствия. Шар под ее рукой снова налился яркой синевой и потеплел — будь артефакт котом, замурчал бы.

— Сами видите, — прокомментировал Торнбран. — Чем-то вы ему приглянулись. Правда, ума не приложу чем.

— Будь я на его месте, тоже к вам в руки не пошла бы! — буркнула девушка и взяла шарик в ладони, словно желала защитить от нежданного визитера.

— Ой ли? Я, к вашему сведению, умею быть ласковым. И вчера у вас был шанс убедиться.

Гвендолин не успела ответить на очередное дерзкое заявление, как скрипнула дверь, и в классе появился Карлион Линтон собственной персоной. Он, очевидно, никак не ожидал увидеть у Гвен гостя, да еще и такого. На лице сквайра на миг промелькнуло смешанное с удивлением раздражение, но мужчина тут же взял себя в руки.

— Что вы тут забыли? — спросил он, отвесив магу небрежный

поклон.

— Да вот, решил взглянуть на украденную из моего замка вещицу, которая волей случая оказалась не в тех руках.

— Из вашего замка?

— Именно. А вы тут с какой целью? Неужели соскучились? — Эмрис Торнбран недвусмысленно усмехнулся.

— Я приехал, чтобы вернуть Гвен рукопись.

— И... вас ничего не просили мне передать? — выдохнула она, с надеждой глядя на альда Линтона.

— Мой друг сказал, что история неплоха, — ободряюще улыбнулся тот. — Но над ней нужно еще поработать. И, конечно же, дописать. Тогда он непременно прочтет ее полностью и вынесет окончательное решение. Я со своей стороны готов поспособствовать тому, чтобы решение было положительным.

— О, благодарю вас!

— Какая банальная сцена! — фыркнул маг, бросив взгляд на рукопись, которую сквайр положил на стол. — Простушка и ее покровитель! Вас в пансионе не учили, какова цена бесплатного сыра?

— Вы явились сюда обсуждать цены на сыр? — не смолчала Гвендолин. Ее злость на Торнбрана сейчас была сильнее страха перед ним.

— Цель своего визита я обозначил сразу, — невозмутимо отозвался маг, кивнув на шар, который Гвен так и не выпустила из рук.

— Это... хм... то, о чем мы говорили вчера? — Карлион Линтон только сейчас заметил артефакт. — Я помню о своем предложении найти консультанта. Собственно, поэтому и приехал так поздно. Мой хороший знакомый — уважаемый маг. Он дожидается в экипаже, и если вы не против...

— Я против, — вмешался Эмрис Торнбран. — Или вы не поняли, о какой украденной у меня вещи идет речь? Так с чего вы собираетесь показывать постороннему магу мое имущество? Да и что это вообще за маг?

— Господин Гринфальд, — после небольшой заминки ответил альд Линтон.

— Неужели? — уточнил Торнбран недоверчиво. — Вам удалось вытащить старика из берлоги?

Гвен подумала, что господин Гринфальд действительно очень уважаемый маг, если даже этот наглец перестал пренебрежительно усмехаться, услышав имя консультанта.

— А знаете, — протянул он, — я передумал. Пригласим его.

Интересно услышать постороннее мнение.

«Потому что собственного мнения у вас, альд Торнбран, нет!» — мысленно позлорадствовала Гвен, вспомнив, каким озадаченным стало лицо мага, когда сбежавший от него шарик пригрелся в ее руках. Строит из себя все сильного чародея, запугивает, а сам небось только на дешевые фокусы способен!

От таких рассуждений Гвен взбодрилась, но едва альд Линтон вышел, чтобы позвать своего консультанта, Эмрис Торнбран повернулся к ней, и ее снова парализовал страх.

— Я не силен в том, что касается артефактов, — проговорил маг, — но это не значит, что не силен ни в чем.

У Гвен похолодело внутри: неужели он читает мысли?

Маг насмешливо фыркнул:

— Ваши мысли написаны у вас на лице.

Хотел добавить еще что-то, но, на счастье Гвендолин, вернулся альд Линтон в компании с опирающимся на трость сгорбленным стариком. Видимо, как и все пожилые люди, господин Гринфальд мерз даже в теплую погоду и потому так плотно укутался в теплый плащ с капюшоном. Наружу торчал только длинный сморщенный нос, на котором блестели очки с толстыми стеклами.

Войдя в класс, старик тут же, не тратя времени на приветствия и представления, направился к Гвен и, сгорбившись еще сильнее, уставился на шарик в ее руках.

— Прекрасно, просто прекрасно, — услышала она сиплый шепот. — Странно, но прекрасно, да... Но все же странно...

— Мне тоже так кажется, — подал голос Эмрис Торнбран.

— Да? — Господин Гринфальд обернулся к нему, словно лишь сейчас заметил, что в комнате еще кто-то есть. Потом развернул свой нос к Гвен: — Не принесете мне воды, дорогуша?

— Воды?

— Да-да, воды. В горле пересохло. А шарик оставьте пока, оставьте. Вот сюда положите. — Он указал на стол и, совсем как Торнбран, не рискнул взять артефакт в руки.

А еще оба мага отчего-то считали Гвен глупой простушкой. Эмрис Торнбран насмеялся над ней, а господин Гринфальд решил, будто она не догадается, что вода — лишь предлог, чтобы выставить ее из комнаты, где, возможно, будет решаться ее судьба.

Гвендолин вышла в коридор, дошла до лестницы, громко стуча каблучками, а затем тихо вернулась обратно. Конечно, подслушивать

нехорошо, но разве можно позволить, чтобы кто-то решал за нее ее же участь?

— ...сложно сказать, для чего он предназначен, — доносился через дверь голос старика. — Никогда не видел подобного. Но его мощь сложно не почувствовать, да... Что до привязки, то она пока не сформировалась. Все зыбко...

— Значит, можно просто забрать артефакт? — спросил Торнбран, как почудилось Гвен, с облегчением.

— Ни в коем случае! — запротестовал господин Гринфальд. — Я же сказал, связь неустойчива... Но сильна! Неизвестно, как артефакт отреагирует на разлуку с владельцем.

— Владелец вообще-то я, — угрюмо напомнил Эмрис Торнбран.

— Но не для шарика, не для шарика... В лучшем случае он от вас сбежит... потеряется... А если к тому же сожжет ваш замок и убьет вас?

— Но Гвенда... — начал альд Линтон.

— И Гвенда тоже, — прервал его старый маг. — Что с ней будет?

«Что?» — испугалась Гвендолин. Неужели ласковый шарик способен убить и ее?

— Она может не пережить разлуку с артефактом, — сказал господин Гринфальд. — А тот, в свою очередь, это почувствует и начнет мстить тому, кто их разлучил... Или вообще всем вокруг... Так что на данном этапе забрать артефакт можно только вместе с девушкой...

— Я согласен! — рассмеялся Торнбран.

Гвен со злостью сжала кулаки и прикусила губу.

— И думать не смейте! — осадил наглеца Карлион Линтон.

— Нужно дождаться, когда привязка стабилизируется, — невозмутимым учительским тоном произнес старый маг. — Только тогда ее можно будет безболезненно разорвать, хоть и потребуется время...

Решив, что услышала все, что нужно, Гвен на цыпочках прокралась к лестнице. Поднялась на кухню, налила воды в стакан и вернулась в классную комнату.

— Спасибо, дорогуша, — поблагодарил старик, отпив глоток. — Всего доброго.

— Я тоже прощаюсь, — огорошил девушку Эмрис Торнбран. — До завтра. Ваш благодетель объяснит причину, по которой вам придется какое-то время потерпеть мои визиты.

— Альд Торнбран! — возмутился Карлион Линтон. — И речи не было...

— А теперь есть, — заявил маг. — Я не намерен оставлять свою вещь

без присмотра. Но если вы против того, чтобы я навещал госпожу Грин в ее доме, могу предложить другой выход. Заявлю о краже шара и буду навещать вашу подопечную уже в тюрьме, до тех пор пока Служба правопорядка не определит степень ее причастности к преступлению.

С этими словами он, не прощаясь, вышел за дверь, оставив альда Линтона объяснять Гвен то, что она и так уже знала.

ГЛАВА 11

Альд Линтон старался смягчить нерадостные известия и ничего не сказал о том, что из-за артефакта жизни Гвендолин может грозить опасность, но она сама в это не верила. Теплый переливчатый шарик не причинит ей вреда. Относительно некоторых людей такой уверенности не было.

— Хотелось бы оградить вас от общения с таким человеком, как Торнбран, — произнес сквайр со вздохом. — Мне приходится по-соседски поддерживать с ним отношения, но их семейство и прежде не вызывало у меня теплых чувств, а теперь...

— Семейство? — Гвен гадливо поморщилась, представив себе дюжину Эмрисов Торнбранов, собравшихся за одним столом.

Из следующих слов альда Линтона стало ясно, что она напрасно дала волю фантазии — семейство было не настолько большим. Прежним владельцем замка и прилегавших к нему земель являлся Сайлас Торнбран. Не так давно он скончался, оставив наследником племянника — Эмрису, которого, как и дядюшку, соседи не слишком любили, и Гвен прекрасно их понимала. А ведь была еще какая-то история с убийствами, о которой говорил Марк Бенсон!

Невзирая на сложность положения, в котором ей не посчастливилось оказаться, Гвендолин ощутила знакомое щекочущее чувство, наверняка известное каждому писателю. Когда кажется, что любопытная история совсем рядом — поблескивает заманчиво, как рыбка в прозрачной воде. Нужно только изловчиться и ухватить ее за скользкий хвост. Однако человек, который мог удовлетворить любопытство Гвендолин, не углублялся в историю замка, прозванного у деревенских «жутким». Его волновала судьба Гвен, да и самой ей следовало озаботиться в первую очередь именно этим.

— Не думаю, что Торнбран может как-то навредить вам, — успокоил ее альд Линтон. — Но встречи с ним — повинность малоприятная, и я с радостью избавил бы вас от них. Увы, все, что приходит в голову, — приехать сюда вместе с Эмрисом. Но боюсь, он назло мне постарается появляться тогда, когда меня не будет поблизости. Если бы я мог постоянно находиться рядом, если бы вы приняли мое предложение...

— Простите, альд Линтон, но все это слишком неожиданно, — сбивчиво протараторила Гвен. — Я уже говорила, что должна подумать.

— Понимаю, — успокаивающе улыбнулся мужчина. — Не хочу, чтобы создалось впечатление, что я использую сложившуюся ситуацию, пытаюсь поторопить вас с решением. Но вы ведь не откажете мне в возможности наведываться к вам... как к другу?

Гвен не отказала. Лишь подумала, сколько пищи для сплетен появится у деревенских кумушек, если в школу зачествят и альд Линтон, и Эмрис Торнбран. Поежилась, вспомнив последнего, и тут же услышала в коридоре твердые, явно мужские шаги. Неужели вернулся?

Гвендолин обернулась к открывшейся двери и с облегчением вздохнула.

— Простите, если помешал, — извинился вместо приветствия Криспин Дэй, поклонившись сквайру.

— Я уже ухожу, — проговорил Карлион Линтон, кивнув молодому человеку. — Всего доброго, госпожа Грин.

— Наверное, я все-таки помешал, — произнес часовщик, поглядев вслед сквайру.

— Вовсе нет, — поспешила уверить Гвен. — Мы уже обсудили... вопросы о школе... А вы?..

Должно быть, он пришел попрощаться перед отъездом из Трелони. Этого и следовало ожидать. Не принимать же на веру слова Джесмин, что молодой человек задержался ради любви к учительнице?

— Для вас, — пробормотал он, протягивая ей перетянутый темно-розовой ленточкой букетик.

Снова цветы! На сей раз прелестные крокусы. У Гвендолин сердце забилось быстрее от взгляда на белые и фиолетовые бутоны.

— Вы меня балуете, — сказала она, принимая дар. — В благодарность я просто обязана напоить вас чаем!

Ей не хотелось оставаться одной и предаваться размышлениям о зыбком будущем, ставшем еще более зыбким с появлением в ее жизни странного артефакта, который сейчас оттягивал своей тяжестью карман. Да и Криспин — в мыслях в этом можно признаться — ей нравился.

— Кажется, альд Линтон забыл бумаги, — заметил он.

— Нет, это... — Гвен смутилась и отодвинула рукопись на другой край стола, подальше от захотевшего было взять ее молодого человека. — Он привез это мне...

Чтобы не развивать нежелательную тему, она повела гостя на второй этаж. Талула давно ушла, но после недавних событий Гвен уже не видела ничего страшного в том, чтобы остаться наедине с мужчиной за кухонным столом.

Да им этого и не позволили. Чайник еще не закипел, когда появилась наряженная в новенькое синее платье Джесмин и с нарочитой робостью встала в дверях.

— Кажется, я снова пришла не вовремя?

— Хороший человек всегда прибывает к столу! — вспомнила услышанную в пансионе поговорку Гвен. Промелькнула смутная догадка о странных и слишком уж частых совпадениях — сначала появляется Криспин Дэй, а затем подруга. Уж не караулит ли она его специально?..

Часовщик не стал задерживаться. Быстро выпил чай, закусил вчерашним пирогом, после чего попрощался. Провожать его Гвен не пошла, увидев, что Джесмин не терпитя о чем-то поговорить.

— К тебе приезжал жуткий владелец замка? — спросила подруга, распахнув в притворном испуге глаза. — То есть владелец жуткого замка?

— Ты об альде Торнбране?

— Ага. Конь у него приметный, такой черный, страшный, да и всадник не отстаёт. Что ему тут понадобилось?

— Он разыскивал альда Линтона, — нашла Гвен. — Узнал, что тот собирается в школу, и, видимо, опередил его в пути.

— А зачем приезжал альд Линтон? — тут же переключилась с одного альда на другого Джесмин.

— Интересноется школьными делами. Хочет купить новые книги. Он ведь сквайр! С его стороны очень благородно по мере возможностей заботиться о школе. Ты так не считаешь?

— А-а... — разочарованно протянула дочка старосты. — Я-то думала, что он к тебе наведывался. Лично. Мама говорит, ты чем-то похожа на его жену. Я сама ее только издали разок видела. В деревне она не появлялась. Но мама еще в твой первый приход заметила, и отец...

Вспомнился хмурый, слегка озадаченный взгляд экономки из особняка Линтона. Неужели она тоже обнаружила сходство? А отец Джесмин при первой встрече поинтересовался, не родственница ли Гвен сквайру, видимо, подразумевая родство с его супругой. А сам альд Линтон? Не оттого ли он поспешил сделать предложение едва знакомой девушке, что увидел в ней черты той, которую когда-то любил, а быть может, и до сих пор любит?

— Ох, не забивай голову! — небрежно махнула рукой Джесмин. — В любом случае, такие люди не женятся на деревенских, ты ведь понимаешь? К тому же у тебя есть Криспин.

Подружка лукаво подмигнула, и Гвендолин в невольном смущении опустила взгляд.

— Почему ты назвала альда Торнбрана владельцем жуткого замка? —

сменила она тему, надеясь разузнать о маге то, чего не сказал альд Линтон.

— Потому что замок и впрямь жуткий, — понизив голос, начала Джесмин. — Большой-большой. Старинный-старинный. Говорят, ему сотни лет. Раньше там жил альд Сайлас Торнбран. Недавно он умер. А незадолго до смерти собрал в замке гостей, и их... начали по одному убивать!

Гвендолин вздрогнула и отшатнулась.

— Точно известно, что первым убили поверенного, — сообщила Джесмин. — Закололи. Крови вылилось целое море! А Службу правопорядка вызвать не смогли из-за снегопада. Он несколько дней не прекращался. Мы сами почти из домов не выходили, так замело!

— И что же, убили всех гостей? — взволнованным шепотом спросила Гвен.

— Кажется, не всех, но почти. А потом слуги разбежались! Остались только те, кому пойти некуда.

Гвен слушала историю с замиранием сердца. Ее воображение уже дорисовывало подробности. Мрачный лес, старый замок, долгий снегопад, превративший гостей в пленников...

Вспомнив о каком-то родительском поручении, Джесмин убежала так же внезапно, как появилась, и Гвен не успела спросить о главном: нашли ли убийцу и причастен ли к случившемуся Эмрис Торнбран? Хотя, если бы был причастен, его бы уже арестовали — разве нет?

Решив, что ей и так довольно страхов, чтобы не придумывать себе новые, Гвен собиралась вечер и следующий выходной посвятить истории Арчибальда. Ведь среди сегодняшних новостей были и приятные: издатель сказал, что книга небезнадежна. Значит, нужно работать над романом, а там, глядишь, и время побежит быстрее, укрепится привязка, о которой говорил старый маг, и ее разорвут, что важно — безболезненно. Торнбран заберет артефакт и забудет дорогу к школе.

Гвен с сожалением вздохнула, погладила лежащий в кармане шарик и спустилась в классную комнату, чтобы забрать рукопись. Однако та исчезла. Ее не нашлось ни на столе, ни на полках. Неужели кто-то, воспользовавшись незапертой дверью, вошел и забрал? Или любопытная Джесмин сунула нос в бумаги, а поняв, что это, забрала без спроса, чтобы почитать?

Гвендолин слишком устала, чтобы тут же бежать к подруге. Может, утром Джесмин, если пропажа действительно на ее совести, сама вернет рукопись?

Ночь прошла беспокойно. С трудом уснув после вечерних волнений,

Гвен несколько раз вскакивала на кровати, разбуженная странными тревожными снами. То ей чудилась окутанная туманом громадина древнего замка, из которого доносились стоны измученных пленников. То — пустая шкатулка в руках и злобный маг, лица которого она не видела, но хорошо себе представляла, требовал взамен утерянного шара ее душу. Но чаще, как ни странно и ни обидно, к Гвендолин являлся Арчибальд: любимый герой смотрел осуждающе, качал головой, укорял, что она не уберегла его жизнь и историю, которую он ей доверил, и, не слушая оправданий, уходил прочь...

Неудивительно, что к утру она не только не отдохнула, но и почувствовала себя совершенно разбитой. Талула сегодня отдыхала, так что некого было попросить приготовить чай, чтобы согреться и взбодриться. А самой возиться не хотелось.

Но дверь открыть пришлось, очень уж настойчив был стучавший.

Гвен так торопилась, что даже не задумалась, кто мог явиться в такую рань, а увидев стоящего на пороге человека, испуганно отпрянула.

— Это вы?!

— Других фраз для гостей у вас нет? — усмехнулся Эмрис Торнбран и, не дожидаясь приглашения, вошел в дом.

— Что вам угодно? — спросила девушка, взяв себя в руки.

— Снова повторяетесь, — глумливо заметил маг. — Но я прощу вам скудный запас приветствий и напомним, что вчера мы условились о том, что я буду контролировать сохранность моей вещи, оказавшейся у вас по недоразумению. Вспомнили?

Говоря, он нетерпеливо постукивал по бедру свернутыми в толстый рулон бумагами. С первого взгляда Гвен и не поняла, что он так небрежно сжимает в руке, но, присмотревшись, не смогла сдержать возмущения:

— Моя рукопись! Так это вы ее забрали?!

Маг весьма правдоподобно изобразил удивление.

— Рукопись? — Он заглянул в бумаги. — И правда. Но когда я вчера покидал ваш негостеприимный дом, эти писульки оставались при вас. Скажете, нет?

Немного отойдя от потрясения, Гвен вспомнила, что именно так и было. Но как тогда ее роман попал к этому человеку?

— Признайтесь, — вкрадчиво произнес альд Торнбран, — после моих замечаний вы перечитали свое сочинение, устыдились этого убожества и выбросили за дверь?

— Я?! Да как вы могли подумать?

— Ну... Я всегда надеюсь на лучшее. Как же тогда ваш роман оказался

на крыльце? Я подобрал его там.

— Не знаю, — растерянно произнесла Гвендолин. — Но главное, что он нашелся.

Она протянула руку, нимало не сомневаясь, что маг тут же отдаст ей бумаги, но Торнбран спрятал их за спину.

— Так просто? — спросил он с ухмылкой. — И я не заслуживаю еще одного поцелуя?

Маг шагнул к ней, и девушка в неподдельном испуге округлила глаза. Мысли, одна другой страшнее, пронеслись в голове. Вспомнились рассказанные Джесмин ужасы о замке Торнбран. А с нынешним его владельцем Гвен сейчас одна в пустой школе, и, даже начни она кричать, в деревне вряд ли услышат.

— Ох, вы серьезно? — скривился, глядя на нее, маг. — Нельзя же с утра так портить настроение. Почувствовал себя уродцем из передвижного цирка, хотя еще час назад видел в зеркале вполне привлекательного молодого человека. Или вам по нраву мужчины постарше, вроде нашего общего знакомого Линтона?

— Ваши намеки оскорбительны, альд Торнбран! — отчеканила Гвендолин, все еще содрогаясь от страха и омерзения.

— Святая невинность, — буркнул гость себе под нос. — Принесите хотя бы шар. Взгляну на него и уйду. Вы прескучная особа, вам говорили?

Гвен не ответила. Лучше быть скучной для этого господина, чем, упаси высшие силы, вызвать его любопытство. Достаточно того интереса, который у него к ней уже имелся.

Она поднялась к себе, достала из шкатулки артефакт и вернулась с ним к Торнбрану.

— Положите на стол, — как и накануне, велел маг и, подойдя, всмотрелся в потемневший от его приближения шарик. — А он изменился, — проговорил Торнбран задумчиво. — Чувствуете?

— Он всегда так на вас реагирует, — позволила себе капельку злорадства Гвендолин.

— Я не об этом, — проигнорировал ее тон маг. — Он словно растратил часть вложенной в него силы. На что? Вы брали его вчера? Что-то с ним делали?

Гвен на миг задумалась, стоит ли рассказывать, как, держа шар, сокрушалась об утерянной рукописи и мечтала ее вернуть, какие странные ощущения испытала в тот момент, и решила, что не стоит. Не хватало, чтобы Торнбран, узнав об этом, затеял какие-нибудь опыты. К тому же если артефакт и выполнил ее желание, то сделал это неудачно: роман нашелся,

но все еще был в руках у мага.

— Я ничего не делала с артефактом, — сказала она, решив, что это вовсе не ложь. Ведь думать — не делать.

— Что же тогда случилось? — спросил не у нее, а как будто у шара Эмрис Торнбран.

Шар промолчал, и Гвендолин — тоже.

— Унесите, — хмуро приказал мужчина.

— А моя рукопись? — несмело заикнулась Гвен.

— А что — рукопись? — осклабился он. — Мой артефакт у вас, ваш роман у меня. Неравноценный обмен, но я согласен и на такой залог.

— Я не согласна! — возмутилась она. — Я не хотела ничего вашего. Если бы тогда, в лесу, я знала, что шар ваш — отдала бы его сразу же!

— И лишили бы меня удовольствия продолжить наше знакомство? — прищурился маг. — Сомнительного удовольствия, но... — Он смерил ее взглядом, словно приценивался. — Сколько времени вам понадобится, чтобы собраться?

— Куда? — скорее растерялась, нежели испугалась Гвен.

— Поедете со мной в город, — сказал Торнбран так, будто это — уже решенное дело, и ее согласия не требуется. — Поможете мне, и по возвращении я верну вам ваш драгоценный роман.

— Но...

— Возражения не принимаются. Мне нужна скучная особа вроде вас, чтобы выбрать благопристойный подарок на свадьбу.

— На чью свадьбу? — Гвендолин уже совершенно ничего не понимала.

— Не все ли вам равно? Собирайтесь. Я буду ждать в экипаже. Если заскучаю или замерзну в ожидании, начну жечь страницы вашей рукописи, чтобы развлечься и согреться, так что в ваших интересах поторопиться.

ГЛАВА 12

Гвендолин собиралась так быстро, словно за ней гнались. Когда она вышла и оказалась перед экипажем мага, кучер открыл ей дверцу, и девушка тут же забилась в самый дальний угол. Подальше от жуткого Эмриса Торнбрана. Всю дорогу она хмуро смотрела в окно, лишь время от времени поглядывала в сторону спутника. Тот уткнулся в рукопись, бесстыдно читал ее и время от времени громко фыркал от смеха.

«Будь я магичкой, превратила бы его в жабу! — сердито думала Гвендолин. — Самую отвратительную в мире — огромную, зеленую, с бородавками! Такую, какую ни одна принцесса не поцелует, чтобы расколдовать!»

Не догадываясь о ее мыслях, альд Торнбран продолжал чтение до тех пор, пока экипаж не остановился.

После пребывания в Трелони Гвен оказалось неожиданно приятно попасть в город, пусть даже небольшой. Выйдя из кареты, она жадно рассматривала дома, в приоткрытых по случаю хорошей погоды окнах которых игриво трепетали занавески, витрины магазинов и спешащих по своим делам горожан. Попутно отмечала фасоны платьев и шляпок, стараясь не сравнивать их с собственной одеждой — увы, сравнение было не в ее пользу.

— Не забывайте, мы приехали за свадебным подарком, — напомнил ей маг. — Мне нужно отправить его сегодня же.

— Почему вы не едете на свадьбу сами?

— Я в трауре по любимому дядюшке, — мрачно усмехнулся маг. — К тому же, полагаю, невеста будет не особо рада меня видеть. Почти уверен в этом.

— Почему? — Гвендолин вскинула на него взгляд. — Вы и от нее требовали поцелуев?

— Вы невероятно проницательны, — ухмыльнулся нахал. — С подобным даром для вас не составит труда подобрать достойный подарок.

— Может быть, чайный сервиз? — неуверенно предложила Гвен.

— Он разобьется по дороге.

— Тогда скатерть? Набор салфеток? Грелка для чайника?

— Выберите сами! — Он кивнул на витрину, мимо которой они как раз проходили. — Вот, держите деньги! Только быстрее!

Гвен сжала в пальцах втиснутые ей в ладонь монеты и толкнула

тяжелую дверь магазина. К ней тут же подскочили услужливые продавцы. Выяснилось, что у них имеется целый склад заблаговременно и красиво упакованных свадебных подарков и огромный выбор открыток с трогательными пожеланиями, под которыми оставалось лишь поставить подпись. Гвен подумала, что это замечательно, ведь так Торнбран не напишет новобрачным каких-нибудь гадостей.

Проведя в магазине четверть часа, она вышла на улицу с нарядным свертком и растерянно уставилась на молодую женщину, с которой разговаривал маг. Гвен еще не приходилось видеть таких красивых людей. Все — от кончиков густых каштановых локонов до носка выглядывающей из-под подола темно-зеленого бархатного платья туфельки — поражало воображение.

— Познакомьтесь! — небрежно бросил Эмрис Торнбран. — Это моя хорошая знакомая альда Флориана Эдевейн. А это Гвенда Грин, учительница из деревни Трелони.

— Не думала, что застану вас в такой компании, — заметила его собеседница с брезгливой интонацией.

— Она помогает мне выбрать подарок для Киллиана Ристона и его невесты.

— Для невесты? — надменно фыркнула красавица. — Тогда понятно. Кто знает, что придется по вкусу безродной выскочке? Только такая же простолюдинка.

— Давайте! — Альд Торнбран вырвал из рук Гвен сверток и едва не выронил открытку. — Сдачу оставьте себе. Мне нужно зайти на почту, — сообщил он спутницам. — Можете пока пройтись по лавкам.

Он быстро зашагал в сторону большого муниципального здания с гербом королевской почты над дверью и не увидел, как альда Эдевейн сморщила носик.

— По лавкам? — негромко спросила она у удаляющейся спины мага. — Покупать что-либо в этой дыре? — Перевела взгляд на Гвендолин и поморщилась снова: — Вам, впрочем, выбирать не из чего. Идите, если хотите.

— Я не рассчитывала сегодня делать покупки.

— Напрасно, — пожалала плечами альда. — Вам стоило бы приобрести приличную шляпку. Хотя бы шляпку, если не хотите полностью сменить наряд.

— Не хочу.

Отказ прозвучал неуверенно. Гвен и без того знала, что ее платья давно не соответствуют моде, но в присутствии безукоризненно элегантной

Флорианы это особенно бросалось в глаза. Захотелось зайти в какой-нибудь магазинчик, лишь затем, чтобы не торчать рядом с альдой Эдевейн, как репей рядом с розовым кустом.

— Вы учительница? — уточнила красавица так, будто с тех пор, как ей представили Гвендолин, прошло больше года, и услышанное успело выветриться из памяти. — Тогда, вероятно, вас интересуют книги?

Альда кивнула на вывеску лавки букиниста на противоположной стороне улицы.

— А вас? — спросила Гвен, в душе надеясь, что составить ей компанию прекрасная альда не пожелает.

— Вряд ли тут найдется что-то, любопытное для меня, — скучающе протянула та. — Ступайте, а я дождусь Эмриса, чтобы он не разыскивал нас по всему торговому кварталу.

Книжная лавка не пользовалась популярностью у горожан. Учительница из Трелони оказалась там единственной посетительницей. Дремавший до ее прихода торговец оживился и принялся расспрашивать, какая литература ее интересует. Пользуясь тем, что других покупателей не было, Гвендолин призналась, что хотела бы прочитать что-нибудь о приключениях или путешествиях, а лучше — о приключениях во время путешествий. При этом она не забывала поглядывать в окно. Не хватало, чтобы Торнбран завершил дела раньше и пришел за ней сюда: снова будет высмеивать ее книжные предпочтения. Однако когда букинист выложил на прилавок десяток новеньких, пахнущих свежей типографской краской томов, девушка забыла обо всем на свете. Она листала книги, вдыхала их аромат, казавшийся ей стократ приятнее запаха самых изысканных духов, расспрашивала продавца об их авторах, а когда спохватилась и снова выглянула на улицу, маг уже стоял рядом с альдой Эдевейн. Флориана что-то сказала ему и махнула рукой в сторону лавки. Наверное, объяснила, куда пошла Гвен. Девушка уже собиралась извиниться перед торговцем и уйти, пока за ней не явился маг, но тут увидела, что к Торнбрану и его знакомой подъехал экипаж. Эмрис открыл дверцу Флориане, бегло оглянулся по сторонам и вскочил на подножку. Гвендолин, словно зачарованная, ничего не понимая, продолжала следить за происходящим. А когда поняла, было поздно. Даже если бы она со всех ног побежала за отъезжающими, ни за что не догнала бы уже скрывшийся за углом экипаж.

Как же она вернется в деревню?!

В растерянности Гвен выскочила на улицу и остановилась посреди тротуара. Куда идти? Кого просить о помощи? А скоро стемнеет!

Наверняка в городе можно нанять повозку, но Гвендолин никогда

подобным не занималась и просто не знала, куда обратиться. Прохожие, которых она пару раз останавливала, чтобы спросить, отмахивались и шли дальше по своим делам.

Пробродив по улицам с час, девушка отчаялась, но вдруг заметила впереди знакомую фигуру. Их разделяла добрая сотня ярдов, но Гвен почти не сомневалась, что видит Криспина Дэя. Если он собирается возвращаться в деревню, то, конечно, подвезет и ее. Но даже если часовщик планирует остаться в городе, без помощи Гвен он все равно не оставит.

Гвендолин поспешила за молодым человеком. Тот дошел до угла и остановился. Махнул кому-то. Когда к нему подошел бородач в длинном плаще, Гвен сбавила шаг, чтобы не мешать разговору. Мужчины, склонив головы, о чем-то шептались и время от времени выглядывали за угол. Должно быть, караулили какого-то знакомого, но, видно, решили не дожидаться, так как бородач, хлопнув Криспина по плечу, пошел в сторону Гвендолин, а часовщик вдруг исчез. Поняв, что под землю он провалиться не мог, скорее всего, просто куда-то свернул, девушка со всех ног пустилась его догонять. Смотрела она при этом далеко вперед и не видела ничего под собственным носом, оттого и налетела на того самого бородача, что говорил с Криспином. Мужчина охнул, отступил в сторону, его плащ распахнулся, и Гвен ошалело уставилась на пистолеты, висевшие на поясе незнакомца. Сцена продлилась не больше двух секунд, после чего бородач, буркнув что-то, поспешил прочь, а Гвен так и осталась стоять. Желание догонять Криспина — или все же человека, похожего на Криспина? — пропало напрочь.

Но если это все-таки был Криспин, откуда у него такие приятели? И не замышляют ли они дурного, среди бела дня расхаживая по городу с оружием?

Размышляя так, она дошла до угла, за которым скрылся то ли Криспин, то ли кто-то, похожий на него, и изумленно протерла глаза. Создавалось впечатление, что сегодня все ее знакомые выбрались в город. Хотя почему нет — выходной же. Не исключено, что и Джесмин с родителями где-то тут, и Талула. Но пока Гвендолин видела только экипаж альда Линтона — тот самый, которым она залюбовалась в день прибытия.

— Гвен? — прозвучавший за спиной голос заставил девушку подпрыгнуть от неожиданности. — Ох, простите! — Карлион Линтон обошел ее так, чтобы она могла его видеть. — Не хотел напугать. Просто был удивлен, увидев вас здесь. Как вы сюда попали? — Он присмотрелся к ней с тревогой. — У вас что-то случилось?

Столько участия слышалось в этом вопросе, что Гвендолин

засомневалась лишь на миг, прежде чем все рассказать. И о том, как Эмрис Торнбран приехал к ней проверить «свое имущество», и о том, как попросил ее поехать с ним в город, чтобы купить свадебный подарок, и о том, как, встретив знакомую, забыл о ней и уехал. Умолчала только о рукописи, оставшейся у мага, и о Криспине. Она ведь не была уверена, что видела именно его — зачем возводить на человека напраслину?

Альд Линтон покачал головой:

— Я же предупреждал вас о Торнбране. Такое пренебрежительное отношение — меньшее зло, которого можно от него ожидать. Считайте, что вам повезло.

Гвен виновато понурилась, но дальнейших упреков не последовало.

— Вы голодны? — спросил Линтон.

— Нет, я... Я была бы вам очень благодарна, если бы...

— Конечно, я отвезу вас домой, — улыбнулся мужчина. — Пойдемте.

Он подал ей руку и повел к экипажу. Помог забраться в карету и отдал распоряжения кучеру.

— Так значит, вы были в книжной лавке? — спросил, устроившись рядом с девушкой. — Присмотрели что-нибудь?

Сквайр пытался говорить на нейтральные темы, но Гвендолин все равно чувствовала себя неловко. Ее смущение не осталось незамеченным.

— Послушайте, Гвен, — мягко произнес альд Линтон, коснувшись ее руки. — Мне следует попросить у вас прощения за свое предложение. Нет-нет, я от него не отказываюсь, но мне нужно было дать вам время узнать меня получше, прежде чем заявлять о желании видеть вас своей женой. Простите. Обычно я не столь импульсивен, но с вами... Признаюсь, сам не ожидал такого. Когда вы появились — первый вечер, помните? — вы пели, а я... Я, наверное, показался вам грубым, а на самом деле я просто испугался. Впервые за долгое время, глядя на вас, слушая ваш голос, я испытал чувства, на которые, как думал, уже не способен, и... Да, я испугался. Не знаю, чего больше — того, что это наваждение сведет меня с ума, или того, что оно вдруг исчезнет. Мне сложно объяснить, что я испытывал тогда и что испытываю сейчас рядом с вами. О любви с первого взгляда говорить не буду. Это не любовь. Скорее предчувствие любви, которая, мне кажется, возможна. Но если вы не видите такой возможности, я приму ваш отказ и до конца дней буду благодарен за то, что смогли подарить мне надежду... пусть и несбыточную...

Даже в романах Гвендолин не встречались столь прекрасные признания. Она была бы счастлива, если бы могла сейчас же ответить мужчине согласием, но, увы, не испытывала к Карлиону Линтону ничего,

кроме симпатии, замешенной на благодарности. Выйти за него в такой ситуации — все равно что получить золотой в обмен на ломаный грош. Слишком неравноценны их чувства. Но и отказать она не могла. Потому что... Щеки вспыхнули от внезапного осознания того, что в глубине души она тоже верит в возможность чего-то большого и настоящего между ними...

— Я не стану впредь досаждать вам напоминаниями и готов ждать столько, сколько понадобится, — сказал альд Линтон. — Постараюсь, как и обещал, защитить вас от Торнбрана.

Гвендолин поежилась при упоминании этого имени. Но наряду с неприятным осадком, остававшимся после каждой встречи с магом, в душе еще не угасло желание узнать историю жуткого хозяина жуткого замка.

— Защищать? — спросила она осторожно. — От чего? Чем он опасен?

— Беспринципностью, — ответил спутник. — Человек, ничего и никого не уважающий и способный на что угодно. Подозреваю, это семейное. Покойный Сайлас Торнбран коллекционировал чужие тайны. Не для шантажа, насколько я знаю, денег ему хватало. Он собирал их для развлечения. Захватывающая игра — пригласить человека на обед и несколько часов мучить разговорами о том, что произойдет, если его тайна раскроется!

— Жестокая игра, — проговорила Гвен, догадавшаяся по тону собеседника, что он рассказывает о том, что пережил лично, но спросить не отважилась.

Карлион Линтон сам заговорил об этом:

— Несколько лет назад к Сайласу каким-то образом попали письма моей жены... моей бывшей жены, которые она написала другому мужчине. Я уже знал, что происходит, но... Она написала их, когда была моей женой, понимаете? Я не хотел, чтобы ее осуждали и обсуждали, а меня выставили посмешищем. Да и сейчас не хочу. Мне не удалось забрать письма у Сайласа, и я решил попытать счастья с его наследником. В день, когда мы столкнулись на станции, я ждал Эмриса Торнбрана. Потом пригласил его к себе на ужин... Но он лишь посмеялся над моей просьбой.

Гвен вздохнула. Видимо, дядюшкино воспитание совершенно не пошло новому владельцу замка на пользу.

— Я рассказал вам все это не для того, чтобы разжалобить, — отреагировал на ее вздох альд Линтон. — Даже если Торнбран разгласит подробности переписки, я это переживу. Но для вашей безопасности хочу, чтобы вы осознавали, что это за человек. И сегодняшнее происшествие, возможно, не только безответственность с его стороны...

— О чем вы? — насторожилась Гвендолин.

— Я не люблю бросаться голословными обвинениями. Но подозреваю, что Эмрис мог бросить вас намеренно, чтобы проверить, как вы станете реагировать, если разлучить вас с артефактом на продолжительное время. Вы ведь оставили тот шар дома, да, Гвен?

ГЛАВА 13

В деревне и без того уже ходили разные разговоры, поэтому Гвен попросила альда Линтона высадить ее на подъезде к Трелони, а не подвозить прямо к школе. Но идти пешком не пришлось. Едва Гвен распрощалась со сквайром, как ее нагнала телега. Впряженной в нее мышастой лошадкой правил Криспин Дэй и, кажется, не особенно торопился. Гвендолин подумалось, что часовщик наверняка видел, как она выходила из экипажа.

— Садитесь, я подвезу! — окликнул ее молодой человек.

— Я могу дойти и пешком.

— Ну же, Гвен, не упрямитесь! Погода портится. К тому же вы можете натереть мозоли на такой дороге.

— Хорошо, — согласилась она и, решив удовлетворить любопытство, поинтересовалась: — Вы ведь тоже возвращаетесь из города?

— Из города? — немного растерянно переспросил Криспин, протягивая девушке руку, чтобы она могла устроиться поудобнее. — Совсем нет. Я навещал родителей на ферме. Еду от них.

— Но мне показалось, что я видела вас в городе, — пробормотала Гвен. Пальцы молодого человека, сухие и горячие, все еще сжимали ее ладонь, Гвендолин было приятно и неловко одновременно.

— Должно быть, вы обознались, — обезоруживающе улыбнулся Криспин. — Однако почему я не вижу у вас покупок?

— Ничего не приглянулось. — Гвен вспомнила новенькие книги в лавке и с сожалением вздохнула. Надо было купить хоть одну!

— Скажите, Гвен... Может быть, я не имею права задавать подобные вопросы, но... Вы немало времени проводите со сквайром Линтоном, вот и сегодня... — Она не ошиблась, Криспин действительно видел, кто ее подвез. — Возможно, я ставлю вас в неловкое положение своими визитами или... тем, что приношу цветы?

Она посмотрела в его глаза — такие светлые, что, казалось, в них отражалось небо. Затем смущенно опустила голову:

— Вы сделали неверные выводы.

Следовало сказать это громче и резче, а вышло так, словно она оправдывалась. Но Криспина подобный ответ устроил, и об альде Линтоне они больше не говорили.

Когда впереди показалось здание школы, Гвен поблагодарила молодого

человека и спрыгнула с телеги.

— Вас уже ждут, — сказал он, кивнув на прохаживающуюся по улице Джесмин.

— Где ты была? — тут же подскочила подруга. — Я же устраиваю сегодня девичник! Разве я не сказала об этом заранее?

— Совсем забыла, прости, — повинулась Гвендолин. Немудрено, что за всеми событиями и заботами слова приятельницы вылетели из головы.

— Думаю, вам будет весело! — хмыкнул Криспин. — Что ж, до новой встречи!

— До встречи! — С несвойственной ей смущенной улыбкой Джесмин помахала отъезжающему часовщику и повернулась к Гвен: — Я снова вам помешала?

— Нет, я уже собиралась идти к себе.

— Ты ездила в город? А почему ничего не купила? Что, даже ленточку не присмотрела?

Засыпая подругу вопросами и не особо обращая внимание на ответы, неугомонная дочь старосты дошла с Гвен до дверей школы и убежала, взяв обещание, что она вскоре присоединится к остальным девушкам, которых Джесмин собирала в родительском доме.

С самого утра у Гвендолин во рту маковой росинки не было, но она успевала лишь наскоро умыться и сменить платье. Оставалось надеяться, что на девичнике будут чем-нибудь угощать.

К счастью, так и оказалось. Жена старосты постаралась на славу — испекла сладкий пудинг и пирожки. А тем, кому этого было мало, предлагались щедрые ломти посыпанного солью черного хлеба с холодной курицей.

На девичник Джесмин пригласила незамужних подружек. Каждая из них, судя по всему, мечтала стать следующей невестой в Трелони. Ничего удивительного, что после перекуса первой возникла идея погадать на суженого. Все присутствующие с готовностью ее поддержали, и Гвендолин, как она ни упиралась, тоже не удалось отвертеться.

— Бросай и смотри! Бросай и смотри! — хором кричали девушки, наблюдая за тем, как Гвен одной длинной тоненькой полоской срезает с румяного осеннего яблока кожуру. — Ну же, скорее, бросай и смотри!

Гвендолин кинула яблочную кожуру через плечо и не успела обернуться, как раздался восторженный вздох.

— Буква «К», буква «К»! А упало-то как ровненько! Тут не ошибешься!

Через мгновение Гвен убедилась в правоте девушек — полосочка

кожуры изогнулась буквой «К» так изящно, будто ее не небрежно бросили, а аккуратно положили на землю. Девушка заподозрила подвох, но никто не успел бы подойти и что-то подправить за то время, пока она не обернулась. Выходит, ее будущий муж будет носить имя, начинающееся с буквы «К»?

Не обращая внимания на суету, Гвен задумалась и выплыла из своих мыслей лишь тогда, когда Джесмин тронула ее за плечо:

— А на чайных листьях погадать не хочешь?

— Кажется, с меня хватит, — отказалась Гвендолин.

— Ты ведь тоже сразу вспомнила Криспина? — шепнула хозяйка вечеринки.

«Не только», — в смятении подумала она, но кивнула и сжала руку подруги.

— Я пойду. Нужно подготовиться к урокам.

— Опять уходишь раньше всех! Может, мы тебя проводим? Все вместе?

— Не надо, я быстро добегу. Сейчас уже не так рано темнеет. Поздравляю тебя еще раз!

— Еще не свадьба, рано поздравлять, — неожиданно погрузнев, отозвалась подруга, затем тряхнула головой и снова заулыбалась. Точно прогнала набежавшую тучку. — А гадание верное, я слышала, что у многих сбывается!

— Но не у всех же, — заметила Гвендолин.

— Так не все же гадают!

По дороге размышления о гадании не давали покоя. Карлион или Криспин? Криспин или Карлион?

Наверное, ей действительно повезло стать избранницей альда Линтона. Если он станет ее супругом, оденет молодую жену в шелк и атлас, повезет в свадебное путешествие, непременно к морю, и наверняка не станет препятствовать занятиям творчеством. Гвен льстило его внимание, ведь он такой умный и взрослый!

Но Криспин... Его улыбка, его удивительные глаза, его голос... Как забыть все это? А ведь придется забыть. Если она станет невестой другого, грехом будет даже единственная мысль о молодом человеке, приносившем ей весенние цветы.

Гвендолин заперла дверь, в темноте поднялась в свою комнату и, не зажигая света, рухнула на кровать в платье и туфлях. Вот бы ответ пришел во сне... Но такое только в сказках бывает.

Впрочем, в сказках прекрасные девы не ломают голову, кого выбрать в мужья. Отважные рыцари упрощают им задачу, спасая от драконов или

пиратов, и сразу после спасения ведут под венец, не оставив ни выбора, ни времени на отказ. Гвендолин не была уверена, что хотела бы именно такого стремительного развития отношений без своего на то согласия, но не отказалась бы от какого-нибудь знака судьбы. Отчего бы ее будущему избраннику не спасти ее хотя бы от...

Девушка еще не успела придумать, от чего бы ее можно было спасти, как вдруг услышала за окном негромкий шорох. Через несколько мгновений она увидела в просвете занавесок чью-то тень за стеклом и испуганно вскрикнула. Ведь ее комната на втором этаже, человек не мог просто подойти к окну!

Пока Гвен лихорадочно думала, что ей теперь делать, кричать или попытаться сбежать, злоумышленник — ведь с добрыми помыслами не вторгаются в чужое жилье! — просунул что-то длинное и тонкое между створок, поддел крючок и, распахнув окно, забрался на подоконник.

Бежать было поздно. Гвендолин закричала.

Показалось, ее крик напугал незваного гостя. Тот метнулся к окну. В неярком свете луны его силуэт показался знакомым, но не успела девушка подумать, на кого он похож, как мужчина передумал бежать и повернулся к ней.

— Не кричите, пожалуйста. — Голос его тоже был знаком. — Это я...

— Криспин? — проговорила Гвен пораженно.

Выходит, он соврал ей, заставил поверить, что Гвендолин обозналась, а на самом деле встречался в городе с тем подозрительным типом? Он связан с разбойниками? Он сам — разбойник?

Девушка поджала ноги, забилась в угол кровати и хотела снова закричать, хотя знала, что это бесполезно. Молодой человек вдруг упал на колени.

— Простите мне этот недостойный поступок, — взмолился он. — Должно быть, я сошел с ума, раз отважился на такое. Я не хотел пугать вас. Только поговорить. Объясниться. Я видел, что вы вернулись. Ждал под школой, но не посмел войти, ведь двери просматриваются от дороги, и кто-нибудь мог подумать дурное, если бы заметил, как я захожу к вам в этот час. Поэтому я решил незаметно влезть в окно...

— Зачем? — прошептала Гвен, чувствуя, что сходит с ума. Хорошо поставленный голос, позволявший Криспину петь в хоре, сейчас вибрировал от волнения и звучал просто завораживающе. А его присутствие в ее комнате...

— Я хотел поговорить с вами, Гвен. Не знаю, как сказать вам, что вы... Вы мне очень нравитесь...

— Уходите! — воскликнула девушка, опомнившись.

— Я так вам противен? — понурился молодой человек.

— Вы... Вы вломились в мою спальню! О чем вы только думали! А если бы... Уходите и не смейте больше являться... таким... таким неподобающим образом!

— Хорошо, — кивнул, отступая к окну, Криспин. Глаза Гвен уже достаточно привыкли к темноте, и она смогла разглядеть улыбку на его лице. — Я буду приходить исключительно подобающим образом.

Он спрыгнул вниз и стоял какое-то время у стены. Потом послышались удаляющиеся шаги.

Гвен бросилась к окну, закрыла рамы и плотно задернула шторы.

Сердце готово было выпрыгнуть из груди. Неужели это и есть знак, о котором она просила?

Но все же какой безрассудный поступок! Разве Криспин не понимал, насколько это непристойно? Хорошо, что она не успела переодеться, но и без того его появление в спальне — верх неприличия!

И она тоже хороша. Возмутилась только для порядка! А сама была... Рада? Неужели вольные деревенские нравы так на нее повлияли? Какой позор!

Гвен обдумывала случившееся и все ниже и ниже падала в собственных глазах.

И все выше возносилась в мечтах.

ГЛАВА 14

После выходных погода резко испортилась. Каждое утро встречало Гвендолин хмурыми тучами, занятия в школе проходили под стук бившихся о стекло капель, а вечерами девушка под шелест непрекращающегося дождя продолжала историю Арчибальда. Ненастье распугало возможных гостей, даже Джесмин, прежде появлявшаяся несколько раз на день, на этой неделе забегала всего дважды. И Криспин не заходил — верно, чувствовал себя неловко из-за того случая. Гвен и сама не знала, как теперь вести себя с молодым человеком, и, чтобы отвлечься от мыслей о нем, все свободное время отдавала своей книге. Писала она в новой тетради. О том, что старую Эмрис Торнбран не вернет, а издатель может отказать в публикации, старалась не думать.

С того дня, когда маг бросил девушку в городе, он больше не приезжал. То ли не желал в непогоду выбираться из теплого дома, то ли утратил интерес к артефакту. Последнее Гвен порадовало бы, но выяснилось, что у альда Торнбрана были иные заботы. Известия о таинственном замке и его владельце неожиданно поступили от Галулы.

— Моя родственница устроилась туда на службу, — сказала как-то вечером служанка, когда Гвендолин, сидя на кухне, проверяла работы учеников. Здесь было теплее, чем в комнате. Уютно потрескивали дрова, пыхтел, закипая, чайник, и даже изрядно надоевший дождь вносил свою долю очарования: ведь это там, за окном, холодно и мокро, а тут совсем наоборот.

— Вот как? — Гвен подняла глаза. — И она довольна местом?

— Платят хорошо, кормят тоже. Но...

— Что? — поторопила сгорающая от любопытства Гвендолин.

— Она боится привидений! — выпалила служанка.

— Она их там видела?

— Пока нет, но всякое может быть. Вы же слышали, что произошло в замке Торнбран, верно? Там даже баргеста^[3] видали, а всем известно, что он появляется неспроста! Вот старого хозяина и не стало. И не только его, но и тех, кого он к себе приглашал. Я всегда говорила, что на зимнее солнцестояние лучше оставаться дома и жечь полено в своем камине, а не раскатывать по гостям!

— А что нынешний хозяин? Он останется в замке? Или вернется в столицу?

— Пока никуда не уезжает. Еще и гостью привез. Говорят, благородная альда, красавица, каких мало.

Гвен догадалась, о какой гостье речь. Неудивительно, что маг позабыл о шаре. Рядом с прекрасной альдой, которую Гвендолин видела в городе, мужчины должны были забывать обо всем на свете.

— Только слуги в замке ее невзлюбили, — закончила Талула.

— Отчего же?

— Да оттого, что ей не угодишь. Все ей не так. А сама-то... Неприлично одинокой девице гостить у молодого мужчины! Поговаривают, конечно, что он на ней думает жениться, вроде как старый альд Торнбран того хотел... Ну а как не женится?

— Не вы ли со смехом слушали про «зеленую юбку»? — напомнила Гвен.

— Так тогда речь про батрачку шла, а тут — про альду! — возмутилась Талула. — Чай, не ровня! — И вдруг добавила: — А ведь жених-то нашей Джесмин действительно того... Вы только ей не говорите. Чтобы не расстраивалась накануне свадьбы.

Гвендолин нахмурился. Честно говоря, избранник подруги не слишком ей нравился, но не хотелось верить, что слухи, ходившие о нем, правдивы.

— Так вот, про замок, — продолжала Талула, заваривая душистый чай. — Свояченица моя сказала, что новый хозяин никуда не уедет, пока не разберет все ценные вещи и бумаги дядюшки. А там такой беспорядок... Дело надолго затянется!

«Надолго...» — повторила про себя Гвен. Эмрис Торнбран дал ей передышку, но едва ли можно надеяться, что он больше никогда не покажется в дверях школы. Ведь шарик до сих пор у Гвендолин.

Подумав о магическом артефакте, она ощутила желание тут же взять его в руки и почувствовать теплую гладкость камня. Наверное, как и сказал маг, не только волшебный предмет привык к ней, сама Гвен тоже к нему привыкла. Странно, но в новой жизни, в которой она обзавелась поклонником, дарившим цветы и, словно герои любимых романов, залезавшим к ней в окно, и получила настоящее предложение руки и сердца, самым приятным для Гвендолин было время, которое она проводила наедине с магическим шаром.

А о предложении она, признаться, почти не вспоминала. Когда на следующий день Карлион Линтон появился в школе, девушка порядком смутилась. Но сквайр был верен своему слову не торопить ее с решением и приехал вовсе не за ответом.

— Могу я попросить вас о помощи? — спросил он, предварительно

разузнав, как идут дела в школе и лично у Гвендолин. — Вы не отказались бы провести этот вечер в моем обществе? Точнее, не только в моем...

Гвен подумала, что речь об очередном приеме, и собиралась отказаться: первый и последний званый ужин в особняке сквайра, на котором она побывала, оставил неприятные воспоминания. Но выяснилось, что альд Линтон приглашал ее отнюдь не к себе на ужин.

— У моей жены, бывшей жены, есть тетушка. Она живет неподалеку. Мы часто навещали ее, и после того, как Ребекка уехала из этих мест, я не перестал к ней навещать. Вы же понимаете, пожилая женщина... Не одинокая, нет, с ней живет племянница. Но обе они никуда не выезжают и, кроме меня, не имеют связи с окружающим миром. А мне, признаться, нестерпимо скучно в их компании. Поэтому я и хотел попросить вас поехать сегодня со мной. Тетя Фриберта будет рада с вами познакомиться. Когда я открывал школу, она одобрила эту идею и интересовалась всеми новостями. Вы найдете что ей рассказать.

— Ребекка — это ваша жена? — невпопад спросила Гвен.

— Бывшая жена, — хмуро уточнил Карлион Линтон. — Я пойму, если вы откажетесь. Но если согласитесь, очень меня обяжете.

Гвендолин представила, насколько неуютно альду Линтону в доме родственницы бывшей жены. Но он все-таки продолжает ее навещать, взяв на себя обязанности своей ветреной супруги.

Подобное благородство нуждалось в поддержке, и Гвен согласилась.

Выехали сразу же, как только она собралась.

Гвендолин успела представить себе богатый особняк, как у альда Линтона, или старинный замок — ведь в этих краях есть замки, помимо замка Торнбран? — однако оказалось, что госпожа Фриберта обитает в довольно скромном доме, окруженном небольшим запущенным садом.

Открыла им молчаливая служанка. Изобразила неловкий книксен, приняла у альда Линтона шляпу и успевший намокнуть плащ, пока они шли от экипажа к крыльцу, взяла у Гвен зонт и накидку. Завозилась с вещами и, казалось, забыла о гостях. Но, видимо, подобное за ней водилось, так как альд Линтон не рассердился и не смутился, а сам повел Гвен в комнаты.

— Карлион, дорогой! — едва они вошли в гостиную, раздался радостный возглас. — Я уж думала, ты совсем нас забыл! Кто это с тобой? Неужели?..

— Знакомьтесь, это Гвенда Грин, — несколько поспешно назвал сквайр спутницу. — Тетя Фриберта и Белинда Дельвен, — представил альд Линтон женщин, сидевших рядышком на диване. Одной из них было уже за

шестьдесят, второй — около двадцати пяти, и, пожалуй, возраст являлся единственным отличием между ними. У обеих были длинные носы, тонкие губы и светлые, чуть навывкате, глаза. И смотрели они на Гвен одинаково.

Под их изучающими взглядами девушка вновь почувствовала себя той самой замарашкой из сказки, которую на этот раз забыла навестить добрая фея.

Впрочем, дом, в который они со сквайром пришли, мало напоминал королевский дворец. Во дворцах точно уж не найдется такого количества рюшей и кружев, какое наблюдалось здесь. Занавески и накидки на креслах состояли сплошь из оборочек. Пузатые подушки пестрели вышивками. Грелка на чайнике в виде упитанной курицы, тут же — расшитая цветами салфетка, а на ней фарфоровая фигурка стройной пастушки в красном платье. От всего этого рябило в глазах. Но, должно быть, именно такой интерьер пожилая родственница Карлиона Линтона считала изысканным, так что оставалось только сделать комплимент, которого та наверняка ожидала.

— Вам действительно нравится? — невежливо фыркнула в ответ Белинда Дельвен. — А вот Ребекке не нравилось. Помните, тетушка?

— Ребекке не нравился не только этот дом, но и все королевство, — отозвалась тетя Фриберта. — Оттого она и сбежала на край света. Прислала недавно письмо, так я язык сломала, пока прочитала, откуда его отправили! Что за люди могут жить в городе с непроизносимым названием? Наверняка все там дикари, не знающие нормального языка и не чтущие законов.

— Чудесное место. — Белинда растянула губы в усмешке. — Как раз для женщины, живущей с мужчиной вне брака.

Бедный альд Линтон, если в каждый свой приезд он выслушивает подобное!

К счастью, разговор не продолжился: горничная принесла бисквиты, и хозяйка принялась разливать по чашкам пахнувший жасмином и мятой чай.

В жизни Гвендолин давненько не случалось таких чаепитий — неторопливых, с претензией на светскую обстановку, с соблюдением всех правил из книги по домоводству, которую Гвен подарили в пансионе и которую она открывала всего несколько раз. Может быть, тетушка Фриберта и жила довольно скромно, однако в глубине души она наверняка представляла свое существование иначе и не сомневалась, что могла бы пригласить в гости саму королеву. Разумеется, она считала, что оказывает простой деревенской учительнице большую честь, угощая ее лучшим чаем, хранившимся в ее кладовке. Но, надо отметить, пожилая женщина держалась весьма приветливо, чего никак нельзя было сказать о Белинде

Дельвен. Та насмешливо кривила губы и явно подозревала Гвен в неподобающе близких отношениях с Карлионом Линтоном.

«И она почти права, — сказала себе Гвендолин. — Ведь сквайр сделал мне предложение. Знали бы они!»

Но, к счастью, обе женщины ничего не знали, а Линтон не спешил рассказывать.

Когда чайные чашечки опустели, Белинда выразила желание показать Гвен открытки, которые присылала из дальних стран бывшая супруга альда. Сквайр мужественно сделал вид, что не обратил на это внимания, и стал говорить о чем-то с тетей Фрибертой, пока ее племянница раскладывала перед гостьей яркие кусочки картона.

«Она путешествует, — с завистью думала Гвендолин, рассматривая изображения диковинных статуй, незнакомых городов и экзотических животных. В написанные торопливым почерком слова на оборотах открыток она, конечно же, вглядываться не стала, хоть и сгорала от любопытства. — Махнула рукой на родственников и репутацию, а затем попросту уехала в дальние страны! Будь я на ее месте...» Додумать она не успела, потому что Белинда обратилась к ней с вопросом, где Гвен получила образование.

ГЛАВА 15

Она ответила. Потом, подбадриваемая собеседницей, рассказала о жизни в пансионе, внутреннем укладе и занятиях, стараясь ни на миг не забывать, что в этом рассказе она — Гвенда Грин, дочь фермеров, а не Гвендолин Фолстейн, наследница разорившегося альда-мага и его самое большое разочарование, а быть может, и причина разорения и ранней кончины...

— Ребекка училась в похожем месте, — с пренебрежением высказалась Белинда. — Тоже хвасталась при каждом удобном случае.

Гвен удивленно притихла. У нее ведь и в мыслях не было хвастаться, она лишь отвечала на вопросы. Но, видно, госпоже Дельвен пришлось не по нраву, что кто-то другой, а не она, оказался в центре беседы.

— Дорогая, ты слишком часто вспоминаешь сегодня Ребекку, — неискренне упрекнула племянницу тетушка Фриберта. — Карлиону это может быть не очень приятно.

«Как и ваша фальшивая забота», — мысленно вздохнула Гвен, заметив вымученную улыбку альда Линтона.

— Полагаю, Белинда скучает по кухне, — сказал он. — Но поскольку мне писем из дальних стран не шлют, поддержать беседу я не могу. И не желаю.

Последняя фраза прозвучала холодно и резко, казалось, это должно было смутить госпожу Дельвен, но та выглядела так, словно только и ждала этих слов.

— Рада это слышать, — промурлыкала она довольной кошкой. — Так приятно, что вы наконец-то решили забыть о прошлом. Мы с тетушкой уже боялись, что вы похороните себя среди тоскливых воспоминаний. Жизнь не кончена, и я уверена, что вы еще встретите достойную женщину, рядом с которой будете по-настоящему счастливы.

Осененная внезапной догадкой Гвен приоткрыла рот и тут же прикрыла его ладонью. Глядя на Белинду, сложно было не догадаться, что именно себя она полагает той самой достойной женщиной.

Интересно, понимал ли альд Линтон, какие планы строила в отношении него девушка, к которой он относился как к дальней родственнице, причем не слишком любимой?

— Я тоже в этом не сомневаюсь, — ответил он спокойно.

Потом зашел разговор о каких-то общих знакомых госпожи Фриберты

и сквайра, о погоде, о том, как нелегко найти расторопную и честную прислугу. Вспомнили и о школе. Но о чем бы теперь ни заговаривали, Гвен не могла не замечать взглядов, которые Белинда бросала на бывшего мужа кухни. Со стороны это смотрелось и смешно, и грустно одновременно.

Но Белинду можно было понять. Альд Линтон учтив, умен, весьма хорош собой. Особенно хорош его профиль. Тонкий нос, четко очерченные губы... Мелкие морщинки у глаз и седина на висках его ничуть не портили, наоборот, будто бы дополняли образ сильного и надежного мужчины...

Гвен сама не заметила, как засмотрелась. Очнувшись, лишь почувствовав на себе колющий взгляд госпожи Дельвен. Та глядела на нее с почти нескрываемой злостью — как на соперницу. И, если быть откровенной, у нее имелись к тому основания.

В жизни щекотливая ситуация смотрелась отнюдь не так занимательно, как в романе. Гвендолин чувствовала себя донельзя неуютно. На счастье, альд Линтон заметил, что время уже позднее и пора прощаться.

Госпожа Фриберта, которой, очевидно, понравилось, что гостья хвалила ее дом и угощение, попросила Гвен обязательно навестить их еще раз. Пришлось пообещать, исключительно из вежливости, потому что вторая обитательница безвкусного пестрого дома вряд ли была бы ей рада.

— Надеюсь, когда-нибудь вы простите мне этот вечер, — сказал Карлион Линтон, когда экипаж вез их с Гвендолин обратно в Трелони. В полутемном салоне негромкий голос звучал особенно печально. — Не думал, что он пройдет так. Вернее, надеялся, что в вашем присутствии все будет иначе.

— Потому и просили поехать с вами?

— Да. — Сквайр покаянно склонил голову. — Вы сердитесь?

— Нет, я...

Гвен хотелось сказать, что она все понимает и не держит обид, ведь альду Линтону это чаепитие было стократ неприятнее, чем ей, но нужных слов не нашлось, и она, поддавшись порыву, протянула руку и осторожно дотронулась до напряженно сжатых в кулак пальцев спутника.

Кулак разжался, словно от неожиданности, но в следующий миг мужчина перехватил отдернутую руку Гвен, быстро коснулся губами обнажившегося запястья. И отпустил.

Если бы теперь они решили продолжить разговор, он вышел бы еще более неловким, чем тот, что велся в доме госпожи Фриберты. Потому остаток пути проехали молча. Даже прощание было коротким и немногословным.

По-прежнему накрапывал дождь, но Гвен не вспомнила о зонте. Не

чувствуя текущих по лицу капель, она стояла на дороге, пока привезший ее экипаж не скрылся из вида, и только затем пошла к дверям школы.

Жавшуюся к стене тень она тоже заметила не сразу и испуганно отшатнулась, когда та двинулась навстречу.

— Это я, — успокоил знакомый голос.

— Джесмин? — с изумлением узнала Гвен кутающуюся в плащ подругу.

— Да, решила тебя навестить. Но тебя не было, и Талула уже ушла. Спросить не у кого. Я волновалась.

— Альд Линтон пригласил меня к своей родственнице, — не соврала Гвендолин. — Она интересуется делами школы...

— Понятно, — кивнула Джесмин. — Тогда... я пойду, да?

— Погоди. Может быть, зайдешь? Расскажешь, как твои дела? Как идет подготовка к свадьбе?

Дочь старосты покачала головой:

— В другой раз. Я... Я так запуталась, Гвен! — выпалила она вдруг и, развернувшись, быстро зашагала прочь.

«Я тоже, — подумала, глядя ей вслед, Гвендолин. — Я тоже».

Ночь прошла в тревожных снах, а на следующий день, едва закончились занятия, в школе появился Эмрис Торнбран.

— Здравствуйте, — хмуро приветствовала его Гвен.

— Как? — наигранно удивился маг. — Вы даже не спросите, я ли это и что мне угодно?

— Я знаю, что вам угодно, — ответила она. — Подождите в классной комнате, я принесу шар.

— Чая не предложите? — крикнул он вслед, но Гвендолин уже поднималась по лестнице и сделала вид, что не услышала этих слов.

Когда она вернулась с каменным шариком, маг, как и в прошлые визиты, велел положить его на стол и долго ходил вокруг, словно кот, облизывающийся на сметану, но боящийся схлопотать веником.

— Что вы с ним делаете? — спросил он у Гвен, так и не решившись коснуться артефакта.

— Ничего, — честно ответила она. Ее ведь не спросили, берет ли она его в руки? Тогда сказала бы. А делать — ничего не делает и понятия не имеет, на что эта вещь пригодна. Разве только орехи колоть.

— Странно. — Альд Торнбран взъерошил волосы на макушке. — Я бы понял, если бы артефакт привязался к магу, но... Видимо, что-то в вас есть, Гвенда Грин. И я хочу знать что.

— А я хотела бы вернуть свою рукопись, — набравшись смелости,

выпала она.

— Значит, мы сможем договориться. Рукопись в обмен на вашу помощь.

— Вам снова нужно выбрать свадебный подарок? — спросила Гвен, намекая на то, что один раз он уже обещал вернуть тетрадь в обмен на помощь, а в итоге бросил ее одну в незнакомом городе. Мог хотя бы извиниться за тот случай!

Однако рассчитывать на раскаяние со стороны Эмриса Торнбрана не приходилось. Маг сделал вид, что не понял намека.

— Нет, желающие распрощаться с холостой жизнью среди моих друзей, к счастью, закончились, — ответил он легкомысленно. — Мне нужна помощь, чтобы разобраться с архивами дражайшего дядюшки. Я собирался нанять секретаря, но информация, содержащаяся в бумагах, конфиденциальная. Не хочу, чтобы записи читали посторонние. А с вами, Гвенда, — он поглядел на нее с усмешкой, — после того поцелуя и двух вечеров, которые я провел в компании Арчибальда, мы практически одна семья. Да?

— Нет! — выкрикнула Гвен возмущенно. — Мы с вами совершенно чужие люди!

— Не поверите, но часто так и бывает: одна семья, но совершенно чужие люди. Мой дядя подтвердил бы, будь он жив. Но он мертв, а мне в наследство досталась куча хлама, который я при всем желании не могу просто выбросить. Ведь среди этого хлама есть сведения и о нашем шаре. Вы тоже заинтересованы в том, чтобы их найти. Поэтому я предлагаю вам... работу. Да, дополнительную, хорошо оплачиваемую работу. Не в ущерб школе, конечно. Будете заниматься архивами в выходные дни или по вечерам. Я предоставлю в ваше распоряжение экипаж. А если опасаетесь, что в деревне неверно поймут ваши посещения замка, возьмите с собой кого-нибудь для сопровождения и охраны. Если, пока вы будете заниматься бумагами, для этого человека в замке найдется дело, обещаю платить и ему.

— Я не...

— Любого сопровождающего, — не позволил договорить маг. — Кроме вашего покровителя Линтона. Я не открою перед ним двери, после того как он выставил меня из своего дома.

— Выставил? — непонимающе переспросила Гвен.

— О, так вы не знали? — осклабился Торнбран. — В тот памятный вечер, да... Ваш благодетель близко к сердцу принял наш поцелуй. Видимо, позавидовал, хоть я и пытался объяснить, что завидовать нечему. Мне самому не понравилось.

Под насмешливо-пренебрежительным взглядом мага Гвен почувствовала, как кровь приливает к щекам, а кулаки сами собой сжимаются от злости.

— Что, желаете заставить меня изменить мнение? — рассмеялся нахал. — Всегда готов. Подумайте. И над моим предложением тоже. Не забывайте о рукописи. Арчибальд не переживет разлуки с вами. Ведь мы знаем, что в груди этого мужественного человека бьется нежное сердце, открытое для любви. И в душе... — Эмрис Торнбран театрально всхлипнул, — он такой ранимый, так тонко чувствующий...

— Я подумую, — пообещала Гвен, только бы не слышать, с какими фиглярскими ужимками этот наглец цитирует строки ее романа.

— А я приеду завтра, — сказал маг на прощанье.

Гвен задумалась над предложением мага. Она ни на миг не поверила в честность Эмриса Торнбрана и подозревала какой-то подвох. Но разве представится другая возможность побывать в загадочном замке, который давно занимал ее воображение? К тому же она сможет узнать не только о шаре. Не исключено, что среди бумаг найдутся письма, которыми бывший владелец замка шантажировал Карлиона Линтона.

Вспомнив о сквайре, Гвен вспомнила и вчерашний вечер. Сердце забилось чаще, но она велела ему успокоиться. Не время для подобных мыслей. Нужно что-то решать с назойливым магом и странным артефактом, ведь от этого зависит ее судьба, а, быть может, и жизнь. Недолго посомневавшись, Гвен написала короткую записку и направилась к дому Бенсонов.

Не прекращавшийся с начала недели дождь не был помехой для веселых мальчишечьих игр. Ребяшня, как всегда, возглавляемая троицей неугомонных братьев, развлекалась, пуская в лужах кораблики из щепок. Появление учительницы не заставило прервать это интересное занятие, так что Гвен пришлось подойти поближе, чтобы подзвать Марка, старшего из Бенсонов, дать тому мелкую монетку и попросить отнести послание в дом альда Линтона.

Записку Гвен намеренно не запечатала. Если любопытный мальчишка сунет в нее нос, а потом решит поделиться с кем-нибудь прочитанным, репутации госпожи Гвенды Грин это никак не повредит. Ведь она, как и положено, ставила в известность своего работодателя, что ей предложили дополнительную работу, соответствующую ее образованию, и она, если сквайр не имеет возражений, намерена это предложение принять.

От Бенсонов Гвен направилась к дому старосты. Вчерашняя встреча с Джесмин ее взволновала, и пусть у Гвендолин хватало своих проблем, о

подруге она тоже беспокоилась. Вернее, о подругах, ведь от Гвенды по-прежнему не было никаких новостей.

Мать Джесмин приняла Гвен, как всегда, радушно. Первым делом, не слушая возражений, усадила за стол, накормила и расспросила о школьных делах. Поскольку супруга старосты знала всех учеников Гвен и выпрашивала о каждом в отдельности, чтобы потом передать слова учительницы их матерям, уединиться с приятельницей для разговора у Гвендолин получилось не сразу.

— Что у тебя стряслось? — спросила она, оставшись наедине с Джесмин.

— Мне страшно, — прошептала та, потупившись.

— Страшно?

— Выходить замуж. Я не уверена, что люблю его по-настоящему. Не уверена, что он меня любит. Мама говорит, что замуж по любви выходят только в книгах. Но я считаю, что такое возможно и в жизни...

— Я тоже! — поспешила заверить Гвендолин. — Если ты сомневаешься, не принуждай себя. Какие твои годы?

— Но уже отгуляли девичник, уже собрано приданое, — вздохнула подруга. — Разве я могу пойти на попятную? Без серьезных на то причин... Просто неясная тревога. Просто ощущение, будто я... — Джесмин тряхнула головой и вытерла глаза. — Наверное, такое со всеми невестами бывает перед свадьбой.

— Не знаю, — не смогла ни подтвердить, ни опровергнуть этот вывод Гвен. — Я никогда не бывала на свадьбах. И не была невестой.

— А хочется?

Опустив взгляд, Гвендолин пожала плечами.

— Самое главное ты уже знаешь — твой суженый будет носить имя, которое начинается с буквы «К», — напомнила ей приятельница. — Но ведь не обязательно же им должен оказаться Криспин Дэй? Он не единственный, в чьем имени первой стоит именно эта буква.

— Увы, — согласилась Гвен.

Было бы слишком просто, если бы по яблочной кожуре можно было узнать, как сложится жизнь. А на деле по ней даже не понять, каково на вкус яблоко.

ГЛАВА 16

В школе Гвен ожидал Криспин Дэй.

Еще вчера она думала о нем, с волнением представляла встречу, а теперь и не вспомнила бы, не явись он сам. Что это — легкомысленность? Или, напротив — рассудительность? Ведь когда у тебя столько забот, романтические порывы отступают на второй план.

— Простите, если я не вовремя, — смущенно проговорил молодой человек.

— Нет-нет, я рада вас видеть, — уверила Гвендолин, боясь, что он уйдет. Как бы то ни было, не хотелось прекращать их общение.

— Я подумал, что мое общество вам не слишком интересно, — сказал Криспин, не спеша войти в распахнутую перед ним дверь. — У вас ведь такие знакомые. Альд Линтон, альд Торнбран. Простите, но я видел, что он приезжал сегодня.

«И в деревне наверняка болтают невесть что», — подумала Гвен.

— Альда Линтона заботит школа, — объяснила она. — А альд Торнбран... — Одного имени хватило, чтобы ее передернуло от гадливости, словно она опустила руку в склизкую грязь или дотронулась до жабы: — Предложил мне работу.

Не хотелось врать о том, что скоро и так станет известно в Трелони. К тому же у Гвен появилась идея.

— Вы говорили, в деревне нет работы для часовщика, — напомнила она молодому человеку. — Быть может, она найдется в другом месте? Мне предложили заняться разбором документов в замке Торнбран. Его владелец не смог найти в округе другого человека с подходящим образованием, тут ведь живут в основном крестьяне. Только мне не хотелось бы ездить в замок одной. А там наверняка есть старые, нуждающиеся в починке часы.

Криспин смотрел на нее с удивлением. Гвен решила, что он откажется, но, к счастью, не угадала.

— Для меня большая честь стать вашим сопровождающим, — сказал он. — Однако не будет ли возражать альд Торнбран?

— Что вы, он сам предложил мне позвать кого-нибудь.

— Но разве не лучше, чтобы вашей компаньонкой стала женщина подходящего возраста? Простите, я ни на что не намекаю, но...

— Такая женщина есть, — кивнула Гвен. — Но меня волнуют не только приличия. Я боюсь... привидений.

И одного нахального мага.

— Понимаю, — кивнул Криспин, хотя, наверное, мог посмеяться над таким объяснением. — Обещаю, что стану оберегать вас, как сорок тысяч братьев.

— Мне бы хватило и одного, — отозвалась она, ощутив внезапную грусть, холодными пальцами сжавшую сердце. Разбуженные каменным шариком воспоминания все чаще говорили о том, что было и что могло бы быть. Если бы брат Гвен остался жив, ее судьба сложилась бы иначе. Ведь он любил бы ее и, повзрослев, не презирал бы из-за отсутствия магического дара, как отец. Да и отец, имея наследника, простил бы дочери собственное разочарование.

Они с Криспином уже успели договориться о встрече, когда с улицы донесся звук подъезжающего экипажа.

— К вам снова гости, — улыбнулся Криспин.

В его словах и улыбке не было никаких намеков и осуждения, но Гвен все равно почувствовала себя неловко. Возможно, потому что знала, кто решил ее навестить.

— Думаю, это альд Линтон, — поделилась она догадкой.

И оказалась права.

Криспин не успел проститься, а сквайр уже перешагнул порог школы.

— Всего доброго, — пожелала Гвен часовщику, прежде чем уделить внимание новому гостю.

Мужчины неловко разминулись в дверях. Вновь ситуация, достойная романа: один просил ее руки и все еще ждал ответа, второй пробрался под покровом ночи в ее комнату, чтобы признаться в своих чувствах. Гвендолин, поглощенная другими тревогами, вскользь отметила это.

Когда Криспин удалился, она бегло, словно опасаясь, что ее перебьют, рассказала альду Линтону о визите Торнбрана и о том, что намерена согласиться на работу в замке.

Сквайра ее решение не обрадовало.

— Я понимаю, что это выглядит неразумно, — вздохнула Гвен, выслушав его увещевания. — Но надеюсь, и вы меня поймете. Мне не нравится создавшаяся ситуация. Не нравятся притязания альда Торнбрана. Но как я могу избавиться от него, не разузнав все, что возможно, о шаре? Мне кажется, он не обманывает, говоря о том, что архивы его дяди в беспорядке. Родственница Талулы недавно нанялась в замок, она рассказывала, какой там разгром. К слову, эту женщину зовут Кларой, в Трелони ее знают и уважают, и я намеревалась согласиться на работу в замке с условием, что альд Торнбран приставит ее ко мне. Тогда можно не

опасаться, что в деревне неверно воспримут мои поездки в замок. А что до защиты от самого альда Торнбрана, то я попросила друга сопровождать меня. Вы видели его, когда пришли. Господин Криспин Дэй — часовщик. В деревне его хорошо знают, а в замке, думаю, ему найдется какое-нибудь дело.

Карлион Линтон, нахмурившийся при словах о друге, мягко улыбнулся:

— Я понимаю, что вами движет, Гвен. Думаю, и сам не смог бы сидеть сложа руки, если бы оказался в вашем положении. И к решению проблемы вы подошли разумно... насколько возможно. Эмрис Торнбран — маг. Думаете, его остановит присутствие какого-то часовщика? Или женщины, которая, ко всему прочему, его же служанка?

— Вы же говорили, что он не станет всерьез вредить мне, — пролепетала Гвен.

— Вредить — да, — согласился сквайр. В его голосе зазвучали жесткие нотки. — Он не убьет вас. Даже не ударит. Но легко подстроит так, что ваш экипаж несколько часов будет плутать по лесу. Просто для забавы. Или по окончании работы забудет отвезти вас домой, как тогда забыл в городе. Или...

Гвен закрыла глаза и на миг провалилась в воспоминания, почувствовала силу удерживающих ее рук и чужие губы на своих губах. Поежилась, беспомощно обхватила себя за плечи. Она действительно слишком уязвима для Торнбрана, и глупо надеяться, что он этим не воспользуется. Но как же шар и все тайны, что с ним связаны? Неужели придется отказаться от возможности попасть в замок?

Она с мольбой посмотрела на Карлиона Линтона.

— Я понимаю, Гвен, — вздохнул он. — Я, правда, понимаю, но не знаю, как помочь. Я даже готов принести Торнбрану извинения за произошедшее в моем доме, но подозреваю, сейчас он их не примет и сопровождать вас не позволит. А одну вас отпустить не могу. Я не вправе вам приказывать, но...

Гвен показалось, что дверь, за которой маячила отгадка, медленно-медленно закрывается.

— У Торнбрана сейчас гости, — вспомнил вдруг сквайр. — Флориана Эдевейн. Я знаком с ней, хоть и не близко. Благородная альда из хорошей семьи. Возможно, в ее присутствии Эмрис не станет демонстрировать дурные черты своей натуры, ведь, как я слышал, альда Эдевейн — будущая хозяйка замка.

— Они помолвлены? — обрадовалась Гвендолин. Кто станет докучать

другой девушке на глазах у невесты?

— Пока не помолвлены, — ответил альд Линтон. — Но говорят, к этому идет. И все же мне будет беспокойно, если вы начнете посещать замок без должной защиты. Однако вы так решительно настроены... Как вы отнесетесь к тому, что я предложу вам в сопровождающие надежного человека?

— Кого? — заинтересовалась Гвен.

— Госпожу Энельму. Вы виделись с ней, хоть я и не подумал тогда представить вас друг другу. Речь о моей экономке. Вернее, сейчас она экономка, так как хорошо знает дом, и слуги ее уважают. А прежде была нашей с сестрой няней и нередко сопровождала Мэрион во время поездок. Конечно, она не благородная дама, но...

— Но и я — тоже, — закончила Гвен.

Ее прямолинейность не смутила Карлиона Линтона.

— Благородство не определяется происхождением, — сказал он. — А в благородстве души вы превосходите многих знакомых мне альд.

Гвендолин опустила глаза. Вышло, что она напросилась на этот комплимент, но все равно было приятно.

— Буду рада, если госпожа Энельма согласится меня сопровождать, — проговорила девушка. — Завтра выходной, альд Торнбран обещал приехать с утра. Говорил, что предоставит мне экипаж...

— Скажем ему, чтобы не беспокоился об этом, — недобро усмехнулся Линтон. — Экипаж у вас будет свой. Такой, который не заблудится в лесу.

Засыпала она в ту ночь тяжело. Пришедший далеко за полночь сон не принес желанного покоя. Гвен видела замок — высокие мрачные стены, стрельчатые окна, сквозь которые пробивался изменчивый лунный свет. Видела себя идущей по длинному коридору с канделябром в руке и даже во сне чувствовала тяжесть холодного металла. Пламя свечей трепетало на сквозняке и грозило вот-вот погаснуть.

Страшно! Но еще страшнее то, что ждет впереди. Все ближе и ближе...

Она проснулась в холодном поту и долго лежала в кровати, кутаясь в одеяло и тщетно пытаясь изгнать из памяти зловещие видения. За окном ярко светило солнце, пели птицы. Погода наконец-то решила смилостивиться и подарить немного тепла, но у Гвен на сердце по-прежнему было пасмурно.

Потом начались сборы и томительное ожидание.

Гвендолин ежеминутно подходила к окну, выглядывала Криспина или альда Линтона, но первым из-за поворота показался экипаж, уже знакомый

ей по поездке в город. Карета остановилась у школы, дверца открылась, и Эмрис Торнбран выбрался наружу, небрежно опираясь на трость. Пошел к двери, но вдруг остановился, поднял голову и посмотрел прямо на Гвен.

Она в страхе отпрянула от окна. Сама не поняла, что ее напугало, но успокоилась лишь тогда, когда достала из шкатулки и сжала в ладонях каменный шарик. За несколько минут артефакт вернул ей уверенность. Ничего, что все это время альд Торнбран тарабанил в дверь.

— Что вы решили? — не здороваясь, спросил он, едва Гвен пустила его на порог.

— Я согласна, — сказала она, как и гость, опуская приветствия. — Но при определенных условиях.

Услышала, как подкатил и остановился у школы еще один экипаж, и вздохнула с облегчением.

— Ваши условия? — Маг усмехнулся. Выглянул за дверь. — Ну уж, нет! — выпалил раздраженно. — Я же предупреждал вчера!

Впрочем, альда Линтона он приветствовал довольно сдержанно. И не скажешь, что между ними произошла серьезная размолвка. Должно быть, оттого, что они встретились, словно генералы враждующих армий — на нейтральной территории. Но пускать другого на свою ни один не хотел.

Торнбран и на госпожу Энельму смотрел как на вражеского лазутчика, и можно было лишь порадоваться, что его магических способностей не доставало для того, дабы испепелять людей взглядом. Хотя и экономка глядела недобро, так что, будь она колдуньей, еще неизвестно, кто кого испепелил бы.

— Хорошо, — смирился с первым условием маг. — Если ваш покровитель желает приставить к вам надсмотрщицу, так тому и быть. Каждый, как умеет, заботится о своем имуществе.

Гвен вспыхнула при этих словах, альд Линтон нахмурился, но Торнбран будто не заметил их реакции.

— Меня интересует только мое, — продолжил маг как ни в чем не бывало. — Возьмите шар. И сегодня, и впредь при посещении замка он должен быть с вами.

— Он уже со мной, — Гвендолин коснулась глубокого кармана, куда, помня испугавший ее сон, положила артефакт. С ним спокойнее.

— Прекрасно. Значит, можем ехать.

— Пока нет, — покачала головой Гвен. — Нужно дождаться еще одного человека.

На счастье, Криспин не слишком задержался. Когда он появился, Гвендолин представила молодого человека собравшимся.

— Еще один охранник? — с насмешкой уточнил Эмрис Торнбран. — У меня такое чувство, что я беру на работу особу королевской крови. — Он присмотрелся к Криспину. — Вы?..

— Я — часовщик, — сказал тот, чуть выступив вперед. — Возможно, в замке найдется для меня работа.

— Часовщик? — непонятно чему рассмеялся маг. — В самом деле?

— Я взял инструменты. — Криспин приподнял чемоданчик, который держал в руке. — Буду рад, если они пригодятся.

— Пригодятся-пригодятся, — пообещал Торнбран. — Ваш охранник едет с нами, госпожа Грин. Довольны? Больше условий нет? Тогда прошу в экипаж.

— Гвен и госпожа Энельма поедут в моей карете, — заявил альд Линтон.

— Как скажете. — Маг пожал плечами. — Лишь бы побыстрее выехать. Даже не представлял, что нынче так сложно нанять помощницу.

Хорошо, хоть не сказал «прислугу». Гвен и без того хватило его насмешек.

Но все это действительно выглядело странно. Охранник, хмурая немногословная компаньонка — и правда, многовато сопровождающих для простой учительницы.

Что до жуткого замка, о котором рассказывала таинственным шепотом Джесмин, то после стольких приготовлений Гвендолин он разочаровал. Да, замок был огромным и очень древним. Но не таким уж жутким. Конечно, если приехать сюда ночью, впечатление будет иным, но ночью Гвен приезжать не собиралась. Днем же замок смотрелся скорее уныло.

«Откуда здесь взяты привидения, которых так боится родственница Талулы?» — думала Гвен, идя по длинному коридору, темному и холодному, но совсем не такому пугающему, как тот, по которому она пробиралась во сне. Если призраки тут водятся и воют в полнолуние, то, видимо, от скуки.

Их с Криспином и госпожой Энельмой проводили в большую комнату, заваленную хламом. Накануне Эмрис Торнбран именно так определил полученное наследство, и Гвендолин вынуждена была признать, что маг ничего не перевернул. На столах громоздились ящики, коробки, папки, пыльные статуэтки и шкатулки.

— Я велел сносить сюда все бумаги и кое-какие вещи, — пояснил хозяин. — У дяди была большая коллекция артефактов, но хранилось все беспорядочно, не понять, что за предметы и каковы их свойства. Думаю, в бумагах есть описания, вам нужно будет их найти и соотнести с

соответствующими экземплярами коллекции. В процессе работы, надеюсь, найдутся и сведения о нашем шаре. Если станут попадаться другие бумаги, откладывайте отдельно. Например, сюда, — маг показал на пустой ящик, — все, что связано с финансовыми и земельными вопросами. Сюда, — показал на еще один, — личные письма. А сюда, — пододвинул к Гвен большую корзину, — все остальное.

— Неужели наследство действительно так ужасно хранилось? — не поверила Гвен. Объем работы ее пугал. Казалось, она и за год не управится.

— Не всегда, — хмуро ответил маг. — Перед смертью дядюшка что-то искал в бумагах и все перевернул. Или почувствовал близкий конец и решил таким образом усложнить мне жизнь. — Он вспомнил про Криспина и повернулся к нему: — Сейчас и вам найдем работу.

Торнбран вышел, а через минуту вернулся, неся большую деревянную коробку.

— Они нуждаются в чистке, — сказал он, положив коробку перед часовщиком. — Уверен, вы справитесь.

Гвендолин не сдержала любопытства и подошла к столу. Заглянула и удивленно охнула: в коробке лежали два пистолета.

— Это же не часы! — возмутилась она очередной насмешке мага.

— В своем роде часы, — парировал он. — Порой отсчитывают время весьма точно. Для кого-то — последние минуты.

— Не волнуйтесь, Гвен, — успокоил Криспин, когда хозяин ушел. — Альд Торнбран прав, мне по силам эта работа. Устройство пистолетов не сложнее часового механизма. Главное после чистки собрать все, как было... У вас так не получится, — закончил он, обводя рукой комнату.

Гвендолин тяжело вздохнула. Вот уж точно, у нее собрать «как было» не получится. Потому что она не знает, как все было при старом владельце.

ГЛАВА 17

Гвен опасалась, что Эмрис Торнбран пожелает участвовать в разборе наследства, ей не хотелось проводить время в его обществе. Но маг так и не вернулся, и она почувствовала досаду. Получается, его совсем не интересуют ни артефакты, ни документы? Или он считает, что Гвен это нужнее, и можно свалить на нее всю работу?

Видимо, последнее. Это ведь ее тяготит ситуация, в которой Торнбран находит лишь поводы для жестоких шуток, и будет неудивительно, если окажется, что заваленная вещами и бумагами комната — одна из таких затей.

Но, как бы там ни было, Гвен решительно взялась за дело.

Первую стопку бумаг она отнесла к финансовым документам: там были какие-то расписки и счета. Следом на глаза попались перевязанные лентой письма. Сердце екнуло от мысли, что это могут оказаться те самые послания, что хотел забрать у хозяина замка альд Линтон. Однако имени Ребекки Линтон на конвертах не значилось, ни среди отправителей, ни среди получателей, а читать сами письма Гвен не стала бы. Недолго посомневавшись, она бросила их в корзину для «всего остального», ведь фамилии «Торнбран», чтобы отнести бумаги к личной переписке, на них тоже не стояло.

Госпожа Энельма не удовольствовалась ролью наблюдательницы и угрюмо предложила помощь. Должно быть, ее не прельщала перспектива частых визитов в замок, хотелось покончить со всем поскорее. Гвен с благодарностью перепоручила пожилой женщине бумажные завалы с другой стороны стола. Криспин тем временем возился с пистолетами, но что именно он делал, Гвен не видела. Несколько раз порывалась подойти поближе, но сильнее любопытства оказался страх, который внушало оружие. Зачем оно Торнбрану? И Криспин — разве нормально, чтобы часовщик разбирался в подобном? Вопросов было немало, но оттягивавший карман шар не давал забыть, зачем она здесь.

Вскоре работа принесла первые плоды: Гвен нашла папку с записями о некоем магическом предмете. Пришлось прочитать несколько страниц путаных объяснений, чтобы понять, что речь идет вовсе не о шаре, а о статуэтке. Фигурка танцовщицы, изготовленная на заказ столичными артефакторами, предназначалась для украшения бального зала и создания в нем праздничной атмосферы. Наверное, прежний хозяин переживал, что

гостям невесело в его унылом замке. Отложив бумаги, Гвен взялась за поиски самого артефакта. Пока она рассматривала статуэтки и открывала коробки, Криспин закончил с пистолетами и вызвался ей помочь.

«Пожалуй, мы управимся тут за неделю», — с радостью подумала Гвен.

Хмурая экономка альда Линтона ее воодушевления не разделяла. Госпожа Энельма недовольно причмокивала губами, изучая очередную бумагу, а когда ей попадались письма, не стеснялась их просматривать, после чего хмурилась еще сильнее.

Хозяин не забыл о них и прислал горничную, чтобы узнать, не желают ли работники чая. Со стороны мага это была невиданная любезность. Но сам он не появлялся.

Вместо него в комнате-складе появилась Флориана Эдевейн, и, положив руку на сердце, Гвен ей не обрадовалась.

— Что здесь происходит? — властным тоном осведомилась красавица. — Кто вы и что тут делаете?

— Добрый день, альда Эдевейн, — поздоровалась Гвен.

— Вы? — удивилась гостя, а если слухи не врут — будущая хозяйка замка. — Вы же та учительница...

— Гвенда Грин.

— Я должна была запомнить? — Прекрасная Флориана в притворном изумлении подняла брови.

Подобное высокомерие злило не меньше насмешек Торнбрана, но Гвен помнила о своей роли скромной фермерской дочки.

— Что вы тут делаете? — требовательно повторила альда Эдевейн.

— Альд Торнбран пригласил меня...

— Пригласил? — не позволила договорить красавица. — Вас?

Ее лицо исказила брезгливая гримаса, и сдерживаться стало сложнее. Что себе позволяет эта альда? Кто вообще эти Эдевейны? Какое-нибудь захудалое провинциальное семейство, разбогатевшее на торговле с колониями? А Фолстейны, да будет ей известно, ведут род от потомка королей!

Но, конечно, ни о чем подобном Флориана не подозревала, как и присутствовавшие здесь Криспин Дэй и госпожа Энельма. Гвен не желала разоблачения и, чтобы успокоиться, погладила лежащий в кармане шар. Как ни странно, она не вспоминала о своем происхождении, общаясь с деревенскими жителями, и не чувствовала себя ущербной в обществе альда Линтона, но заносчивую красавицу с удовольствием поставила бы на место.

— Где он сам? — спросила та, подразумевая хозяина замка. — И почему... — Она вдруг умолкла, глядя на шар, который Гвендолин, забывшись, вынула из кармана. — Где вы это взяли? — спросила альда так, словно заподозрила учительницу в воровстве.

— Он мой! — сама не понимая, зачем ей понадобилась эта ложь, Гвен прижала шар к груди.

— Неужели? Особа с вашим гардеробом может позволить себе подобную вещь? Невероятно, учитывая ее стоимость.

— Вам известно, сколько это стоит? — удивилась и насторожилась Гвен. — Выходит, вы знаете, что это за шар?

— Конечно. А вы, выходит, нет? — На губах альды Эдевейн заиграла недобрая улыбка. — И при этом смеете утверждать, будто он ваш?

— Я его...

— Получила в наследство, — пришел на помощь Гвен тот, от кого она меньше всего ждала поддержки: в дверях стоял Эмрис Торнбран. — Госпожа Грин унаследовала артефакт от родственника, но она не маг и ничего не знает о его свойствах, поэтому обратилась ко мне. А вы, дорогая Флориана, говорите, он чего-то стоит? Думаете, мне следует выкупить его для коллекции?

— Как? Вы тоже не знаете, что это? — Альда Эдевейн рассмеялась. — Надо же, великий маг Эмрис Торнбран понятия не имеет, что за артефакт находится у него под носом!

— Я не артефактор, — смиренно улыбнулся маг. — А о шаре буду знать уже завтра. Мой хороший друг обещал прислать развернутое описание. Простите, альда Эдевейн, но при всем моем уважении к вам разве я могу полагаться на столь некомпетентный источник? Вы же, как и Гвенда, не маг и вряд ли сможете что-либо объяснить.

Флориана поджала губы, обиженная то ли напоминанием о том, что она не имеет магических талантов, то ли сравнением с деревенской учительницей.

— Значит, я ничего не скажу, — бросила она, прежде чем удалиться.

Когда в коридоре стихли ее шаги, Гвендолин нерешительно приблизилась к хозяину.

— Вы ждете известий о шаре? — спросила с волнением.

— Да, — хмыкнул он. — Моя очаровательная гостья нам все объяснит.

— Но вы же...

— Я не стану ее упрашивать. А Флориана именно этого ждет.

— Но как...

— Через час подадут обед. Пришлю кого-нибудь, чтобы проводили вас

в столовую. Только вас. — Торнбран многозначительно покосился на Криспина и госпожу Энельму, делавших вид, что заняты бумагами. — В этом доме не принято делить стол с прислугой.

Между Торнбраном и альдой Эдевейн не чувствовалось особой симпатии, но Гвен тем не менее подумала, что эти двое станут прекрасной парой. Только вряд ли их чванливую чету будут часто навещать гости, пусть хоть весь замок уставят статуэтками танцовщиц!

Маг ушел, Гвен вернулась к работе, но теперь все в прямом смысле слова валилось из рук. Бумаги падали на пол, буквы расплывались перед глазами, не желая складываться в слова. Виной тому помимо волнения были взгляды, что бросали на Гвендолин Криспин и старая экономка. Госпожа Энельма глядела с осуждением, словно один только разговор с магом поставил на Гвен печать распутницы. Часовщик поглядывал с любопытством. Наверняка ему хотелось знать, что за шар она спрятала в карман, и отчего он всем так интересен, но вопросов молодой человек не задавал, а Гвен откровенничать не стала.

Беседы на отвлеченные темы тоже не получилось, и время до обеда, за которое Гвендолин едва успела разобраться с еще одной пыльной стопкой документов, прошло практически в полном молчании.

Альд Торнбран никого за ней не прислал — явился сам. Сначала потребовал для проверки пистолеты. Пощелкал чем-то, взвел курок и напоказ прицелился в окно, на что госпожа Энельма отреагировала гневным сопением. Вот уж точно — старая нянюшка. Казалось, она собиралась оттащить избалованного мальчишку за уши и отобрать опасную игрушку.

— Благодарю, господин часовщик. — Маг насмешливо поклонился Криспину и убрал пистолеты в коробку. — Возможно, чье-то время скоро придет.

Гвен испуганно вздрогнула при этих словах, а хозяин уже направился к ней.

— Как ваши успехи? Обнаружили что-то интересное?

Она показала ему отложенные документы, папку, где лежало описание фигурки танцовщицы, и саму статуэтку. Праздничный артефакт мага не заинтересовал.

— Тут что? — кивнул он на корзину и, не дожидаясь ответа, вынул несколько писем. Прочел имена на конвертах и швырнул обратно. — Мусор!

Затем подтащил корзину к камину. Огонь не горел, и Гвен не сразу поняла, что Торнбран собирается сделать с ненужными, по его мнению,

бумагами. Когда несколько конвертов вспыхнули в его руке, протестующе вскрикнула:

— Нельзя же так!

— А как можно? — Маг бросил горящие письма в топку и потянулся за следующими. — Мне неинтересны чужие секреты. Это дядюшка имел к ним слабость. Лучше бы с тем же рвением пополнял запасы вина.

— Но эти письма, возможно, дороги кому-то!

— И что вы предлагаете? Разыскать их владельцев? Не думаете, — он перешел на зловещий шепот, — что в этих посланиях содержатся тайны, за которые могут и убить?

— Но вы же их не читали, — растерянно проговорила Гвен. — Я тоже.

— И нам, конечно же, поверят, — рассмеялся Торнбран, вываливая в камин все содержимое корзины. — Признайтесь, наивность преподавалась у вас в пансионе наравне с математикой или приравнивалась к изящным искусствам вроде музыки и рисования?

Гвен пыталась найти поддержку у своих сопровождающих, но госпожа Энельма в ее сторону не смотрела, а Криспин, кажется, был солидарен с хозяином в том, что касалось чужих тайн. Что ж, и в этом есть хорошая сторона. Быть может, письма Ребекки Линтон так же сожжены, и сквайру не стоит о них беспокоиться.

Отряхнув руки, маг напомнил Гвендолин об обеде и пообещал, что ее спутников голодными тоже не оставят.

Приглашение выглядело как дань гостеприимству, повода для отказа не имелось, но боязно было оставаться один на один с Эмрисом Торнбраном. Пока маг вел ее в столовую пустыми коридорами, Гвен успела изменить мнение о замке. Он и впрямь был жутким.

В огромной столовой, где их ждал сервированный на троих длинный стол, хозяин любезно отодвинул для Гвендолин стул, и эта любезность насторожила едва ли не больше, чем все его пугающие намеки. Что до альды Эдевейн, явившейся к столу раньше, то подобное поведение Торнбрана по отношению к какой-то учительнице ее просто разозлило.

— Мало того, что вы опаздываете, так еще и усаживаете рядом со мной...

— Свою гостью, — закончил маг, не дав прекрасной альде договорить. — Гвенда такая же гостья тут, как и вы. А я — хозяин, и только мне решать, когда начинается обед. Я по определению не могу опоздать.

Он занял место во главе стола, сделал слуге знак наполнить бокал вином, после чего велел их оставить. Это также было странно, но потом Гвен поняла, что маг не желает, чтобы разговор о шаре, если таковой

состоится, коснулся чужих ушей.

— Вам понравился замок, Гвенда? — спросил он с улыбкой. Тетушка Фриберта улыбалась так же, когда хотела, чтобы ее дом и угощение похвалили, но там было искреннее желание, а маг вел какую-то лишь ему понятную игру.

— Понравился, — ответила она сдержанно.

— А как вам моя коллекция артефактов? Ваш шар окажется в достойной компании, если согласитесь его продать. Обещаю, что не поскуплюсь... Впрочем, поговорим об этом завтра, после того как доставят письмо. Я после слов Флорианы загорелся идеей покупки, но, быть может, она ошибается относительно ценности этого предмета.

— Я никогда не ошибаюсь, когда речь идет о ценностях, — заявила альда Эдевейн, демонстративно разглядывая свои ухоженные длинные пальчики с нанизанными на них перстнями. — Но вы ведь не захотели меня слушать, так что об этом шаре я теперь и слова не скажу.

— Конечно-конечно. — Маг одарил ее снисходительной улыбкой. — Будь я менее искушен в женских уловках, даже поверил бы.

— Во что? — уязвленно уточнила красавица.

Гвен слушала их пререкания, рассеянно ковырялась вилкой в тарелке и чувствовала себя лишней.

— В то, что вам что-либо известно, — ответил собеседнице маг. — Но, увы, дорогая моя, я раскусил вашу задумку и не позволю себя обмануть.

— Обмануть? — гневно переспросила Флориана. — В чем, позвольте узнать?

— Ну, не обмануть, — пошел на попятную Торнбран. — Немного слукавить. Очаровательным дамам подобное простительно.

— Решительно не понимаю, о чем вы. — Альда Эдевейн сердито нахмурилась.

— Действительно? — прищурился маг. — Вы не собирались дожидаться, пока я узнаю все из письма и поделюсь с вами, чтобы потом сказать, что и так это знали? Поверьте, я понимаю ваше желание показать свою причастность к тайнам магии, но данный трюк стар, как мир.

— Я и не думала использовать никаких трюков! — вспыхнула красавица. — Мне прекрасно известно, что это за шар. Я даже видела подобный!

— Ох, Флориана. — Эмрис Торнбран покачал головой. — Мне жаль, что я затронул эту тему. Давайте притворимся, что нашего разговора не было? Не принимайте его так близко к сердцу. Я сделаю вид, будто верю вам. Завтра мы вместе прочтем письмо и убедимся в вашей якобы

правоте...

— Якобы?! — вскипела альда Эдевейн. — Вы считаете меня лгуньей? Что ж, я вам докажу!

Маг замахал руками, словно не желал ее слушать, но Флориану этот жест распалил еще больше.

— Такие шары называются «око духов»! — выпалила она. — В океанических колониях их изготавливают туземные колдуны! Потому вам ничего не известно о подобных артефактах. А я жила в колониях и знаю, что камень для таких шаров добывают лишь на одном острове. Оттого он так ценен. Потом этот камень обтесывают до формы идеального шара и наводят чары, которые защищают хозяина от темного колдовства, ядов и болезней. Туземцы не продают эти шары. Мой отец однажды хотел купить такой, но ему отказали. Так что родственник вашей скромницы Гвенды, скорее всего, вор, обокравший какую-то темнокожую семью и лишивший ее домашнего оберега!

Высказав все это на одном дыхании, альда Эдевейн швырнула на стол смятую салфетку, вскочила, опрокинула стул и быстрым шагом покинула столовую.

Торнбран глядел ей вслед с довольной улыбкой.

— Видите, как все просто, — обратился он к Гвен. Снова наполнил свой бокал, выпил до дна и поднялся. — Простите, но я тоже вас покину. Найдете сами обратную дорогу в ту комнату? Хочу немедленно отправить в столицу запрос по нашему шару. Теперь-то хоть ясно, о чем именно спрашивать.

«Ужасный человек, — подумала Гвен. — Привык добиваться своего, и не важно, какими методами». После произошедшей за столом неприятной сцены Флориану было даже жаль.

— Попробуйте паштет, — легкомысленно посоветовал маг прежде, чем уйти. — Он восхитителен.

ГЛАВА 18

Прощался альд Торнбран с Гвендолин в своем духе.

— Что ж, госпожа Грин, вы уже поняли, что от вас требуется. Работа несложная, не так ли? Завтра у вас снова в школе выходной, так что, надеюсь, вы выделите время, чтобы заняться моим наследством. И вы, — он обернулся к Криспину, — господин часовщик. Для вас у меня найдется дело. Напольные часы в бальном зале не идут уже лет десять, если не ошибаюсь. Так что буду рад вас видеть. А вас — нет, — маг поглядел на госпожу Энельму. — Но согласен терпеть как неизбежность.

Провожать их к экипажу он не пошел. Подобные знаки внимания не оказывают нанятым работникам.

Гвен подумала об этом и тут же вспомнила об обещанной плате.

— Простите, я забыла кое-что спросить у альда Торнбрана, — сказала она своим спутникам, остановившись в нескольких шагах от входной двери. — Это не займет много времени.

Слуга, провожавший их к выходу, помочь не вызвался, и Гвендолин пришлось отправиться на поиски хозяина одной. В огромном замке немудрено заблудиться, но удача была на ее стороне, и, недолго поплутав по коридорам, из-за одной из дверей Гвен услышала голос мага:

— Ты уверен в этих людях? — спрашивал тот кого-то.

— Да, альд Торнбран, — отвечали ему. — У них есть опыт скрытой слежки. В основном за неверными женами, но и наших воров они не упустят.

— Меня не интересуют воров. Мне нужен тот, кто их нанял. Хотя не уверен, что он свяжется с ними, но иных зацепок нет. Их же отпустят сегодня к вечеру?

Неужели речь о тех разбойниках, что выкрали шар из замка и напали на нее в лесу? Их арестовали, а теперь отпустят? Подобное в голове у Гвен никак не укладывалось, но иных объяснений услышанному она не находила.

— Спасибо, Джером, — послышалось из-за приоткрытой двери. — Извещай меня обо всех новостях...

Понимая, что тот, с кем говорил маг, вот-вот выйдет в коридор, и не желая, чтобы обнаружилось, что она подслушивала, Гвен быстрым шагом, нарочито громко отстукивая по каменным плитам каблучками, приблизилась к двери и постучала.

На стук в коридор выглянул пожилой слуга — тот самый, что был с Эмрисом Торнбраном в лесу, когда Гвен нашла шар, а позже приезжал в Трелони, чтобы разузнать о ней. «Джером», — повторила она про себя, запоминая имя.

— Простите, — пролепетала, потупившись. — Мне показалось, или я слышала голос альда Торнбрана. Он здесь?

— Да-да, входите, — слуга распахнул перед ней дверь в просторный кабинет, захламленный не меньше, чем комната, куда свалили «наследство» покойного хозяина.

Новый владелец замка сидел за заваленным бумагами столом и вряд ли собирался наводить порядок в документах. Перед ним стояли бутылка вина и наполовину наполненный бокал, и, кажется, это все, чем маг планировал заняться.

— Госпожа Грин? — удивился он появлению Гвен. — Решили задержаться?

— Ненадолго. Хотела напомнить вам об условиях нашего договора.

Эмрис Торнбран недоуменно приподнял брови. Если начинать пить в середине дня, немудрено забыть обо всем на свете.

— Вы обещали вернуть мою рукопись, если я соглашусь помочь вам, — напомнила Гвен.

— Да? А ведь действительно. Она была где-то здесь...

«В этом свинарнике?!» — хотелось воскликнуть Гвен. Она представила свой роман измятым, облитым вином, изгрызенным мышами и вздохнула с облегчением, когда Торнбран протянул ей целую и невредимую рукопись.

— Из любопытства дочитал до конца, — сказал он. — Могу ручаться, что большей чуши мне никогда не попадалось.

Гвен сжала губы и решила не реагировать на его насмешки.

— Но один момент мне все же понравился, — неожиданно заявил маг. — В самом начале, когда Арчибальд готовится покинуть родительский дом и смотрит в окно — на парк и башню с часами. Описания весьма яркие. Живые, я бы сказал. Читаешь и будто сам видишь то место... И узнаешь. Это ведь в столице? Парк рядом с Театральной площадью? За мостом расположено несколько особняков, можно предположить, какой из них принадлежал отцу Арчибальда. Погодите-ка...

Торнбран сморщил лоб. Гвен испуганно затаила дыхание.

Не так много собственных черт она вложила в героя, но воспоминания о родительском доме у них были общие. В романе Гвендолин описала то, что сама видела из окна спальни, прежде чем навсегда покинула столицу.

— Нет. — Маг тряхнул головой. — Уже не помню. Давно там не бывал. А вы? Вы же не придумали это? Ни за что не поверю.

— Не придумала, — согласилась Гвен. — Подруга по пансиону часто рассказывала о доме своего детства. Я решила, что для романа ее рассказы подойдут лучше, чем мои воспоминания о ферме отца.

— Отчего же? — ухмыльнулся хозяин. — Сделали бы Арчибальда пастушком. Он ведь пастушком и получился. Этаким персонаж с пасторальной картинки, притворяющийся отважным героем. Милый, добрый, до глупого честный. Наивный и мягкотелый. Это ваш идеал мужчины?

Гвен поглядела на бутылку и подумала, что маг, должно быть, уже пьян, а значит, спорить с ним и даже говорить о чем-либо бесполезно.

— Всего доброго, альд Торнбран. — Она сделала реверанс и, прижав к груди рукопись, пошла к выходу.

— До завтра, Гвенда, — прилетело в спину. — А помните, какую мелодию играли те часы в полдень?

Часы на старинной башне, высившейся у входа в зеленый парк, который находился прямо под окнами отцовского особняка. Конечно, она помнила, даже спустя столько лет. Эта мелодия проникала в ее сны и иногда будила среди ночи...

— Вы так бледны, — заметил Криспин, когда она вышла на замковый двор. — Что-то случилось?

— Нет-нет, ничего, — Гвен вымучила улыбку. — Видимо, это место на меня так действует.

Она думала, что они сразу поедут в деревню, но карета свернула к усадьбе альда Линтона. А вскоре перед ними предстал и он сам. Любезно поприветствовал Гвендолин, кивнул госпоже Энельме, которая тут же поспешила к дому, и не слишком дружелюбным взглядом скользнул по Криспину.

«Неужели... ревнует?» — подумала Гвен и, прислушавшись к себе, не поняла, радуется ли это открытие. Всю дорогу она просидела, крепко прижимая к себе рукопись. Из головы не шли слова Торнбрана. Хотелось поскорее вернуться домой и перечитать роман, чтобы убедиться, что она больше ничем себя не выдала. Однако у сквайра на ее счет имелись другие планы.

— Вы не откажетесь со мной прогуляться? — поинтересовался он, начисто проигнорировав часовщика.

— Прямо сейчас? — удивилась Гвендолин.

— О, простите, я не подумал. Должно быть, вы устали... Или

голодны?

— Нет, — она покачала головой. — Я пообедала в замке. И, пожалуй, с удовольствием пройдуся.

После нескольких часов, проведенных в пыльной комнате, прогулка по приусадебному парку и впрямь показалась неплохой идеей. Тем паче что на смену затяжным дождям наконец-то пришли погожие солнечные деньки.

— А я, с вашего позволения, отправлюсь в деревню, — произнес Криспин Дэй.

Гвен ощутила что-то вроде угрызений совести. Но после того невнятного объяснения, когда молодой человек пробрался среди ночи к ней в комнату, Криспин даже не заговаривал о том, что испытывает к ней какие-либо чувства, кроме дружеских. Да и той ночью он разве говорил о чем-то большем, нежели симпатия? И Гвен ничего ему не обещала...

— Как прошел день? — полюбопытствовал сквайр, когда они остались наедине. — Торнбран не докучал вам, пока вы находились в замке?

— Нет, ничуть, — почти не покривила душой Гвендолин. — Я ведь была под надежной охраной. Наверное, даже чрезмерно надежной для временного секретаря.

— В вашей охране нет ничего чрезмерного, — не согласился альд Линтон. — Мы ведь знаем истинный смысл вашей работы на Эмриса Торнбрана. Хочется верить, что срок ее не затянется, и вскоре вы узнаете о том шаре все. Или уже узнали? Мне кажется, вы чем-то обеспокоены.

— Сегодня я случайно услышала разговор в замке... — нерешительно начала Гвен. — Как поняла, речь шла о тех самых разбойниках, которые напали на меня в лесу. Альд Торнбран сказал, что их собираются отпустить.

— Вопиющая безнаказанность, — нахмурившись, пробормотал собеседник.

— И еще сказал, что его интересуют не сами воры, а тот, кто их нанял, — добавила девушка.

Карлион Линтон глубоко задумался, и Гвендолин стало не по себе. Опять она все испортила! Прогулка, которая наверняка задумывалась как романтическая, превратилась в обсуждение крайне неприятных вещей. Но, раз уж начала, придется рассказать и все остальное.

— Так бывшего владельца обозвали вором? — усмехнулся альд Линтон, когда она пересказала ему слова Флорианы Эдевейн.

— Да. Но его племянника это ничуть не смутило. Хотя... Если дядя Эмриса Торнбрана купил или выменял этот предмет у кого-то, выходит, вор вовсе не он, а другой человек?

— Не забивайте себе этим голову, — посоветовал сквайр. —

Выполняйте для мага работу и... постарайтесь с ним не сближаться. Очень вас прошу.

Гвен нахмурила брови. Сближаться? Снова намек на ревность?

— Ему не до меня, — сказала она. — Ведь в замке гостит альда Эдевейн. Она... очень красива. Думаю, из них получится весьма гармоничная пара...

«...если не поубивают друг друга, — добавила мысленно. — Уж не написать ли мне детектив? Обстановка вполне соответствует».

Когда прогулка закончилась, Гвен вернулась домой пешком, отказавшись и от экипажа, и от сопровождения. Время было еще не позднее, а недолгая дорога радовала теплом, щебетом птиц и нежной зеленью распускающейся молодой листвы. На сердце было беспокойно. Лежавшая в сумке рукопись напоминала о себе, однако уделить время роману у Гвендолин не получилось: возле школы ее встречала изнывающая от нетерпения Джесмин.

— Вот, отец забрал сегодня со станции с другой почтой! — Она протянула какое-то письмо. — Битый час караю тебя, чтобы отдать. Где ты пропадала так долго?

— Сначала работала у альда Торнбрана, потом гуляла с альдом Линтоном, — не задумываясь, ответила Гвендолин, жадно глядя на имя на конверте. Сердце билось так громко, что стук его отдавался в ушах. Письмо от Гвенды!

— Ясненько. Тебе наша деревенская компания теперь совсем неинтересна. Только со знатными людьми дружбу водишь, — проворчала приятельница. — А может, не только дружбу?

— Ты хотела мне что-то сказать? — спросила Гвен, пропуская мимо ушей неприятные намеки.

— Да, — вздохнула дочь старосты. Дернула за ленту на шляпке и едва не оборвала ее. — Я... разорвала помолвку.

Эта новость заставила забыть о собственных проблемах. Теперь понятно, отчего Джесмин так себя ведет. На нее и обижаться сейчас нельзя.

— Выпьешь чашечку чая? — предложила Гвендолин растерянно.

Подруга кивнула, и они вместе вошли в здание школы. Талула сегодня отдыхала, так что хозяйничать предстояло самостоятельно.

Оставив рукопись и нераспечатанное письмо в комнате, Гвен отправилась на кухню.

ГЛАВА 19

Прочитать долгожданную весточку от Гвенды хотелось поскорее, но не выгонять же из дома подругу в такой ситуации! Обычно словоохотливая и неунывающая Джесмин выглядела сейчас бледным подобием себя прежней. А письмо бумажное, может и подождать немного.

Несмотря на то что погода улучшилась, настоящее тепло еще не пришло. Особенно вечером чувствовалось, что весна в здешних местах не самая ласковая и наступает поздно. Север королевства!

Зато какой уютной становилась квартирка над школой, когда заваривали чай — недешевый, поэтому расходовали экономно — и садились за стол. Ворчливое пыхтение закипающего чайника, позвякивание посуды, запах далекого южного лета, пропитавший чайные листья с добавленными к ним сушеными ягодами. Вот и дочь старосты, кажется, оттаяла и даже улыбнулась — почти как раньше.

— Если не хочешь говорить... — неуверенно начала Гвен, пододвигая поближе к гостю нарезанный хлеб и вазочку с малиновым джемом, который сварила Талула. Больше к чаю в буфете ничего не нашлось. — Если не хочешь говорить, что случилось, я пойму.

— Да о чем тут молчать, если скоро вся деревня знать будет? — махнула рукой Джесмин и едва не столкнула на пол чашку — хорошо еще, что пока пустую. — Изменил он мне. Снова.

— Кто-то рассказал? — с сочувствием предположила Гвен.

— Нет. Если бы рассказали, я бы, может, и не поверила. Сама видела — собственными глазами!

Гвендолин захлопала ресницами, однако не так изумленно, как можно было ожидать. Потому что вспомнились разговоры про батрачку и «зеленую юбку». А еще вспомнилось, что жених приятельницы ей сразу не понравился.

— Ну, ладно, раньше, — рассуждала собеседница уже спокойнее. — Еще до помолвки. Но сейчас-то мы обручены, а он опять за свое!

— Джесмин... — Гвен тронула девушку за руку. — Может быть, это судьба? Зачем тебе спешить с замужеством? Ты ведь еще молодая, и родители тебя так любят, не торопятся поскорее сплавить.

— А и правда! — согласилась та и, наблюдая за тем, как учительница разливает по чашкам свежесваренный чай, поинтересовалась: — Криспин Дэй был в замке альда Торнбрана вместе с тобой? Так?

«Ничего-то от деревенских не скроешь!» — подумала Гвендолин и кивнула — не отпираться же.

— А что он там делал? — продолжала расспрашивать Джесмин.

— Чинил для альда Торнбрана... часы, что же еще? — отозвалась она. Пришлось солгать. Почему-то не хотелось рассказывать про пистолеты, в которых часовщик на удивление хорошо разбирался.

— К нему и в деревню приезжают какие-то люди для починки часов, — заметила дочь старосты, намазывая на хлеб щедрую порцию джема. — На фермеров не похожи. Городские, наверное.

Гвен вспомнилась та случайная встреча, когда она видела Криспина в городе в сопровождении весьма подозрительного вооруженного типа. Или она все же обозналась и с тем бородачом беседовал другой человек, похожий на него? Но отчего-то на душе вновь стало тревожно.

Больше они не говорили ни о Криспине, ни о женихе Джесмин. Обсуждали романы, погоду, других общих знакомых. Гвендолин вкратце, без упоминаний об артефакте, поведала о замке мага и гостившей там Флориане.

— Вот ведь бесстыдница! — фыркнула приятельница. — Без семьи и даже без компаньонки поселилась у одинокого мужчины! А туда же — благородная альда!

— Не нам ее осуждать, — пожалала плечами Гвен. — Она, кажется, выросла в колониях. Может, там другие обычаи.

— Но сейчас-то она здесь! Если они не поженятся, эта альда будет опозорена! Хотя она, должно быть, полагает, что богатое приданое способно решить все проблемы!

Когда Джесмин ушла, Гвендолин наконец-то распечатала конверте письмом от подруги по пансиону. Той самой, с которой они обменялись именами. И... судьбами.

«Дорогая Гвен! Пищу тебе уже второе письмо. Первое вернулось ко мне — на почте замазали чем-то твой адрес. Ты уехала в такую глухомань, что даже письма идут очень долго. Наверное, ты уже пожалела о своем решении, правда? Неужто не пожалела? Только, пожалуйста, не обманывай меня!

Мне так стыдно перед тобой... Если бы ты знала, каким замечательным окажется твой жених, то не захотела бы поменяться со мной местами даже на один день! Он красивый, воспитанный, умный, из хорошей семьи. Почти все его родные умерли, так что я познакомилась только с его тетей-вдовой, а также с кузиной и ее супругом. У них недавно родился сын — до чего же прелестный младенец!

Ах, Гвен! Мы с Домиником — именно так зовут того, с кем, поспешив с решением, ты даже не пожелала встретиться, — полюбили друг друга. И я поняла, что не смогу обманывать его дальше. А потому рассказала правду. Что я не такого высокого происхождения, как он думает. И что зовут меня Гвенда Грин, а не Гвендолин Фолстейн. Ты ведь простишь меня?..»

Гвен вздрогнула, и листок едва не выскользнул из пальцев. Взгляд метнулся к окну, за которым шелестел в ветвях дерева ветер и листва отбрасывала на стену пляшущие тени. Казалось, вот-вот послышатся чужие шаги или стук в дверь. Гвендолин поднялась и задернула занавеску. Затем снова села на край кровати и вернулась к чтению.

«Помолвки еще не было, потому что он пожелал сначала познакомиться поближе. Однако я почему-то верила, что он примет все, даже узнав правду. И он ни капельки меня не разочаровал! Сказал, что все равно хочет на мне жениться, только не под чужим именем, а под настоящим. Доминик собирается поговорить с твоим дядюшкой и все ему объяснить. Но тот уехал по делам, уплыл по морю — так далеко, что мы даже не знаем, куда ему писать. Впрочем, он наверняка вернется раньше, чем дойдет письмо, поскольку сказал, что собирается приехать через месяц, как раз к объявлению нашей с Домиником помолвки.

Понимаешь, что это значит? Нам больше не нужно будет притворяться! Если хочешь, я скажу твоему родственнику, что это была моя идея, и пусть он ругает за нашу авантюру меня, а не тебя. Ты сможешь возвратиться в столицу. Наверняка ведь тебе уже надоела деревня, как и школа, и вечная скука, которая тебя ждет не только в настоящем, но и в будущем».

— Вечная скука... — повторила Гвендолин, дочитав письмо. С губ сорвался нервный смешок. Ах, Гвенда, если бы ты знала, как ошибаешься!

Она встала и взволнованно прошлась по комнате. Мысли кружились в голове, как мотыльки вокруг фонаря. Что делать?..

Если... Когда дядя узнает правду, несомненно, будет весьма разочарован в ней. Опозорила и его, и память родителей! Мало того что полная бездарность в магии, так еще пошла на обман, чтобы не выходить замуж.

А ведь он наверняка успел представить поддельную Гвендолин Фолстейн не только жениху и его родным, но и другим столичным знакомым...

Может быть, все же следует принять предложение альда Линтона? Он готов жениться даже на простой сельской учительнице. Если попробовать все объяснить, признаться... Так и подмоченная репутация будет

восстановлена, и не возникнет нужды отправляться в столицу, по которой, по правде говоря, Гвендолин совершенно не скучала. Следует ли ей поступить так или лучше сбежать снова? Но куда? И как быть с шариком, который не дается в руки никому другому? Эмрис Торнбран наверняка посчитает ее воровкой. Впрочем, до того времени, когда ее родственник вернется и узнает о том, как был обманут, у нее еще есть время поразмыслить. А потому не стоит торопиться с решением.

Несмотря на все страхи и сомнения, спала Гвен крепко и спокойно. Поутру, запретив себе терзаться ненужными мыслями, умылась и плотно позавтракала. Не исключено, конечно, что в замке ее опять пригласят отобедать, только общество хозяина и его благородной гостьи способно легко испортить аппетит.

Одевшись, Гвендолин положила в карман каменный шарик и вышла на крыльцо, чтобы встретить госпожу Энельму, которая вот-вот должна была заехать за ней. Однако сегодня первым появился Криспин Дэй.

Часовщик подъехал к школе верхом на мышастой лошадке.

— Доброе утро, Гвен, — поздоровался он, спешившись. — Вот, решил обзавестись собственным транспортом.

— Зачем? — спросила она с недоумением, ведь в экипаже, что выделил альд Линтон, места хватало всем.

— Ваша дуэнья не очень довольна моей компанией, — разъяснил молодой человек. — В каком-то смысле она права.

Гвен хотела возразить, но догадалась, что Криспина смутили скорее не многочисленные косые взгляды госпожи Энельмы, а тот один, ревнивый и пристальный, которым одарил его вчера Карлион Линтон, и не стала спорить.

Интересно, сквайр и сегодня будет так же смотреть на ее сопровождающего?

Узнать этого не довелось: нынешним утром альд Линтон у школы не появился. Точно к условленному времени подъехал экипаж, в котором сидела неизменно хмурая экономка, и только.

Дорогой Гвен несколько раз пыталась заговорить о чем-то с пожилой женщиной, но та отвечала сухо и коротко, так что узнать, как дела у альда Линтона и отчего он не приехал, не представлялось возможным. Но он ведь и не обещал провожать и встречать ее ежедневно?

Хозяин замка, видимо, решил так же и к приехавшим не вышел. Встретил их слуга и проводил до дверей уже знакомой комнаты.

Однако напрасно Гвен надеялась, что в ближайшее время не увидит альда Торнбрана. Тот, как выяснилось, поджидал внутри. Он сидел в кресле

у стола, на полу вокруг него были разбросаны бумаги, а на столе стояли рядочком стакан, графин с водой и винная бутылка. Графин был полон, а вот бутылка почти пуста.

— Наконец-то! — воскликнул маг и поднял на Гвен мутный взгляд. — Наконец-то вы здесь... — пошатнулся, вставая, и пошел к ней. — Ничего не понимаю во всем этом, представляете? Ночью не спалось, пришел сюда. Читал. Пил, хм... кофе... Думал. О вас, госпожа Грин.

Последнюю фразу он растянул с хищной ухмылкой, и Гвен невольно попятилась к двери.

— Жаждал увидеть вас, — продолжал тянуть слова Торнбран, медленно приближаясь к ней. — Безумно. И вот теперь, наконец, могу утолить эту жажду...

Он подошел к ней почти вплотную, и Гвен тревожно сжалась, не зная, чего ожидать. Маг протянул руку и схватил... появившийся вдруг между ним и Гвендолин стакан с водой.

— Что за?.. — Он удивленно уставился сначала на стакан, а потом на подавшего его Криспина. Когда часовщик успел налить воды из графина, Гвен не заметила.

— Вы что-то говорили о жажде. — Криспин Дэй с простоватой улыбкой пожал плечами. — Я подумал, вы хотите пить.

Гвен усмехнулась, но тут же закрыла рот ладонью, испугавшись, что маг разозлится. Но тот вдруг расхохотался.

— Часовщик, да? А знаете, вы мне нравитесь.

Пригубил стакан и скривился:

— Гадость какая. — Выплеснул воду прямо на пол, вернулся к столу и вылил в стакан остававшееся в бутылке вино. — Ваше здоровье, господин часовщик. И ваше, госпожа Грин. И... — Посмотрел на госпожу Энельму, поморщился, но потом махнул рукой: — И ваше, унылая дама.

В несколько глотков осушил стакан и направился к двери.

— Идемте со мной, господин часовщик. Я же обещал вам работу? Нужно починить часы... большие такие часы...

Криспин успокаивающе кивнул Гвен и пошел вслед за магом. Помня о вчерашней коробке с пистолетами, оставалось надеяться, что, говоря о больших часах, маг не имел в виду пушку.

ГЛАВА 20

Первым делом Гвен собрала бумаги, которые разбросал маг. Какие-то из них были смяты как ненужные, но все-таки стоило убедиться, что бумаги действительно не представляют никакой ценности. Вряд ли хозяин был способен оценивать их содержание трезво — данное слово с его состоянием никак не вязалось.

— Как можно вести себя настолько безответственно? — пробормотала Гвен себе под нос, разглаживая на столе лист, оказавшийся договором аренды. Правда, этот договор был единственным важным документом среди бумаг, валявшихся на полу, но альда Торнбрана это не извиняло. Просто обидно, до чего некоторые не ценят того, что имеют! Наверное, и отец так же разорился...

Но у отца были причины: смерть жены и наследника, дочь-бездарь. А у Торнбрана что? Не похоже, чтобы он сильно тосковал по дядюшке. Скорее, как говорят деревенские, с жиру бесился.

Собрав все с пола, Гвен принялась разбирать завалы на столах. Госпожа Энельма, как и вчера, оказывала посильную помощь и уже успела отсортировать какие-то счета, которые ее наметанный глаз экономки легко выискивал в ворохе других бумаг. Гвендолин же обратила внимание на серую папку, похожую на ту, в которой хранилось описание статуэтки танцовщицы. В этой папке тоже лежали записи, относившиеся, судя по всему, к какому-то артефакту.

— «Если супруг, после долгой разлуки домой вернувшийся, вручит сию брошь жене своей, и та примет...», — зачитала Гвендолин самое начало и отложила папку. Тут ведь про брошь, изображение которой прилагалось, а ее интересует информация о шаре, лежащем в кармане. Но, чтобы время не было потрачено зря, эту самую брошь следовало отыскать и приложить к папке.

Рассудив, что украшение наверняка лежит в одной из шкатулок, Гвен начала поиски и вскоре действительно обнаружила усыпанную драгоценными камнями очень красивую брошку в форме бабочки. Полюбовавшись изящной вещицей, она уже хотела отложить папку и брошь, но вдруг замерла, осененная догадкой.

— Папки! — воскликнула радостно. — Они одинаковые, госпожа Энельма!

Экономка Линтона непонимающе сдвинула брови.

— У прежнего хозяина была большая коллекция, — принялась объяснять Гвен. — И прежде она содержалась в порядке. Учет, полагаю, велся строгий, а все документы — аккуратно подшивались, как в архиве или библиотеке. Для этого ведь обычно берут одинаковые папки? И если мы выберем из всего этого хла... из всего этого завала такие папки, намного скорее разберемся с коллекцией. А потом займемся остальным.

На самом деле она надеялась, что остальным ей заниматься не придется. Главное, найти все, что можно, о переливчатом каменном шарике, ведь только ради этого она тут!

— Поможете мне собрать папки? — попросила Гвен пожилую женщину. Та кивнула без особого удовольствия, но потом заметила брошь, которую девушка до сих пор держала в руках, и ее взгляд заметно оживился.

— Очень дорогая вещь! — сказала она строго. — Со стороны хозяина крайне неосмотрительно оставлять подобное на попечение малознакомых людей, тем паче в помещении, куда входят все кому не лень.

— Вряд ли альд Торнбран о ней помнит. Возможно, даже не знает.

Старая экономка покачала головой:

— Вспомнил бы, если бы она не нашлась, уж поверьте. И кто был бы виноват? На вашем месте я немедленно отнесла бы украшение хозяину.

— Думаю, он вскоре придет, чтобы узнать, как у нас продвигается работа, — неуверенно предположила Гвен.

— Случается, хозяева сами подбрасывают ценности работникам, — будто не услышала ее экономка. — Чтобы проверить их благонадежность. Или обвинить в попытке кражи, — добавила мрачно. — Хозяева ведь разные. Так что я не стала бы с этим тянуть.

«А ведь и правда, — подумала Гвен. — Мало ли что взбредет в голову этому магу? С него станется подстроить какую-нибудь гадость!»

Оставив госпожу Энельму в кабинете бывшего владельца замка Торнбран, Гвендолин отправилась на поиски нынешнего хозяина. Но в коридоре столкнулась с Флорианой Эдевейн. Прекрасная альда одарила учительницу презрительным взглядом, но, увидев в ее руках дорогое украшение, остановилась.

— Что это у вас?

— Нашла. Хочу отнести альду Торнбрану, — ответила Гвен. — Вы случайно не знаете, где он?

— Случайно знаю, — фыркнула альда Эдевейн. Протянула холеную белую руку. — Дайте-ка посмотреть.

Сцапав брошку с ладони Гвендолин, она направилась к висевшему

неподалеку большому зеркалу. Приколола к темно-синему бархатному платью и отступила на несколько шагов, любуясь собой. Наблюдавшая за этим Гвен не могла не признать, что смотрелась брошь на красавице превосходно.

— Хороша, — пробормотала Флориана. Непонятно, к чему относилось ее замечание — к броши или к собственному отражению. — У меня была похожая... Да, почти такая же. Пришлось продать.

— Почему? — любопытствовала Гвен. Не похоже, чтобы у молодой альды имелись проблемы с деньгами. Тогда к чему ей продавать свои драгоценности?

— Не хотела оставлять у себя вещь, которая побывала в руках убийцы, — буркнула та. — Вы ведь слышали, что произошло здесь зимой?

— Что? — Гвендолин наострила уши. Кажется, ей повезет услышать о событиях, приключившихся в замке, из уст очевидца, а не из деревенских сплетен.

— Что-что... — Альда Эдевейн продолжала любовно поглаживать брошь. — Старый альд Торнбран решил поразвлечься. Неудачно. Вытащил на свет давнюю историю, которую лучше было бы забыть навсегда. Додумался собрать под одной крышей замешанных в ней людей, словно не понимал, что среди них преступник и ничем хорошим это не кончится...

Гвен вспомнила, что говорил альд Линтон о жестоких шутках прежнего владельца замка. Кто знает, сколько подобных тайн хранится в бумагах, которые она теперь разбирает?..

— Я и сама едва не погибла, когда Эмрис Торнбран потащил нас на прогулку в лес, — сообщила Флориана. — Почти ночью! С тех пор он чувствует себя виноватым передо мной. Тогда я даже не рассматривала его как кандидата в мужья. Но сейчас... Сейчас, когда Киллиан Ристон женился на девице вроде вас, а Сайлас Торнбран перекочевал в семейный склеп — кстати говоря, он прямо под нашими ногами, — я, пожалуй, выйду замуж за Эмриса. Затем уеду в столицу, а он, если хочет, пусть и дальше сидит в этой глуши.

— А он... уже сделал вам предложение? — спросила Гвен, удивляясь, с чего Флориана разговорилась с едва знакомым человеком.

— Пока нет, но это вопрос времени.

Откровенность альды Эдевейн становилась все подозрительнее и неприятнее. Гвендолин решила, что этот странный разговор пора заканчивать.

— Мне нужно отдать брошь альду Торнбрану, — напомнила она. — Не могли бы вы ее вернуть?

— Конечно, — рассеянно кивнула красавица. Отколола украшение от платья, отдала Гвен и отступила на шаг. — Какая вы, однако, настырная особа! — высказалась резко. — Считаете, мне нечем заняться, кроме как беседовать с вами? Если так хочется с кем-то поговорить, поищите приятельниц среди горничных.

Если бы Гвен хотела что-то сказать в ответ, то не успела бы: альда Эдевейн тут же удалилась, одарив ее напоследок неприязненным взглядом.

Почудилось, что брошь-бабочка на миг обожгла пальцы. Наверное, все же стоило прочитать, для чего она предназначена. Гвен подумала, что сделает это, вернувшись в комнату-склад, но прежде отдаст-таки дорогую вещь владельцу. Флориана так и не сказала, где искать хозяина, и Гвендолин направилась туда, где застала мага вчера, вернувшись за рукописью. Послышавшиеся вскоре голоса, эхом разносившиеся по коридорам, подтвердили, что Эмриса Торнбрана она встретит там и сегодня, однако у хозяина замка уже был посетитель.

— Вы поплатитесь! — кричал, срываясь на визг, какой-то мужчина. — Помяните мое слово!

— Вряд ли, — отвечал ему насмешливый голос мага. — Не имею привычки запоминать всякие глупости.

— Запомните! Еще как запомните! — обещал незнакомец. — Я от вашего замка камня на камне не оставлю! А вас самого сотру в порошок!

Спор был так хорошо слышен оттого, что происходил не за закрытыми дверьми, а прямо в коридоре, но Гвен слишком поздно это поняла. Повернула за угол и, оторопев, застыла в пяти шагах от спорщиков. Торнбран отреагировал на ее появление ухмылкой, а его гость, высокий худощавый мужчина в годах, нервно цокнул языком и, не добавив больше ни слова, быстро прошествовал мимо Гвендолин, едва не задев ее плечом.

— Простите, альд Торнбран, может быть, стоит вызвать Службу правопорядка? — сказала она совсем не то, что собиралась.

— Для чего? — Маг удивленно приподнял бровь.

— Тот человек угрожал вам, а это достаточное основание...

— Отличная идея, — кивнул он. — Немедленно напишу официальное заявление: «Досточтимые служители закона, мои соседи ненавидят меня и желают моей смерти. Арестуйте их всех, а лучше казните»... — Торнбран прошел в открытую дверь, и Гвендолин пришлось последовать за ним в кабинет, не ставший со вчерашнего дня чище. На столе снова красовалась бутылка. — Считаете, у меня примут подобную жалобу?

— На соседей? — растерялась Гвен.

— Да, докучают чаще всего они. Хотя как-то приезжал некий господин

из самой столицы.

— Но зачем?

— Понятия не имею, — передернул плечами маг. — Кому-то нужны какие-то бумаги. Кому-то мое молчание. Кому-то согласие... не знаю, на что...

— Видимо, это как-то связано с делами вашего дяди.

— Благодарю. — Эмрис Торнбран отвесил Гвендолин шутовской поклон. — Открыли мне глаза. А то я и не догадывался, что это за паломничество к замку после смерти моего дорогого родственника.

— Но ведь вы... — Гвен вспомнила письма, которые маг сжигал, не читая. — Вы не имеете к тем делам никакого отношения...

Альд ответил снисходительной усмешкой. Он уже говорил, что в подобное никто не поверит.

— Но вы должны... — неловко начала Гвендолин.

— Должен? — Усмешка Торнбрана сменилась выражением крайнего раздражения. — Что и кому я должен, госпожа Грин? Людям, которые являются в мой дом затем, чтобы проклясть его?

— Вы могли хотя бы попытаться заслужить иную репутацию, чем у вашего дяди.

— О нет, милая моя простушка. — Хозяин налил вина в бокал и сделал глоток. — Иной репутации у меня быть не может. Я унаследовал ее вместе с этим замком. Остается лишь соответствовать. Я — Эмрис Торнбран. Торн-бран. Слышите? — Он понизил голос, подпустив в него жуткие нотки. — Звучит, словно шаги восставшего из могилы мертвеца, правда? Торн-бран, Торн-бран... Страшно?

Страшно Гвен не было. Даже когда маг, пьяно пошатываясь, пошел прямо на нее, отсчитывая каждый шаг размеренным «Торн-бран». Сейчас он вызывал лишь... жалость?

Однако испугаться он ее все же заставил. Когда вдруг споткнулся, упал и лишь в последний момент успел выставить руки.

— М-да... — Он поднял на Гвендолин рассеянный взгляд. — Как я у... пал только что в ваших глазах. Ниже, видимо, уже некуда...

— Альд Торнбран... Что вы делаете?!

Маг растянулся на спине и подложил под голову руки.

— Привыкаю, — ответил он на изумленный возглас. — Привыкаю взирать на мир со дна пропасти человеческого презрения. Это интересно, знаете ли... Тем господам, что глядят на меня сверху вниз, я кажусь ничтожеством. Но ведь это простейший закон оптики. Люди, которые находятся далеко, всегда кажутся ничтожно мелкими, независимо от того,

сверху на них смотреть или снизу... Так что, господа, мы в расчете. Я тоже о вас не лучшего мнения...

Он какое-то время глядел на потолок, словно видел там тех, к кому обращался, а затем медленно смежил веки. Прошло не меньше минуты, прежде чем Гвен поняла, что маг уснул.

Она осторожно обошла его и положила на стол брошь-бабочку. Взамен взяла бутылку, в которой еще осталось вино, вышла за дверь и, едва переступив порог, столкнулась с пожилым слугой — тем самым Джеромом.

— Полагаю, альду Торнбрану нужно отдохнуть, — сказала она, отдавая бутылку. Объяснять ничего не стала, но Джером, кажется, и так все понял.

— Спасибо, — проговорил он с искренней благодарностью. — Не держите зла на молодого хозяина. У него...

— Репутация, да, — вздохнула Гвен. Ей хватало своих проблем, чтобы думать о демонах, терзающих нового владельца жуткого замка. Например, сейчас следовало вернуться к архивам покойного альда Торнбрана и отыскать среди серых картонных папок ту, что откроет тайну каменного шара.

ГЛАВА 21

Увы, дальнейшие поиски результатов не принесли. А затем настало время возвращаться. Навестить альда Торнбрана Гвендолин не решилась, а он не вышел их проводить.

Погода значительно улучшилась — потеплело, на ветру трепетала молодая листва. Отгоняя назойливые тревоги, причин для которых становилось все больше, Гвен любовалась весенним цветением природы и все отчетливее понимала, как она привязалась к этому месту. И Трелони, и окрестности деревни стали для нее чем-то куда более близким, чем родной город и оставшийся в прошлом пансион.

Карлион Линтон верхом на лошади встретил их прямо в лесу. Поравнялся с экипажем, поприветствовал учительницу, небрежно кивнул Криспину. Кучер остановил карету, и девушка выглянула, чтобы поздороваться.

— Не хотите немного пройтись? — предложил сквайр.

— Хорошо, — согласилась она, открывая дверцу. Сквайр спешился, подал ей руку. Криспин Дэй смотрел на них — внимательно, но без всяких эмоций.

— Возвращайтесь домой. — коротко приказал хозяин экономке, которая неодобрительно поджала губы, но возразить, разумеется, не посмела.

— До новой встречи! — попрощался часовщик, пришпорив свою лошадку.

Вскоре и он, и экипаж скрылись.

— Надеюсь, все прошло хорошо? — поинтересовался альд Линтон. Гвендолин кивнула — не рассказывать же о пьяной выходке мага! — Тетушка Фриберта приглашает нас с вами на ужин завтра вечером.

— Вот как? — удивилась Гвен. Ей-то казалось, что она совершенно не пришла по душе обоим женщинам. — Вы уверены, что... приглашение касается и меня тоже?

— Разумеется, а почему нет? — отозвался собеседник. — Вы ведь лишены здесь достойного общества, да и они скучают. Может быть, вы даже сумеете подружиться с Белиндой.

«Сомневаюсь», — подумала Гвендолин и кивнула. Некрасиво отказываться от приглашения на основании каких-то смутных ощущений, что в том доме ей не рады. Да и не для того, чтобы угодить тем двоим, она

это делает, а ради человека, который с самой первой встречи был к ней так добр, что вовек не расплатиться.

Скользнув взглядом по лошади, которую сквайр Линтон вел в поводу, Гвен вдруг увидела выглядывающую из седельной кобуры рукоять пистолета.

— Зачем вам это? — спросила, изумленно подняв глаза на лицо альда, который, должно быть, заметил направление ее взгляда и нахмурился.

— После того как на вас здесь напали, решил принять меры предосторожности.

— Думаете, случившееся может повториться?..

— Лучше всегда быть начеку, не правда ли?

— Пожалуй, вы правы, — согласилась она. Настороженно оглянувшись, словно подозревала, что из-за ближайшего дерева вот-вот может выглянуть злоумышленник. — Скажите, а Белинда Дельвен совсем не отлучается от тетушки? Ведь в ее возрасте... Конечно, это не мое дело, но она девушка на выданье, так, может быть, ей следовало бы с кем-нибудь познакомиться?

— Я думал об этом, — пожал плечами Карлион Линтон. — Однако сомневаюсь, что для нее будет легко подыскать жениха. Дело не столько в приданом, сколько в характере этой молодой особы, которой, боюсь, вынужденная изоляция не пошла на пользу. Впрочем, думаю, стоило бы с ней поговорить на данную тему. Возможно, ей и в самом деле не помешают новые знакомства.

Мысленно Гвендолин согласилась с ним и решила не озвучивать свои подозрения, что Белинду может интересовать вовсе не какой-то абстрактный мужчина, а вполне конкретный. Тот, что сейчас идет рядом. Прислушавшись к себе, Гвен попыталась понять, что чувствует в эту минуту. Уж не закралась ли в ее душу ревность к той, что претендовала на внимание альда Линтона? Но, кажется, по отношению к безответно влюбленной девушке она могла испытывать лишь жалость.

Расстались они недалеко от деревни. Гвендолин оценила деликатность сквайра, который не захотел лишний раз подвергать угрозе ее репутацию. Попрощавшись, она зашагала к школе.

Сегодня Талула была на месте. Она только что испекла свежий хлеб, аромат которого разносился по всей кухне. Вдохнув его с наслаждением, Гвен села за стол и не смогла удержаться от соблазна отщипнуть румяную горбушку.

— Как там в замке? — поинтересовалась служанка.

— Замок стоит на месте, что ему станется? — отшутилась учительница.

— А его хозяин? Жениться еще не надумал? Ну, на той важной альде.

— Ох, не напоминай мне о ней! — вздохнула Гвендолин, вспомнив странный разговор с Флорианой Эдевейн, примерявшей брошку.

— Что, нос перед вами задирает? Оно и понятно. Я вам прямо скажу — может, вы и образованная, а все же не ровня ни этой даме, ни магу.

— Я и не стремлюсь к тому, чтобы меня считали ровней, — отозвалась Гвен, подперев голову рукой и взглянув в окно. Промелькнула мысль о подруге — настоящей Гвенде Грин. Как же Гвенда рисковала, признаваясь жениху в том, что она не та, кем он ее считает! Ведь Доминик мог бы не простить такого обмана. — Не волнуйся за меня — надеюсь, скоро альд Торнбран перестанет нуждаться в моих услугах.

— Оно бы и к лучшему, — закивала Талула, ставя чайник.

На лестнице послышались чьи-то тяжелые шаги.

— Кого еще принесло? — проворчала служанка, отправляясь навстречу нежданному визитеру. — Ах, это вы?! Проходите-проходите! — воскликнула она изменившимся голосом.

— Вы ко мне? — удивилась Гвендолин, увидев деревенского старосту. Кольнула внезапная тревога. — Что-то случилось... с Джесмин?

— Что? — нахмурился он. — Нет, что вы, с ней все в порядке! Я по другому вопросу.

— По какому же? Может, чаю хотите? — кивнула на накрытый стол.

— Нет, благодарствую. Посовещались мы тут всей деревней. Пора поля засеять — каждый день на счету.

— Я имею к этому какое-то отношение?

— Так не вы, а ученики ваши. Руки рабочие нужны. Семьям помогать.

— Но они же еще дети! — воскликнула Гвен и поняла, как глупо это прозвучало. В деревне взрослеют рано. Детей сызмальства приучают к работе в поле и по хозяйству.

— Перерыв в учении надо сделать, — твердо заявил собеседник. — Пусть потрудятся. А затем можно и к учебе вернуться. К тому же слышал я, что вы сейчас помогаете альду Торнбрану в замке. Вот и у вас время освободится, так что сможете ездить к нему каждый день, а не только по выходным.

«Всю жизнь мечтала!» — про себя прокомментировала Гвендолин, но вслух ничего не сказала. Только кивнула, соглашаясь. В самом деле, лучше уж официально объявить небольшие весенние каникулы, чем вести уроки с двумя-тремя учениками, пока остальные по требованию старших пропускают занятия.

— Договорились, — обрадовался ее решению староста. — Да, от

Джесмин вам привет. Сказала, что вскорости сама забежит.

— И ей передавайте от меня привет! — улыбнулась в ответ Гвен.

Остаток дня прошел без каких-либо значительных событий, а ночью она увидела странный сон. Снилось, что Гвендолин снова находится в столице — то ли возвратилась, то ли никогда не уезжала оттуда. Идет по шумным городским улицам в простом платье и шляпке. По направлению к тому дому, который когда-то оставила. Но сейчас — это она увидела, оказавшись на месте и заглянув в освещенные окна — там живут уже совершенно другие люди. Вся мебель в комнатах другая, стены оклеены новыми обоями, старое дерево перед окошком детской, на которое когда-то забиралась маленькая Гвен Фолстейн, давно срублено. Ничего не осталось. И сама она понемногу исчезает, стирается из чужой памяти. Родители и брат умерли, единственный на всем свете родственник с ней даже не знаком, он видел другую девушку, назвавшуюся ее именем, и наверняка уже привык к ней. А ее саму знают как Гвенду Грин, скромную деревенскую учительницу.

Но кто такая эта Гвен на самом деле? Ее не существует. Ни в лабиринтах столичных улиц, ни на вокзальном перроне, когда она стоит, ожидая громко рычащего поезда, ни здесь, на севере королевства.

Ее попросту нет, совсем нет!

Гвендолин открыла глаза, вслушалась в лихорадочный стук сердца, заглушающий даже мерное тиканье часов, сбросила влажное от пота одеяло. За окном занималась заря. Еще рано, но спать после тревожного сна не хотелось.

Так она и промаялась до утра. И лишь когда отправилась умываться и завтракать, вспомнила, что уроков сегодня не будет. Гвен ведь сама отпустила детей на каникулы. А вечером — ужин у тетушки Фриберты. Настроения присутствовать на нем не было, однако не следовало нарушать данное сквайру Линтону обещание. Ему неловко в компании этих женщин, но обижать их отказом он тоже не хочет. В этом и состоит истинное благородство.

А Эмрис Торнбран... Вот уж кто вспомнился не вовремя! Гвендолин фыркнула, брызнула в лицо прохладной водой. А вытираясь полотенцем, услышала стук в дверь. Кто там, если у Талулы свои ключи?

Оказалось, что явился посыльный из замка, один из слуг. Принес записку от мага. Тот написал, что у него есть дела за пределами здешних владений, так что ему на пару дней придется уехать и Гвен до его возвращения появляться в замке Торнбран не нужно, если, конечно, она не желает составить компанию Флориане и скрасить тоску молодой альды.

«Берегите шарик, как зеницу ока, иначе мне придется вас наказать», — напутствовал маг в своей обычной манере.

Таким образом, у Гвендолин выдался полностью свободный день. До ужина времени оставалось достаточно. Пришла Талула, они в четыре руки сделали уборку, да так, что и квартирка, и классная комната засверкали на проникающем сквозь окна неожиданно теплом солнышке. Заняв себя домашними заботами, Гвен успокоилась. Даже испугавший ее сон почти забылся.

А вечером, который наступил незаметно, приехал в карете Карлион Линтон. К его появлению Гвендолин успела собраться. Даже локоны завилы — почти такие же, как у альды Эдевейн.

— Вы чудесно выглядите, — заметил сквайр, проявив себя галантным кавалером. — Мне приятно быть вашим спутником. Без вас этот ужин стал бы тяжким испытанием, но, поверьте, в вашей компании все иначе.

— Ну что вы, — смутилась Гвен. — Для меня честь сопровождать вас. И вы... держитесь с большим достоинством, несмотря на то что родственники вашей супруги напоминают о том, что вам хотелось бы забыть.

— Вы правы, — заметил он, поймав ее взгляд. — Я действительно хотел бы об этом забыть. Но не в силах.

ГЛАВА 22

Домик тетушки Фриберты встретил гостей музыкой. Белинда играла на стареньком клавесине, причем ужасно фальшивила. Но, похоже, саму исполнительницу это ничуть не огорчало.

— Она меня так развлекает! — поделилась с приглашенными пожилая женщина. — Даже и не знаю, что бы я без нее делала. Прощу к столу!

Стараясь не морщиться от резких звуков, Гвендолин улыбнулась и заняла предложенное ей место. Сейчас вместо чайного сервиза на накрахмаленной скатерти красовался столовый, которым, должно быть, пользовались нечасто, для повседневных трапез ставили другой. Похоже, к их приходу тщательно готовились, и Гвен вдруг от всей души пожалела родственниц альда Линтона — вернее, его бывшей супруги. Вероятно, им очень одиноко вдвоем. И нельзя винить Белинду Дельвен за то, что ее характер от такой жизни несколько испортился.

К ужину подали украшенный петрушкой наваристый морковный суп на курином бульоне, хрустящие картофельные ленточки, индейку с гарниром из овощей, а на десерт пудинг с имбирем и изюмом. Привычный рацион деревенской учительницы не отличался кулинарными роскошествами, так что она воздала должное угощению. Как, впрочем, и ее спутник.

Ужин оказался вкусным, а вот застольная беседа совершенно не клеилась. Белинда бросала в сторону Гвендолин неприязненные взгляды и время от времени фыркала в ответ на ее слова. Тетя Фриберта пыталась сгладить неловкость и проявляла истинно провинциальное гостеприимство, однако выходило у нее не слишком хорошо.

После того как со стола убрали, все переместились в гостиную и чинно расселись на диваны. Белинда Дельвен вновь решила похвастаться очередной полученной от Ребекки весточкой. На этот раз это оказалось целое письмо, а не просто открытка.

— Она пишет, что счастлива, — дерзко заявила девушка, шурша бумагой. — Что любит и любима. И очень надеется, что однажды вы сможете ее простить и спокойно жить дальше.

— Неприлично говорить о таком вслух! — ахнула тетушка Фриберта. — Что наша гостья подумает о тебе? Да и письмо ведь личное, не следует пересказывать его содержание другим.

— А почему нет? — снова фыркнула Белинда. — Если других оно

напрямую касается.

— Когда станете на него отвечать, можете передать ей, что я следую этому совету, — произнес вдруг Карлион Линтон. — Что я живу и строю новые планы. А, возможно, вскоре тоже смогу сказать, что люблю и любим.

Говоря эти слова, он бросил на Гвен такой красноречивый взгляд, что молодая родственница его бывшей жены, собиравшаяся сказать что-то еще, поперхнулась и промолчала. Лишь сжала руки, комкая в ладонях письмо, про которое будто совершенно забыла. Гвендолин смущенно опустила глаза, осознавая, что сделанный сквайром намек оказался чересчур прозрачным.

На обратном пути они молчали, и пространство кареты казалось слишком тесным для двоих. За окошками уже стемнело, наступил безветренный весенний вечер. Довольно теплый — словно созданный для прогулок. Но гулять Гвен не хотелось. Хотелось поскорее вернуться домой, запереть дверь и снова хорошенько подумать, как ей быть дальше. Ведь с минуты на минуту возвратится в столицу ее родственник, и Гвенда, как и обещала, расскажет ему правду. А что последует за этим, одним высшим силам ведомо.

— Вы кажетесь печальной, — заметил альд Линтон. — Я вас чем-то обидел? Неужели тем, что посмел намекнуть, будто я и вы...

— Нет, что вы, я ничуть не обижена, — отозвалась Гвендолин. — Просто немного устала. Это не ваша вина.

— Эмрис Торнбран нагружает вас работой? — нахмурился собеседник.

— Боюсь, одного секретаря ему мало, там требуется целый штат, — попыталась отшутиться девушка. — Но ничего, скоро, надеюсь, я отыщу в бумагах его дяди то, что нужно.

— Разделяю вашу надежду.

Распрощавшись со сквайром Линтоном, Гвен легла спать далеко не сразу. Тревожные мысли не давали покоя. Надеясь отогнать их, она села за рукопись, но работа не клеилась. Строчки отказывались ложиться на бумагу так же легко и свободно, как раньше. Казалось, что Арчибальд не желал действовать по указке автора, внезапно решив зажить своей собственной жизнью.

Помучившись еще немного, Гвендолин оставила бесполезные усилия и забралась под одеяло. Сон не шел. Она думала о Карлионе Линтоне, его разлуке с супругой и поведении Белинды Дельвен, которая если и желала ему счастья, то явно лишь с ней самой. Думала Гвен и о Криспине Дзе, которой представлялся все более загадочным. И об Эмрисе Торнбране —

отношение Гвен к магу менялось от неприязни до жалости с проблесками неожиданного для нее самой интереса к его персоне.

Заснула она под утро, а проснулась от стука в дверь. Пришла Джесмин. Сообщила, что ее родители едут в город по делам, а она сопровождает их, чтобы сделать покупки.

— Не хочешь присоединиться? — предложила подруга. — У тебя еще есть время собраться. Я специально подошла заранее.

— Хорошо, — зевая, отозвалась Гвендолин. Раз уж у нее образовалось свободное время, нужно им как-то распорядиться. А родители Джесмин — не Эмрис с Флорианой, уж они-то ее не забудут. — Подождешь? Или можем вместе позавтракать.

— Я уже завтракала, но чашечку чаю выпью, — улыбнулась дочь старосты. Выглядела она румяной и свежей, как майское утро, так что, судя по всему, размолвка с женихом пошла ей на пользу. — Только не слишком расслаживайся, а то уедут без нас!

Путь в город не занял много времени, да и приятельница всю дорогу болтала, развлекая остальных. Ее отец сам правил повозкой, а мать степенно сидела напротив, с любовью глядя на дочь. Гвен не в первый раз подумала, до чего же дружная семья у Джесмин.

А затем ее снова настигли воспоминания. Внезапно и резко, словно порыв студеного ветра в теплый день...

— Сорванец, а не девчонка! Сколько раз ей говорили, что нельзя ходить босиком? — бранится няня. Гвендолин удивлена — ей невдомек, почему женщина не понимает, до чего же приятно бегать по траве и песку без тесных туфель и колючих шерстяных чулок. — Радуйтесь, что родители не заметили! Вот уж попало бы нам обеим!

— Они снова уезжают? — спрашивает девочка и спешит к ограде, чтобы увидеть, как скрывается за поворотом карета. — Ну почему брата взяли с собой, а меня нет? Почему, почему, почему?

— Известно почему, — бросает няня. — Он ведь родился с магическим даром. Да к тому же мальчик, наследник.

Все, что стоит за этими словами, камнем обрушивается на Гвен. Ее больше не радует прогулка. Малышка убегает от няни, стуча голыми пятками по ступенькам лестницы, и забирается на диван в своей комнате.

— Не трогайте меня, не входите! — кричит она, слыша шаги за дверью, и до боли кусает губы, чтобы не заплакать...

Гвендолин моргнула и поняла, что прослушала большую часть сказанного приятельницей. Джесмин теребила ее рукав. Учительница смущенно улыбнулась и переспросила, о чем шла речь.

— Я спрашиваю про шаль.

— Шаль?

— Ну да! Есть у тебя шаль? Или хочешь купить?

— Есть, — откликнулась Гвен. — Ни к чему покупать еще одну.

— И то верно, лето на носу. Зачем шаль? Лучше шляпку купить — соломенную, от солнца! А ты ведь знакома с той альдой, что живет в жутком замке? Много у нее всяких нарядов? Должно быть, столько, что за всю жизнь не сносить!

— Ты ее совсем заболтала, — ласково пожурила дочь жена деревенского старосты. — Много, конечно, нарядов, могла бы и не спрашивать. Известное дело — все благородные любят наряжаться и украшать себя.

— Согласна, — проговорила Гвендолин, вспомнив, как Флориана Эдевейн примеряла брошку. С таким видом, точно весь мир принадлежит ей и должен немедленно упасть к ее ногам. И не только мир, но и населяющие его мужчины, только не все подряд, а те, у кого есть состояние.

Как у альда Эмриса Торнбрана.

Вот к чему он опять умудрился пролезть в ее мысли?!

Повозка въехала в город. Пока староста решал деловые вопросы, его супруга, дочка и Гвен отправились по магазинам. Джесмин, как и планировала, купила соломенную шляпку. Гвендолин, посчитав свои невеликие сбережения, решила, что обойдется без нового гардероба, однако не удержалась от приобретения кулька марципановых конфет и большого куска душистого мыла.

Нужно же иногда себя побаловать!

Уже собираясь возвращаться обратно к тому месту, где оставили повозку, они встретили Криспина. Часовщик снова был в городе, однако на этот раз один, без подозрительных личностей. Он учтиво раскланялся с женой старосты и обеими девушками, предложил помочь донести покупки и вообще вел себя очень мило.

— Вот завидный жених! — шепнула на ухо Гвен мать Джесмин. — Смотрите, не упустите!

— Вы думаете...

— А что тут думать? Я же видела, как вы танцевали! Да и про гадание мне рассказывали — все знают, какая буква вам выпала!

«Хорошо еще, что они не связывают букву „К“ со сквайром!» — с облегчением подумала Гвендолин, провожая взглядом Криспина. Молодой человек показывал Джесмин серебряные дамские часики в витрине лавки,

мимо которой они как раз проходили.

На следующий день Гвендолин вновь предстояло работать в замке Торнбран. Помнила об этом не только она. Поздним вечером Карлион Линтон давал указания своей старой няне, а ныне экономке, касательно ее роли при девушке, которая, как надеялся сквайр, вскоре станет его женой.

Госпоже Энельме все это не нравилось. Ни указания, ни сама девушка, ни планы, что строил по отношению к безродной сироте до сих пор опекаемый ею воспитанник и хозяин. Пользуясь привилегиями любимой бонны, пожилая женщина не впервые высказывала свое неодобрение.

— Не выйдет у вас с этой девицей ничего хорошего, — ворчала она, качая головой. — Слишком она похожа на Ребекку. А от той были одни беды.

— Похожа, — согласился Линтон. — Но только внешне.

Его самого поначалу привлекло в Гвен именно это сходство. Подумалось, что провидение решило дать ему второй шанс. Но теперь, узнав девушку получше, он понял: не второй, а совершенно новый, *другой* шанс. С Гвен он начнет жизнь с чистого листа, оставив в прошлом боль и прежние ошибки...

— Не только! — не унималась экономка. — Так же носом вертит, мужчин перебирает. Деревенщина этот за ней увивается, Торнбран шуточки отпускает, а она и рада!

— Госпожа Энельма, — грозно перебил сквайр. — Оставьте домыслы при себе. Гвенда назвала того юношу из деревни другом, и я уверен, что именно такие отношения их связывают. Что до Эмриса Торнбрана, то вряд ли общество этого человека может быть ей приятно. Вы для того и сопровождаете ее в замок, чтобы работа там не затянулась. Разве мы это не обсуждали?

Даже себе он боялся признаться, как отчаянно ревнует ту, на которую не имеет пока никаких прав. Но он верил, что вскоре все изменится. Непременно к лучшему.

ГЛАВА 23

Нельзя сказать, что Гвен рвалась в замок Торнбран, но возможная близкая разгадка тайн каменного шарика, прочно обосновавшегося в ее кармане, заставила притопывать от нетерпения на крыльце школы в ожидании Криспина и госпожи Энельмы, а потом ерзать на сиденье экипажа, выглядывая в окно, чтобы рассмотреть впереди крыши древнего строения.

За те дни, которые Гвен отсутствовала, замок неуловимо изменился. Коридоры, казалось, стали просторнее и немного светлее, воздух — свежее, в нем уже не так явно ощущался запах пыли. Неужели альд Торнбран, подобно деревенским хозяйкам, устроил весной большую уборку? Древнему замку это не помешало бы.

Увы, комната, в которой Гвендолин предстояло провести следующие несколько часов, чистотой по-прежнему не радовала. Но и ее коснулись перемены. Оглядевшись, Гвен заметила, что папок, которые она отложила в прошлый раз, нет. Видимо, хозяин велел перенести артефакты и касающиеся их документы в какое-то хранилище. Верное решение, но на сердце отчего-то стало беспокойно.

Не успела Гвен взяться за бумаги, как в комнату постучался слуга. Сначала он обратился к Криспину. Сказал, что альд Торнбран просил напомнить: часовщик еще не закончил с напольными часами в бальном зале, и ему велено сразу идти туда. Потом слуга передал Гвен, что хозяин просит уделить ему несколько минут. Госпожу Энельму маг, естественно, не позвал, и выглядело все так, словно хозяин намеренно разделяет их маленькую компанию. Но отказаться от приглашения Гвен не могла.

— Добрый день, госпожа Грин, — приветствовал ее Эмрис Торнбран, когда она явилась в его кабинет. — Безмерно рад вас видеть. Надеюсь, вы так же скучали, как и я.

— Добрый день, альд Торнбран, — поздоровалась Гвен.

— И? Это все?

— Я не скучала, если вы об этом.

— Как вы жестоки, — театрално вздохнул маг. — Скажите хоть что-нибудь приятное. Я же лучший костюм ради встречи с вами надел.

Костюм сидел на нем как влитой, да и в целом альд Торнбран выглядел значительно лучше, чем в их прошлую встречу, — побрит, причесан, лицо без следов недавнего пьянства. Но Гвен не стала расточать комплименты. А

вот то, что в кабинете, как и во всем замке, прошла уборка и помещение преобразилось, вскользь отметила.

— Да, — усмехнулся хозяин. — Велел навести здесь порядок и почистить ковер. Вдруг снова захочется вздремнуть на полу!

Гвен смущенно опустила глаза. Хотя, если кого и должны были смущать воспоминания, так это самого Торнбрана. Однако магу стыд был неведом.

В дверь постучали. В кабинет заглянул Джером. Вежливо поклонился Гвендолин и что-то негромко сказал хозяину.

— Прощу меня простить, госпожа Грин, — извинился тот. — Вынужден отлучиться. Присядьте пока. Обещаю, что не заставлю вас долго ждать.

Он указал на кресло у стола. Гвен проследила за его рукой и с трудом сдержала удивленный взглас: на столе лежали те самые папки, которые она не нашла сегодня среди прочих бумаг. Едва дверь за хозяином закрылась, Гвендолин бросилась к ним. Схватила верхнюю, и на пол упало не замеченное сразу письмо.

«Нужно вложить в конверт», — подумала Гвендолин, поднимая с пола открытку и фотографию. Памятуя о том, что чужую корреспонденцию читать нельзя, она старалась не смотреть на текст, но любопытство оказалось сильнее. Кто мог прислать альду Торнбрану весточку?

«Дорогой Эмрис, — начинался написанной изящным почерком текст на открытке. — Киллиан, как обычно, занят на работе, так что пишу тебе я. От нас обоих. Большое спасибо за подарок к свадьбе. Приятно, что ты не забыл о нас, невзирая на заботы, свалившиеся на тебя в связи с кончиной твоего дяди. Боюсь, мои соболезнования по этому поводу прозвучат не слишком искренне, учитывая недавние страшные события, участниками которых нам всем пришлось стать. Но, если бы не приглашение в замок, возможно, мы с Киллианом никогда не встретились бы снова. Надеюсь, ты держишься достойно и не топишь свою тоску в вине. Если будет совсем невмоготу, приезжай. Береги себя. Помни — у тебя есть друзья. Алита Ристон».

Со свадебной фотографии — а с недавних пор стало модно запечатлеть такие события для потомков — глядели высокий мужчина и кудрявая девушка в платье невесты. Несмотря на постановочную позу, оба выглядели очень счастливыми. С ними хотелось познакомиться, оказаться поблизости, хоть немного погреться в лучах этого пока неведомого Гвен счастья.

«У тебя есть друзья», — перечитала она последнюю строчку. Значит,

не все презирают и ненавидят Эмриса Торнбрана?..

Гвен убрала открытку и фотографию в конверт и, отложив его на край стола, принялась просматривать папки. За этим занятием ее и застал вернувшийся маг.

— Того, что вы ищете, там нет, — заявил он без предисловий. — Собственно, я и позвал вас, чтобы сообщить это.

— Как нет? — растерянно переспросила Гвен. — Я думала...

— Что информация обо всех артефактах содержится в таких папках? — Голос Торнбрана прозвучал неожиданно уважительно. — Вы умная девушка, Гвенда. Сам я догадался об этом, только увидев, что вы стали отбирать папки, и решил продолжить начатый вами поиск. Но... — Он обошел стол, открыл выдвижной ящичек и вынул еще одну папку. — Нашел ее в недрах самой огромной бумажной горы. Она пуста.

— С чего вы взяли, что это именно та папка, которая мне... нам... нужна? — не пожелала терять надежду Гвен.

— Она подписана. Вот здесь пометки карандашом, видите? — Маг через стол протянул ей бесполезный картон. — «Каменный шар, найден после пожара в охотничьем доме...» — В чьем доме, не разобрать, надпись стерлась. Но дата видна. Чуть больше трех лет назад. Сам я тогда не жил в этих краях, но пожары здесь случаются не так часто, и мне удалось узнать, после какого именно пожара мой дядюшка получил шар. Хотите, расскажу? Не просто так, конечно. В обмен на по...

Жаль, что их разделял стол, а то Гвен, не думая, вlepила бы магу по лицу пустой папкой! Наверное, он угадал ее желание по прищурившимся от злости глазам и умолк.

— Хорошо, — сказал после паузы. — Расскажу просто так.

— И я должна поверить вашему рассказу? — сердито осведомилась Гвендолин. — Откуда мне знать, может быть, вы сами и забрали бумаги из папки?

— Зачем мне это? — Маг пожал плечами.

— А зачем... зачем вы вообще такой?! Делаете все... назло!

Ей хотелось расплакаться от досады. Казалось, ответ вот-вот будет в руках, а на деле вопросов лишь прибавилось.

Эмрис Торнбран покачал головой:

— Могу вас заверить, в данном случае я ничего не делал назло. Папку нашел уже пустой. Быть может, люди, выкравшие шар, уничтожили документы. Они выбрали удачное время, чтобы проникнуть в замок. Я развлекался на охоте, а тут работали наемные работники — чинили крышу, прохуdivшуюся во время зимних снегопадов, так что прислуга не

удивилась присутствию посторонних людей. Да и из старой прислуги, честно сказать, в тот момент мало кто остался... Но есть шанс, что бумаги из папки просто выпали и находятся где-то там...

С губ Гвен сорвался страдальческий вздох. Неужели все-таки придется разбирать все документы, которыми завалена комната?

— Я вам помогу! — пообещал хозяин. — Поищем вместе.

Перспектива провести несколько часов в компании мага не радовала, но поводов для отказа Гвен не нашла. Просто пообещала себе не вступать с этим человеком ни в какие разговоры.

— Даже не спросите, что же это был за пожар? — поинтересовался Торнбран, словно угадал ее намерения.

— Спрошу, — кивнула она, стараясь не демонстрировать чрезмерного любопытства.

— Охотничий дом, о котором идет речь, принадлежал одному из моих соседей, давно покинувшему эти места. И дом в лесу, и само его поместье уже лет десять пустуют. А около трех лет назад жители деревни неподалеку заметили дым. Лесные пожары опасны, поэтому туда немедленно направили людей, но охотничий дом к тому времени уже сгорел. Внутри нашли останки трех человек и, как я понимаю, наш шар. Видимо, некто, побывавший на пожарище, понял, что это вещь ценная, и смекнул, кому ее можно продать. О страсти моего дяди к артефактам знали многие.

— А те люди? — прошептала Гвен с расширившимися от ужаса глазами. — Те, что сгорели?..

— Служба правопорядка пришла к выводам, что это какие-то бродяги. Забрались в дом, решили погреться, дело ведь было зимой. Но, видно, не сладили с печной задвижкой, или произошло нечто иное... Я пока не занимался вплотную данным вопросом. Уезжал по другим делам. — Он поглядел на Гвен так, словно хотел добавить что-то еще, но передумал. — Пойдемте, займемся бумагами.

Гвендолин помедлила.

— Вы не думаете... — начала она робко. — Не думаете, что те бродяги украли шар, и произошедшее...

Ведь тот старый маг говорил о чем-то подобном! Говорил, что артефакт способен мстить похитителям!

— Вам нечего опасаться, — промолвил Эмрис Торнбран, глядя ей в глаза. — Вы не воровка, артефакт сам вас выбрал. Или подумываете устроить таким способом поджог в моем замке? Может получится.

Так же, как его серьезность в мгновение сменилась легкомысленностью, страхи Гвен моментально превратились в

раздражение. Этот маг несносен!

А ведь ей предстояло разбирать вместе с ним бесконечные бумажные горы! С ним и с госпожой Энельмой, которая раздражала Гвендолин не меньше Эмриса Торнбрана. Если маг выводил из себя колкостями, экономка Карлиона Линтона угнетала молчанием и укоризненными взглядами, будто Гвен в чем-то перед ней провинилась.

Как же ей не хватало Криспина, с которым можно вести беседу, не чувствуя неловкости.

— Не думал, что это будет так скучно, — зевнул Торнбран. Рвения, с которым он взялся помогать Гвен, хватило ненадолго. — Хотя чего ожидать от столь унылого общества? Расскажите что-нибудь, госпожа Грин!

— Не хочу отвлекаться от работы, — деликатно отказалась Гвен.

— Жаль. Вашу компаньонку просить бесполезно. — Он взглянул на госпожу Энельму, шуршавшую бумагами в самом дальнем углу, куда та забилась, чтобы избежать общения с хозяином. — Странно, что она так угрюма, не находите? — спросил он шепотом. — Разве здесь не должна царить атмосфера праздника?

Гвендолин вскинула брови: маг снова насмехался? Но нет, он указал взглядом на статуэтку танцовщицы, которую не унесли, а лишь переставили на каминную полку.

— Ведь эта вещица должна нас радовать! Или вы ее не активировали?

— Я? — удивилась Гвен. — Кажется, вы забыли, кто из нас маг.

— Не нужно быть магом, чтобы пользоваться этим артефактом, — ответил Торнбран. — Мой дядя магом не был, и что из этого? Я думал, вы хотя бы ради любопытства попробуете... Нет? Вы все же скучная особа. Я это уже говорил. Странно, что, не обладая и толикой авантюризма и здорового любопытства, вы взялись за написание романа. Зато понятно, отчего он вышел у вас таким убогим.

Пока Гвен, задыхаясь от возмущения, подбирала слова для достойной отповеди, маг отшвырнул бумаги и направился к двери.

— Мне душно среди этой тоски, — бросил он, уходя. — Разбирайтесь дальше сами.

Наглец!

Гвендолин со злостью сжала кулаки. Это она-то не обладает и толикой авантюризма? Да если бы он знал, кто она на самом деле и на какое отчаянное решение отважилась, дабы избежать ненужного замужества!..

Нет, знать ему, конечно, ни в коем случае не нужно. Но говорить, что она скучна и лишена любопытства? И роман у нее убогий?!

Гвен сама не заметила, как оказалась у камина и взяла в руку

статуэтку. Активировать? Как? Нажать какой-то рычажок или повернуть ключик? Так тут такого нет. Артефакты — не часы, чтобы их заводить. Когда Гвен читала о магических предметах, на глаза часто попадалась фраза, что нужно настроиться и почувствовать артефакт. Но Гвендолин чувствовала лишь тепло каменного шарика. А статуэтка?..

Нет, не греет. Но, кажется, слегка светится.

Гвен сосредоточилась на этом свете, и чем дольше она смотрела, тем ярче становилось излучаемое фарфоровой танцовщицей сияние.

«Вот так! — мысленно похвалила себя девушка, возвращая статуэтку на каминную полку. — Пусть Торнбран придет и увидит, насколько я скучна!»

Однако хозяин и не думал возвращаться, а госпожа Энельма, которая несколько раз прошествовала мимо камина, не обратила на статуэтку никакого внимания.

Гвен поверила бы, что с артефактом ничего не вышло, а его свечение ей только мерещится, но через несколько минут угрюмая экономка вдруг начала улыбаться своим мыслям, а вскоре и вовсе стала напевать что-то себе под нос. Да и Гвендолин заметно повеселела, и работа уже не казалась настолько нудной.

— Теперь другое дело, — раздался за спиной голос незаметно вернувшегося в комнату мага. — Оказывается, вы небезнадежны.

ГЛАВА 24

Гвен обернулась и с вызовом посмотрела в смеющиеся серо-зеленые глаза.

— Весьма неплохо, — похвалил хозяин замка. — Надеюсь, в работе вы так же добились успехов?

Этим Гвендолин похвастаться не могла. Они с госпожой Энельмой почти разобрали то, что было свалено на одном из столов, рассортировали документы, но записок, относившихся к шару, не нашли.

— Продолжите после обеда, — сказал альд Торнбран. — Я, собственно, и пришел, чтобы пригласить вас к столу.

— Сейчас? — растерялась Гвен. — Но ведь еще довольно рано.

— Как-то я уже говорил: тут я решаю, когда начинается обед. Помните? Отчего бы не прямо сейчас? Ваша компаньонка и господин Дэй, полагаю, тоже не откажутся от сытной трапезы. Я велел накрыть стол и для них.

Госпожа Энельма вместо того, чтобы одарить владельца замка привычно хмурым взглядом, закивала с благодарной улыбкой. Надо же, какая полезная вещь эти артефакты!

— Вас проводят, — пообещал маг пожилой женщине и подал руку Гвен. — А вашим сопровождающим буду лично я.

Видимо, это должно было ей польстить, но что-то насторожило девушку, так что предложенную руку Гвендолин проигнорировала. А уже в коридоре поняла, что Эмрис Торнбран ведет ее вовсе не в столовую.

— В прошлый раз обед проходил в другом месте, — сказала она, остановившись.

Маг поглядел на нее с изумлением.

— Быть того не может!

— Может, — сердито возразила Гвен на его возглас.

— Быть того не может, чтобы кто-то с первого раза запомнил планировку замка! — рассмеялся Торнбран. — Я сам порой блуждаю тут, особенно в темноте. Так что, если услышите, как слуги шепчутся о призраках, завывающих по ночам, знайте, это снова я засиделся в библиотеке и искал впотьмах свою комнату.

Гвен представила себе хозяина, с тоскливыми подвываниями бродящего по коридорам, и улыбнулась, но быстро вспомнила, с чего начался разговор.

— Куда вы меня ведете? — спросила серьезно.

— Обедать, — беспечно ответил маг. — Но да, вы правы, не в большую столовую. Если я решаю когда, мне позволено решать и где, так ведь?

Альд Торнбран провел Гвендолин по широкой лестнице и распахнул перед ней дверь относительно небольшой и уютной комнаты, в центре которой стоял такой же небольшой круглый стол. Блюда уже были поданы и накрыты крышками, дабы сохранить тепло, посему появления прислуги в маленькой столовой не предвиделось. Как и иных сотрапезников: стол был сервирован на двоих.

— Альда Эдевейн к нам не присоединится? — поинтересовалась Гвен. Как ни старалась она казаться спокойной, голос дрогнул от непонятного страха.

— Нет, — усмехнулся хозяин. — Мы с Флорианой немного повздорили за завтраком, боюсь, за обедом она продолжила бы начатый спор. Мне же хочется поесть в спокойной обстановке и за приятной беседой... Вы не откажете мне в этом?

— В беседе? — переспросила Гвен, не спеша приближаться к столу, хоть маг уже отодвинул для нее стул. — О чем?

— Да хотя бы... о вашем романе.

— Он ведь вам не понравился.

— Безумно, — не стал спорить Торнбран. — Но вы же собираетесь продолжить литературную деятельность? Быть может, после моих замечаний вам легче будет превратить свое сочинение в нечто приличное.

Пренебрежение, звучавшее в этих словах, действовало на Гвен хуже самой злобной критики.

— В моем сочинении и без ваших замечаний нет ничего неприличного, — ответила она резко. — Но, если я вас послушаю, боюсь, оно там появится.

— Неприличные сочинения? — глумливо протянул Торнбран. — Попадалась мне как-то брошюрка... Но у вас и с моими подсказками подобного не выйдет. Потому что подсказок мало. Нужно самой знать, о чем пишете. Именно в этом ваша главная проблема. Вы взялись писать о том, о чем не имеете ни малейшего представления.

— О чести и порядочности? — вспыхнула Гвен. Если кто и не имел о них представления, так это сам альд Торнбран.

— О приключениях, — невозмутимо поправил он. — Что вы об этом знаете? Об опасности? О сложности выбора? О решительных и порой дерзких поступках?

О, Гвен знала! Разве ей не пришлось выбирать между свободой и замужеством? Разве ее приезд в Трелони — не решительный и дерзкий поступок?

Торнбран заметил, как она переменялась в лице, и насмешливо вздернул бровь:

— Неужели знаете? Поделитесь же своим геройским опытом, отважная пансионерка. Что за подвиг вы успели совершить? Явились на урок, не подготовившись? Гуляли в мороз без шарфа?

— Вы...

— Сразились с живущей под кроватью мышью и одержали безоговорочную победу? — не унимался маг, с каждым словом подходя все ближе и ближе к ней.

Гвен злилась все сильнее и сильнее и, если бы он придумал еще один «подвиг», не выдержала бы и сказала в ответ какую-нибудь гадость. Но Эмрис Торнбран, подойдя к ней вплотную, неожиданно умолк, обхватил ладонями ее горящее лицо и поцеловал. Не грубо и властно, как в первый раз на вечере у Карлиона Линтона, нет. Поцелуй был мягким, нежным, будто просящим, и Гвен помимо собственной воли почти откликнулась на эту просьбу...

Почти, потому что отшатнулась. Взметнулась рука, и звонкий звук пощечины отрезвил обоих.

— Вы... — Гвен, тяжело дыша, смотрела на мужчину. — Ваше поведение недостойно благородного человека!

— Скорее оно недостойно героя вашего романа, — негромко сказал маг. — Ведь Арчибальд никогда не позволил бы себе поцеловать девушку, которая ему нравится, без предварительного объяснения на десяток страниц. Он вряд ли потерял бы голову от того, что в гневе эта девушка еще прекрасней. И уж точно не стал бы специально раздражать ее, чтобы полюбоваться.

— Не стал бы! — со злостью подтвердила Гвендолин.

— Конечно, — на губах Торнбрана появилась привычная усмешка. — Герои не такие. Они щедры и умны, добры с детьми и вежливы со старушками, да?

— Да!

— Не совершают опрометчивых поступков?

— Именно! — все сильнее распалялась Гвен.

— Спасают попавших в беду дам?

— Непременно!

— Не напомним обстоятельства нашего знакомства?

Заданный словно между прочим вопрос заставил Гвен пораженно застыть. Перед глазами пронеслись картинки кажущегося сейчас далеким прошлого. Заснеженный лес, конское ржание, черное дуло пистолета, направленное ей в лицо... Протянутая рука и обволакивающее тепло чар...

Гвен тряхнула головой, прогоняя воспоминания, и решительно направилась к двери.

— У меня пропал аппетит, — отчеканила она.

— У меня тоже. — Маг преградил ей путь. — Но мы могли бы просто поговорить, Гвендолин.

— Я не желаю с вами разговаривать.

— Даже об имени, на которое только что откликнулись? — без насмешки уточнил Торнбран, и у Гвен похолодело внутри. В запале она даже не поняла, как он ее назвал. — Гвендолин, — повторил маг, глядя на нее, как змея смотрит на мышь, гипнотизируя взглядом и готовясь проглотить целиком. — Гвендолин Фолстейн.

Воздух сделался вдруг тяжелым и плотным. Гвен вдохнула. Ком встал в горле. Ни откашляться, ни слова вымолвить.

Да и что бы она сказала?

Говорил Торнбран:

— Вы не любопытны. Или стараетесь казаться таковой. Даже не поинтересовались, куда я уезжал и по каким делам. А между тем я побывал в пансионе, где вы воспитывались. Первой мыслью было ехать в столицу. Тот парк и башня с часами никак не выходили из головы... Но путь в столицу неблизкий, а чтобы побывать в вашем пансионе, хватило двух дней. Небольшие финансовые вложения и мое природное обаяние позволили получить исчерпывающую информацию.

— О чем? — через силу прошептала Гвен.

— О ком, — поправил он. — О вас, конечно же. И не нужно так дрожать. Не съем же я вас? Тут довольно других закусок.

С этими словами он взял ее за руку и повел к столу. Сил противиться у Гвен не было. Она покорно опустила на стул и приняла из рук Торнбрана стакан с водой. Сделала судорожный глоток.

— Гвенда и Гвендолин. — Маг улыбнулся. — Точно в романе, да? Девочки-сиротки со схожей судьбой, к тому же похожие друг на друга. Но не во всем. И речь не только о происхождении. И не о том, что цвет глаз у них разный. Карие у Гвенды и серые у Гвендолин. — Он посмотрел ей в глаза, словно затем, чтобы убедиться: серые. И тут же покачал головой. — Но это еще не доказательство. В пансионе столько воспитанниц, что несложно и ошибиться. А вот в другом — практически невозможно.

Наставницы отзывались об обеих девушках довольно хорошо, однако Гвенда, по их словам, была прилежнее и серьезнее подруги. Гвендолин же частенько витала в облаках, из всех развлечений предпочитала чтение, и сама пыталась что-то сочинять... Наставницы этого не приветствовали, но не сомневались, что подобная блажь пройдет со временем. Они ведь знали, что опекун юной альды Фолстейн подыскивает ей достойного супруга, а замужняя женщина не станет тратить время на пустые мечтания.

Словно со стороны Гвен услышала, как у нее вырвался всхлип. Пустые мечтания? Вся ее жизнь с момента отъезда из пансиона теперь казалась пустой мечтой, разрушившейся до того, как успела осуществиться.

— Ваш жених так уродлив? — с сочувствием поинтересовался Торнбран. — Стар? Недостаточно знатен или богат? Отчего вы предпочли браку деревенскую школу?

— Я никогда его не видела, — призналась Гвен. — Просто... не желала замужества...

Что толку отмалчиваться, если этот человек и без того все о ней знает?

— Понимаю, — хмыкнул маг. — Меня самого пугают эти так называемые «серьезные отношения». Они... слишком серьезны...

Зато альд Торнбран слишком несерьезен. Даже этот разговор для него очередной повод для насмешек.

Гвендолин подобной несерьезности позволить себе не могла. Собрав остатки смелости, подняла голову и посмотрела в ухмыляющееся лицо собеседника:

— Что вы намерены теперь делать?

— Не знаю, — пожал он плечами. — Быть может, все-таки пообедая. Составите компанию?

— Вы поняли мой вопрос, — произнесла она с нажимом. Легкомысленность Торнбрана злила, а злость придавала сил. — Вы знаете, кто я. Как вы намерены распорядиться этими знаниями?

— Никак. Ответы на свои вопросы я уже получил. Я же говорил, что мне не давала покоя та башня? И еще то, как легко вы завладели каменным шаром. К сожалению, пока немного удалось узнать об «оке духов», но одно было понятно с самого начала: артефакт не пошел бы в руки к ничем не примечательной фермерской дочке Гвенде Грин. Но Гвендолин Фолстейн, наследница древнего рода и потомственный маг, — совсем другое дело.

— Я — не маг, — нахмурилась Гвен. Казалось, она с детства смирилась с безрадостной мыслью, но сказанное вслух разбередило давнюю рану.

— Неужели? — наигранно удивился Эмрис Торнбран. — Кто же тогда

не больше часа назад активировал артефакт настроения?

— Вы сказали...

— Я солгал.

Он произнес это так просто и с такой довольной улыбкой, точно речь шла о поступке, которым впору гордиться, а у Гвен снова перехватило дыхание.

— Многие артефакты делают специально, чтобы облегчить жизнь людям без дара, — начал Торнбран тоном учителя, — и такими вещами может воспользоваться любой. К маленькой танцовщице это не относится. Активировать ее может лишь маг. Отсюда следует, что вы...

Гвендолин затрясла головой:

— Нет. У меня нет способностей. Мой отец проверял неоднократно. Разными методами. Нет...

— Да, — упрямо возразил Торнбран. — А на способность взаимодействовать с артефактами отец тоже вас проверял? Уверен, что нет. И напрасно. Хотя его можно понять. Ведь обычно дар определяется наличием собственных умений. Однако иногда случается, что человек, не способный на какие-либо самостоятельные магические действия, легко производит те же действия с помощью соответствующих артефактов. Это довольно редкое явление, подобные маги действительно почти ничего не могут без магических предметов, зато с ними воистину творят чудеса. Взять ту же танцовщицу. Подобные вещи ставят в праздничных залах, они усиливают впечатление от музыки или приятной беседы. Но у вас не было ни музыки, ни интересного собеседника. Вы создали хорошее настроение из ничего. А та брошь? Бабочка, помните? Вы же прочли, для чего она предназначена? Муж, сомневающийся в своей жене, должен преподнести ей украшение и спросить, была ли она ему верна. Жена, надевшая брошь, скажет «да» или «нет». Но если тот муж обладает даром, подобным вашему, его жена расскажет все, не дожидаясь расспросов. Не только о своей измене или верности, но и о ценах на крупу в соседней лавке.

Альд Торнбран увлекся импровизированной лекцией и не заметил нервной улыбки Гвен. Она же вспомнила случай с Флорианой. Действительно, можно ни о чем не спрашивать. И даже не быть ревнивым мужем. Достаточно быть магом, тем самым редким артефактором.

Гвендолин горько рассмеялась, заставив хозяина замка прервать речь и поглядеть на нее с тревогой. Потом так же внезапно расплакалась.

Выходит, она — маг? И всегда была магом? Выходит, ее способности не раскрылись только оттого, что под рукой не оказалось ни одного артефакта? Вся жизнь пошла кувырком, потому что в кабинете отца, где он

часами мучил ее непосильными заданиями, пытаясь разглядеть проблески дара, не нашлось ни статуэтки, ни брошки, ни хотя бы какой-нибудь гнутой булавки-артефакта?!

Воспоминания захлестнули с головой. Все обиды, которые ей пришлось пережить, ревность к брату, пренебрежение отца — все это навалилось на Гвендолин в один миг. Тяжесть казалась неподъемной. А хуже всего то, что она поняла: теперь ей с этим придется жить. С вечной тоской и сожалениями о том, чего уже не исправить. Осталось лишь думать, что было бы, если бы отец вовремя распознал в ней мага. Если бы не отказался от нее. Наверняка ее судьба сложилась бы иначе. Но уже не сложится. Просто потому, что один раз, всего один раз, отец оказался не прав...

— Да, — подтвердил Торнбран, на которого Гвен, не отдавая себе отчета, вылила всю свою горечь. — Ваш отец был не прав. Потому что родители не должны искать причин, чтобы любить своих детей.

Гвендолин прикусила губу и разрыдалась бы снова, если бы маг не протянул ей платок и не сказал в своей обычной нахальной манере:

— Либо вы немедленно успокоитесь, либо я опять вас поцелую.

Она не намерена была позволять ему новые вольности, потому притихла и утерла слезы.

Какой смысл сожалеть о чем бы то ни было? Прошлого не вернуть, нужно думать о будущем. А ее будущее под угрозой. Мало того что Гвенда рассказала обо всем своему возлюбленному, так теперь их секрет известен еще и Торнбрану. Можно ли верить, что он не станет этим пользоваться?

Когда, успокоившись, Гвен вернулась к этому вопросу, маг лишь усмехнулся:

— Если бы я был героем вашего романа, сказал бы, что ваша тайна умрет вместе со мной. Но, во-первых, я не герой, а во-вторых, жить собираюсь еще долго и не хочу нести ответственности за то, что произойдет за это время с вашими секретами. Решайте сами. Для меня они утратили привлекательность. Манят неразгаданные тайны. И у нас есть одна такая.

Гвен поняла, о чем он говорит, и непроизвольно погладила лежащий в кармане шар.

— Вот именно. — Эмрис Торнбран отреагировал на ее движение улыбкой опытного искусителя. — Попробуем разгадать эту тайну вместе? Возможно, тут кроется сюжет для романа. Вы же этого хотите?

Гвендолин не поддавалась на его уловку.

— Я хочу узнать все об этом шаре, чтобы без опасности для себя

разорвать привязку, вернуть вам артефакт и...

— Никогда больше со мной не встречаться, — закончил маг. — Но ведь это тоже может стать хорошим сюжетом?

ГЛАВА 25

Да уж, сюжеты...

Фантазии Гвен не хватило бы, чтобы придумать то, что сейчас происходило в ее жизни. И это отнюдь не радовало.

Однако на предложение Эмриса Торнбрана она, подумав, согласилась. С тайнами каменного шара нужно разобраться скорее, ведь к тому времени, как ее опекун вернется из поездки и обман раскроется, следует решить, что ей делать дальше. Если придется бежать, хотя Гвен пока и не представляла куда, ничто не должно помешать этому. Значит, как ни печально, ей нужно освободиться от привязавшегося к ней артефакта.

— У меня есть знакомые в Службе правопорядка, — сказал Торнбран. — Попытаюсь побольше узнать о том пожаре. Возможно, все же удалось выяснить, кем были погибшие люди. Тогда можно попытаться понять, как к ним попало «око духов».

Письмо в столицу, по словам Торнбрана, он написал еще в тот день, когда выведал у альды Эдевейн все, что она знала о шаре, и со дня на день ждал ответа. Люди, к которым маг обратился, должны были собрать имеющуюся информацию об артефакте и подтвердить его ценность. Было бы замечательно, если бы они написали, что Флориана ошиблась и каменный шарик ничего не стоит. Тогда, быть может, Торнбран утратил бы к нему интерес и за ненадобностью оставил артефакт Гвен. Но даже такая мечтательница, как она, понимала, что шансы на это ничтожно малы.

После разговора с хозяином Гвендолин вернулась к разбору бумаг.

Фигурка танцовщицы все так же стояла на каминной полке, излучая заметное немногим сияние, уже отобедавшая госпожа Энельма по-прежнему пребывала в прекрасном настроении, но на Гвен артефакт больше не действовал. Слишком ей было тревожно. Слишком много мыслей теснилось в голове.

Гвен смотрела на экономку альда Линтона и вспоминала самого сквайра. Думала, как прекрасно было бы, если бы она сумела его полюбить. Ей претила мысль становиться его женой лишь для того, чтобы получить защиту и обеспечить себе безбедную жизнь. Но если бы она ощутила в себе хоть что-то большее, чем симпатия или уважение...

А Криспин? После того как он пробрался в ее комнату, она места себе не находила, думая о нем. Сейчас же волнения улеглись. Должно быть, со стороны молодого человека это был внезапный порыв, которого он сам

впоследствии устыдился. О своих чувствах он с Гвен больше не заговаривал, а ей его компания, как и прежде, казалась приятной, но не более.

«Наверное, я не создана для любви, — думала Гвен. — Но это тоже неплохо. Останусь одинокой старой девой, накоплю денег и смогу путешествовать. Нужно только купить зонтик покрепче, чтобы отгонять крокодилов».

О том, что теперь, когда выяснилось, что она все же маг, пусть и с ограниченными способностями, для нее есть в жизни и иные пути, Гвендолин пока думать боялась. К тому же единственным в данный момент человеком, с которым можно было обсудить все, связанное с ее даром, являлся Эмрис Торнбран, а она и без того оказалась слишком зависима от него. Нет уж. Вернет ему шар, а потом найдет другого мага. К счастью, в королевстве их немало.

Увы, сегодня отыскать в бумагах что-либо полезное снова не удалось, а время, отведенное на работу в замке, подошло к концу.

— Вы же приедете завтра? — спросил, прощаясь, хозяин. Будто она могла отказаться!

— Конечно, — кивнула Гвен.

О том, что ему известна ее тайна, она тоже старалась не думать. Не поверила и в то, что он не станет это использовать, но смирилась — тут от нее ничего не зависело.

На обратном пути в Трелони в экипаже хмурились и Гвен, и госпожа Энельма. Ведь фарфоровую танцовщицу нельзя было захватить с собой.

Когда на полпути их, как обычно, встретил Карлион Линтон, экономка помрачнела еще сильнее, а Гвендолин немного взбодрилась, ожидая, что сквайр, как и вчера, предложит прогуляться. Ей не мешало бы пройтись и освежить гудящую от мыслей голову.

Линтон ожиданий не обманул, однако, покинув экипаж, Гвен поняла, что прогулку он запланировал необычную.

— Не знаю, умеете ли вы ездить верхом, — сказал сквайр, подводя Гвен к дереву, у которого была привязана вторая лошадь. — Если нет, готов стать вашим учителем. Надеюсь, что вы согласны.

— Я согласна, — улыбнулась Гвендолин.

Она уже очень давно не ездила верхом, а дамское седло напомнило о бывшей альде Линтон — наверняка именно от нее оно осталось в конюшне сквайра. Однако Гвен действительно нуждалась в прогулке и свежем лесном воздухе.

Карлион Линтон помог ей устроиться в седле и первое время шел

рядом, ведя ее лошадь под уздцы. Потом, когда Гвен немного освоилась, сам вернулся в седло.

Гвендолин делала вид, что боится упасть, на все расспросы спутника отвечала коротко, немного рассеянно и не сводила глаз с дороги.

— Значит, в замке немало артефактов? — поинтересовался Линтон. — И они вам интересны? Спрашиваю оттого, что у меня тоже имеется несколько подобных вещей. Мой отец немало путешествовал в свое время, привозил что-то из странствий. Он общался с Сайласом Торнбраном и, подозреваю, тоже подумывал собрать коллекцию, но все же не имел такой безудержной страсти, как прежний владелец замка. Так что похвастать я могу немногим. Но если вам любопытно...

Любопытно было, даже очень. После того, что она узнала о себе, Гвен хотелось лучше разобраться в собственных талантах. Но не настолько, чтобы немедленно ехать в поместье Линтона. Она пообещала, что при случае напомнит сквайру об этом разговоре и обязательно попросит показать свою маленькую коллекцию, а пока, чуть осмелев, позволила лошади перейти на более быстрый шаг.

Встречный ветер приятно охлаждал лицо, а поддерживать разговор на скаку не получалось. И то, и другое было кстати.

— Гвен! Пойдите!

Тревожный окрик заставил натянуть поводья, но, видимо, она сделала что-то не так, и лошадь вместо того чтобы остановиться, ускорила бег. Гвен чудом не упала. Зато испугалась безумно.

На счастье, альд Линтон догнал ее и, перекрыв путь, смог остановить. Выглядел сквайр при этом не менее напуганным.

— Наверное, нам лучше спешиться, — проговорил альд хрипло.

Он первым соскочил на землю и протянул Гвендолин руки, помогая покинуть седло. На миг она оказалась в объятиях мужчины и почувствовала, как сильно бьется его сердце.

— Спасибо, — пробормотала сконфуженно. — Простите, что заставила волноваться.

— Вы меня простите, Гвен. Я выбрал неудачное место для прогулки.

— Почему неудачное? — удивилась она. Этот уголок леса выглядел живописно, деревья, уже покрывшиеся молоденькой листвой, росли негусто, а земля была довольно ровной, чтобы не беспокоиться, что лошади споткнутся.

— Пойдемте, я покажу.

Он подал ей руку и повел вперед. Через десяток шагов остановился.

Лес тут заканчивался. Начиналась полоска дороги, а за ней —

глубокий овраг.

— Не подходите к краю, — предупредил Карлион Линтон. — Тут часто случаются оползни. Из-за этого дорогой почти не пользуются, хотя добираться по ней из Трелони в замок Торнбран быстрее. Теперь, увы, быстрее — только вниз. Я слышал, прошлым летом здесь гнали отару, и несколько овец упало в овраг. За ними даже не смогли спуститься, чтобы снять шкуры.

У Гвендолин мурашки пошли по спине, стоило представить, что случилось бы, не успеет Линтон остановить ее лошадь. Настроение испортилось окончательно.

— Провожу вас в деревню, — сказал сквайр, поняв, что у девушки нет желания продолжать прогулку.

Дорогой он пытался приободрить и развеселить ее, но смутная тревога захватила Гвен без остатка. И каменный шарик в кармане нагрелся, словно тоже боялся какой-то беды. Прежде такого не случалось, и Гвендолин не знала, как истолковать происходящее с артефактом.

Простившись со сквайром, она поспешила к себе. Вбежала в комнату, достала шар, положила на кровать и села рядом.

— О чем ты хочешь предупредить? — спросила, склонившись к «оку духов». — Что-то случится? Что-то плохое? У того оврага?

Чудилось, что артефакт пытается говорить с нею, но, увы, Гвен никогда не учили магическим премудростям, и она не могла понять, что он старается ей сказать.

ГЛАВА 26

Новый день начинался так же, как предыдущий, но Гвен понимала: это лишь иллюзия. Ничего уже не будет, как прежде.

— Вы бледны, — заметил появившийся первым Криспин. — Не заболели? Быть может, отложите сегодня поездку в замок?

— Нет-нет, я хорошо себя чувствую. А вы... можете не ехать. Мне неловко, что я отвлекаю вас от дел, ведь в замке, как выяснилось, нет призраков.

— Зато есть немало часов, нуждающихся в починке или чистке, — улыбнулся молодой человек. — Так что вы не отвлекаете меня от работы, напротив — вы мне ее дали. Альд Торнбран обещал хорошо заплатить. Но вы...

— Просто плохо спала ночью. У меня... завелась мышь под полом. Скреблась до утра...

Если под «мышью» подразумевались тревожные сны, так оно и было.

Гвендолин приснился отец. Он глядел на нее с равнодушием и презрением, называл пустышкой. Ей хотелось сказать ему, что это не так, но с губ срывались невнятные всхлипы, а из глаз, как в детстве, ручьями катились слезы.

Очнувшись от кошмара, Гвен вынуждена была перевернуть влажную подушку.

Появившаяся вскоре госпожа Энельма тоже отметила ее нездоровый вид, но отказаться от визита в замок не предлагала. А Гвен и не согласилась бы. Ей обязательно нужно было попасть туда, вновь ощутить силу артефактов и свою власть над ними, чтобы убедиться, что у человека, приходящего в ее сны, нет прав унижать ее пренебрежением. Пусть даже он давно уже мертв.

Сегодня хозяин замка встречал их лично.

— Рад, что вы приехали... госпожа Грин.

— Вы в этом сомневались? — Гвен сделала вид, что не заметила ухмылки и паузы перед обращением. — Я всегда держу свое слово, альд Торнбран.

«И надеюсь, вы сдержите свое», — добавила мысленно.

В комнате с архивами ее ждал неприятный сюрприз: с камина убрали статуэтку танцовщицы.

— Сегодня я буду обеспечивать вам хорошее настроение, —

самонадеянно заявил маг. И добавил шепотом, чтобы госпожа Энельма не слышала: — Согласитесь, я ведь лучше, чем артефакт?

— Я так не думаю, — хмуро отозвалась Гвен.

— Отчего же?

— Вас нельзя отключить и убрать в коробку.

Маг рассмеялся так громко, что экономка Линтона вздрогнула от неожиданности и одарила его осуждающим взглядом.

— Такой вы нравитесь мне больше. Но все же не лишайте меня полностью общества той занудной учительницы. В ней есть своя прелесть.

Гвендолин вняла просьбе и дальше молча разбирала документы, никак не реагируя на подначки Торнбрана. Расчет оказался верным: через час с небольшим магу наскучило ее общество, и он удалился.

Напомнил хозяин замка о себе, как всегда, когда пришло время обеда. На этот раз он не явился лично, а прислал слугу, который сообщил госпоже Энельме, что ее приглашают к столу вместе с часовщиком, а Гвен, к радости девушки, проводил в общую столовую. Впрочем, радость была довольно сомнительной, ведь там, помимо хозяина, ее ожидала альда Эдевейн.

— Вы снова здесь? — недовольно спросила красавица вместо приветствия. — До сих пор не сторговались и не договорились о цене вашего шара? Или решили придержать его как повод приезжать сюда? Наверняка вам не часто доводится бывать в приличных домах.

Гвен никак не ответила. После беспокойной ночи работа казалась особенно утомительной и угнетала отсутствием результатов: об «оке духов» пока не нашлось никаких записей. Так что Гвендолин молча села за стол и приготовилась насладиться пусть не компанией, так хотя бы едой.

— Я к вам обратилась, — вспыхнула альда Эдевейн. — Никакого представления о вежливости!

«Будто у вас оно есть!» — мысленно огрызнулась Гвен.

Эмрис Торнбран наблюдал за обеими гостями, не вмешиваясь. Словно сделал ставку на одну из них, как на петушиных боях, и Гвендолин, подумав об этом, решила не доставлять ему удовольствия, вступая в пререкания с Флорианой. Лучше уделить внимание рыбе, запеченной с душистыми травами, чем высокомерной красавице.

Но, видимо, маг именно на это и рассчитывал: слишком довольным он выглядел.

— Эмрис, что эта особа себе позволяет? — возмущенно обратилась к нему альда Эдевейн.

— Даже не знаю, — озадаченно ответил хозяин и вприщур поглядел на

Гвен. — Хотя... Я догадался! Она ест форель!

Гвен потребовалась вся ее выдержка, чтобы продолжить жевать с невозмутимым лицом.

Флориана сердито стрельнула глазами на Торнбрана, но быстро взяла себя в руки.

— Да-да, пингвины любят рыбу, — протянула красавица с неприятной миной. — Я видела в Королевском зверинце.

Это был намек на платье Гвен, темное, с белым кружевным воротничком, но и новая язвительная реплика осталась без ответа. Гвендолин продолжала трапезу. Стоило отдать должное повару альда Торнбрана, готовил он великолепно. Однако можно было не сомневаться, что альда Эдевейн еще попытается испортить обед.

Судьба распорядилась иначе. До того как Флориана придумала очередную колкость, в коридоре послышался испуганный женский крик:

— Горим!

Его подхватило сразу несколько голосов.

Вскочив из-за стола, Эмрис Торнбран бросился к выходу. Гвендолин и альда Эдевейн — едва не столкнувшись в дверях, устремились за ним.

В коридорах пахло гарью, а под потолком плыла сизая дымка. Но пока бедствие было не так велико: пламя охватило лишь одну комнату. Ту самую, которую Гвендолин не так давно покинула, чтобы присоединиться к хозяину и пообедать.

— Тащите воду! — кричал кто-то. — Воду сюда!

— Никакой воды! — резко приказал Торнбран.

Гвен и ахнуть не успела, как он вошел в пылающую комнату и захлопнул за собой почерневшую от копоти дверь.

Безумец!

— Что рты раззявили?! — прикрикнул на обескураженно притихшую прислугу Джером. — Быстро закройте двери во все покои, пока комнаты не провоняли дымом! Тут хозяин и без вас управится.

Он говорил уверенно, но Гвен видела, что старый слуга волнуется за своего господина. Она обернулась на Флориану, та неотрывно смотрела на дверь, из-под которой в коридор пробивался дым. На лице красавицы не осталось ни кровинки, а глаза потемнели от испуга. Все же человеческие эмоции были альде Эдевейн не чужды.

Гвендолин понимала: маг наверняка знал, что делал, и помнила, что он далеко не самый приятный человек, но все же оставаться спокойной в такой ситуации оказалось выше ее сил. Казалось, сердце отсчитывало секунды, которые Торнбран провел в горячей комнате, но сколько прошло

времени, она сказать не смогла бы.

Наконец дверь распахнулась, в коридор выплыло облако сизого дыма, а следом вышел Эмрис Торнбран, грязный и усталый.

— Никакой опасности нет, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Какое счастье, что вы не пострадали! — бросилась к нему Флориана.

— Пострадал! — внезапно рявкнул он так, что у Гвен внутри все сжалось от страха. — Все архивы моего дяди уничтожены! Все! Ни бумажки не уцелело! По-вашему это — не пострадали?!

Губы альды Эдевейн задрожали от обиды. Какой бы она ни была, боялась Флориана за мага по-настоящему.

— Я волновалась не о бумажках! — заявила альда Торнбрану, прежде чем уйти.

— Не стоит ли вызвать Службу правопорядка? — спросил Криспин. Гвен и не заметила, когда он появился.

— А, господин Дэй. — Хозяин окинул его рассеянным взглядом. — Нет, не стоит. Полагаю, произошедшее — досадная случайность.

Часовщик не спорил.

— Госпожа Грин. — Торнбран подошел к Гвен.

— Думаю, мне следует уехать, — пробормотала она. Только сейчас до нее дошел смысл услышанного: ничего не уцелело. Ни одной бумажки! Теперь она никогда ничего не найдет!

— Думаю, вам нужно пойти со мной, — не согласился маг. — Здесь... недалеко.

Он завел ее, видимо, в первую попавшуюся по пути комнату и закрыл дверь. Взглянув на его закопченное лицо, Гвен вздрогнула от нового подозрения. Неужели маг думает, что это она виновата? Ведь только вчера сказал, что если она захочет устроить поджог...

— Я не оставляла там шар, — проговорила быстро. — Он у меня с собой.

— Не сомневаюсь, — кивнул Торнбран. — Причина возгорания в другом.

Он показал ей кулак и медленно разжал пальцы. На ладони лежал черный кристалл.

— Знаете, что это?

— Да, — ответила Гвен, присмотревшись. — Вечный уголь. В пансионе его использовали в каминах общих комнат.

— Удобная штука, — задумчиво проговорил альд. — Артефакт,

который можно применять, не имея дара. Дрова, даже сырые, разгорятся с ним в считанные секунды, а жар будет держаться долго... В комнате я нашел несколько таких кристаллов. Им не место в коллекции, но, видимо, дядя предпочитал держать все артефакты в одном месте, и коллекционные, и бытовые.

— Думаете, кто-то специально активировал... — Гвендолин заметила, что маг глядит на нее, и осеклась. — Думаете, я?!

— Думаю, вы, — спокойно подтвердил Торнбран. — Но вряд ли специально. Вас ведь не обучали владеть даром. Только артефактам это безразлично. Они чувствуют вас и вспоминают о своем предназначении. А эти камушки, как ни крути, созданы, чтобы гореть.

— Нет. — Гвен замотала головой. — Это не...

Возможно!

Та брошь. Она ведь не давала ее Флориане, не предлагала примерить, а потом не задавала вопросов. Но артефакт исполнил то, для чего был предназначен. Он был относительно безобидным. А если бы брошь оказалась орудием убийства или пыток?

— Это ужасно, — подавленно прошептала Гвен.

— Полно вам, — покачал головой Торнбран. — Замок нуждается в проветривании, комната — в ремонте, а я — в ванной. Ничего непоправимого не случилось. Жаль, конечно, что мы ничего не нашли о нашем шаре, но я сразу сказал, что шансы невелики, записи могли уничтожить люди, которые пытались его украсть.

— А другие бумаги? Там были чеки, документы...

— Уверен, копии всех важных документов есть у моего поверенного, а выписку о состоянии счетов при необходимости сделает банк. Что до описания коллекции артефактов, то папки вы отложили раньше, за что вас следует поблагодарить.

— Но вы... Вы так переживали из-за архивов!

На перепачканном лице мага сверкнула белозубая улыбка.

— Помните господина, который грозился разгромить мой замок? Думаю, он порадуетя, когда до него дойдут слухи о пожаре. И другие мои соседи — тоже.

Гвендолин вздохнула. Как она могла забыть? Это же Эмрис Торнбран, выгоды он не упустит.

А ей теперь что делать?

— Я говорил, есть другие способы разузнать о шаре, — успокоил маг. — Сейчас меня больше волнуете вы... Во многих смыслах, — не упустил он случая вогнать ее в краску, но тут же сменил тон на

серьезный. — Особенно меня беспокоит то, что вы не контролируете свои способности. Вам нужно учиться. И поскольку, как я понял, раскрывать свое истинное имя и происхождение вы пока не желаете, найти учителя будет нелегко. Если только... Как вы смотрите на то, чтобы я дал вам несколько уроков? Совершенно бесплатно.

— Зачем вам это? — насторожилась Гвен, не торопясь соглашаться на столь щедрое предложение.

— Ну, например, затем, чтобы вы не разрушили до основания мой замок. Тут ведь еще немало артефактов.

— Но у меня уже не осталось причин, чтобы бывать здесь.

— Разве? А как же книги по артефакторике? А отчет об «оке духов», который мне вскоре пришлют? Да и я не отменял нашей договоренности. Архив сгорел, но мне по-прежнему нужен грамотный помощник, чтобы провести ревизию библиотеки. Приезжайте, как прежде, со своим рыцарем маятника и стрелки и с унылой компаньонкой. Занятия в школе сейчас, как я знаю, отменили, так что, мы можем заняться нашим расследованием... и вашим обучением...

— Я все равно не понимаю, в чем ваш интерес.

— Мне скучно, — со вздохом признался Торнбран. — В такой ответ вы поверите? И я все же хочу поскорее отобрать у вас свой шар. Почему бы не совместить приятное для меня с полезным для вас и необходимым для нас обоих?

ГЛАВА 27

Гвендолин согласилась, но на обратном пути в Трелони не раз успела пожалеть о своем решении. Не верилось, что мотивы Эмриса Торнбрана настолько просты. С одной стороны — он типичный представитель своего сословия, о подобных молодых бездельниках-аристократах даже книги пишут, как правило, с назидательным подтекстом, поскольку ничем хорошим похождения таких персонажей не заканчиваются. Скука и желание развлечься для подобных людей — веский довод. Но, с другой стороны, Торнбран успел заслужить репутацию человека крайне расчетливого. Гвен даже задумалась, не сам ли он организовал пожар, раз в итоге получил от происшествия только выгоду. Соседи, узнав, что архивы уничтожены, прекратят свои нападки. А она, Гвендолин, вновь оказалась ему обязанной. А еще, уезжая, она слышала разговоры слуг: альда Эдевейн собиралась покинуть замок, то ли из-за обиды на хозяина, то ли из-за нежелания жить в провонявших дымом комнатах. Наверняка и это было Торнбрану на руку, ведь он, как казалось Гвен, устал от своей капризной гостью.

От размышлений Гвендолин отвлек Карлион Линтон, по устоявшейся привычке встретивший ее на полпути к Трелони. Слухи быстро разнеслись по окрестностям, и сквайр уже был осведомлен о пожаре. Поэтому прогуляться Гвендолин он не позвал, а вместо этого сам сел в экипаж, чтобы расспросить о происшествии и убедиться, что ни Гвен, ни госпожа Энельма не пострадали. Но на подъезде к деревне он все-таки предложил Гвендолин пройти, чтобы поговорить наедине.

— Жаль, что так случилось и вы ничего не разузнали о шаре, — посочувствовал альд. — Но давайте искать во всем хорошую сторону! Теперь вам не придется терпеть общество Торнбрана.

— Придется... — начала Гвен, но была перебита.

— Ах да, — поморщился сквайр. — Он ведь все равно будет приезжать к вам, чтобы проверить сохранность своего артефакта. Но я постараюсь все устроить так, чтобы впредь ваши встречи проходили в моем присутствии.

— Я продолжу работу в замке, — сказала Гвен, понурившись. Она еще была полна сомнений, так что даже не пришлось притворяться, что сей факт не доставляет радости. — Альд Торнбран нашел книги по артефакторике...

— И в состоянии изучить их сам, — резко закончил Карлион Линтон. — В конце концов, он маг, а не вы.

— Это так, — не глядя в глаза собеседнику, согласилась Гвендолин. — Но я заинтересована в скорейшем разбирательстве. Альд Торнбран относится ко всему слишком беспечно. Книги могут лежать нетронутыми месяцами. Понимаете?

— Мда... — выдохнул Линтон неопределенно.

— Мне неловко, что я пользуюсь вашей добротой и отвлекаю от дел госпожу Энельму...

— Хотите продолжать поездки в замок без нее? — осведомился сквайр.

Подозрительность, проскользнувшая в тоне, заставила Гвен поднять взгляд. Щеки вспыхнули, но не от смущения, а от негодования.

— На что вы намекаете? — спросила она уязвленно.

Никогда прежде Гвен не говорила с Карлионом Линтоном в таком тоне, но прежде он не давал для этого поводов.

— Простите, — извинился сквайр растерянно. — Я не имел в виду... ничего плохого. Хотел лишь сказать, что госпожа Энельма с радостью будет сопровождать вас столько, сколько потребуется.

— Благодарю, — пробормотала Гвен.

Было стыдно за внезапную вспышку. Карлион Линтон — не тот человек, чтобы бросаться оскорбительными намеками, но после общения с нахальным магом ото всех начнешь ждать подвоха.

С этим самым магом Гвен встретилась следующим утром.

Отправив Криспина заниматься часами — кажется, уже другими, — альд Торнбран провел Гвендолин и госпожу Энельму в библиотеку, которая, как ни странно, пребывала в полном порядке.

— Мне не нравится, как расставлены книги, — заявил маг. — Удобнее, чтобы они были рассортированы по тематике. А то ведь не каждый догадается искать справочник по лекарственным травам на полке с балладами. Также нужно проверить, все ли издания вписаны в каталог.

Сказав это, он отозвал Гвен в сторону, подальше от компаньонки. Та сегодня, видимо, не намерена была помогать, так как сразу разместилась в кресле под окном и достала вязание.

— Поищите заодно мою запонку, — велел, понизив голос, Торнбран. — Обронил где-то здесь.

— Поручите это своим горничным, — насупилась Гвен.

— Не уверен, что они справятся, — маг хитро улыбнулся. — Это не совсем обычная запонка. Нужно обладать некоторым чутьем, чтобы ее

отыскать. Понимаете?

— Артефакт? — догадалась она.

— Ваш первый урок. Вам нужно научиться чувствовать подобные вещи. Но должен предупредить: задание непростое. Тут достаточно древних книг и прочих предметов, которые могут восприниматься как артефакты. Потому — вот вторая, для сравнения.

Торнбран вложил в ладонь Гвен золотую запонку и покинул библиотеку.

Первый урок!

Не такого она ждала. Задания, что давал ей в свое время отец, были трудны и непонятны. А тут — всего лишь запонка.

Гвен с улыбкой прислушалась к маленькому артефакту в своей руке. Интересно, для чего он предназначен? Вряд ли для чего-то сложного. Помогает следить за внешним видом владельца? Привлекает к нему внимание в компаниях? Подсказывает едкие фразочки?

Наверное, нельзя так с ходу определить суть магического предмета. Но уловить излучаемую им силу совсем несложно. Настроиться — кажется, так это называется.

Наверное, Гвендолин все сделала правильно. Во всяком случае, она смогла увидеть неяркое сияние и ощутить тепло, исходящее от запонки.

— Хм... — Госпожа Энельма взглянула на нее с недоумением.

— Думаю, с чего начать, — объяснила свое кажущееся бездействие Гвендолин.

Она прошлась вдоль книжных полок. Посмотрела на корешки. Некоторые из них светились, но совсем не так, как запонка.

От каких-то предметов в комнате тоже исходили свет или тепло, но Гвендолин они не обманули. Не то. Снова не то. Опять не то.

Куда же Торнбран спрятал маленький артефакт? Может, разыграл ее и она ищет то, чего здесь нет? Вполне в его духе.

Вдруг... Нет, не может быть!

Гвендолин уставилась на госпожу Энельму. Действительно, свет, похожий на тот, что излучала зажатая в руке Гвен вещица, шел со стороны пожилой экономки. Неужели маг из вредности подложил артефакт в кресло, куда потом уселась женщина?

Но все оказалось еще хуже. Подойдя поближе, Гвендолин поняла, что запонка не под экономкой, а на ней. Между седых, аккуратно уложенных буклей поблескивало золото. Что за ребячество, альд Торнбран! И когда он только успел?

Подкравшись к пожилой даме со спины, Гвендолин осторожно

протянула руку. Госпожа Энельма резко обернулась.

— Что такое? — всполошилась она. — Что вы делаете?

— Простите, но... — Гвен подбирала слова. — У вас там... паук!

— Паук?! — взвизгнула экономка. — Высшие силы! Снимите же его! Снимите! Скорее!

Скорее не получалось. Госпожа Энельма вжала голову в плечи и отчаянно этой самой головой мотала. А запонка еще и зацепилась за волосы!

— Все! — выдохнула Гвен, пряча артефакт в кулаке. — Поймала.

— Убейте же его! — требовала испуганная женщина.

— Что вы! — Гвендолин отступила к двери. — Все знают, что убивать пауков не к добру. Я его выпущу... где-нибудь... подальше отсюда...

Она выскочила в коридор и тут же столкнулась с хозяином замка. Тот подслушивал под дверью, и, судя по всему, представление его здорово позабавило.

— Стойте, — велел он сердито сопящей Гвен.

— А! Пауки! — тут же послышался вопль госпожи Энельмы, и экономка весьма шустро для своего возраста выбежала из библиотеки.

Гвен заглянула за дверь и увидела, как десяток пауков, оккупировавших кресло бедной женщины, растворяется в воздухе. Не нужно гадать, что случилось — маг развлекался.

— Видимо, вы потревожили паучье гнездо, — с серьезным видом заявил шутник. — Но убивать пауков, и верно, не к добру. Госпожа Грин, вы ведь их не боитесь? Поможете изловить? А вы... — он посмотрел на госпожу Энельму и подозвал к себе замеченную в конце коридора горничную, наверное, прибежавшую на шум, — проводите компаньонку моей гостьи в спокойное место, — приказал он служанке. — Приготовьте чай. Ей нужно прийти в себя, отдохнуть. Потребуется... — Торнбран быстро махнул рукой перед лицами горничной и экономки Линтона, — не меньше часа, чтобы успокоиться...

— Что вы делаете? — возмущенно зашептала Гвен, глядя вслед удаляющимся женщинам. — Вы их заколдовали?

— Маленькое воздействие. Вреда от него не будет. — Маг распахнул перед ней дверь библиотеки. — Классная комната свободна, можно приступать к следующему уроку.

Гвендолин вошла и села за стол.

Урок начался.

— Итак, думаю, будет нелишним, если вы станете записывать свои ощущения, — проговорил Эмрис Торнбран, с важным видом вышагивая

взад-вперед. — И мои тоже.

— А ваши зачем? — рассеянно осведомилась Гвендолин.

— Так ведь я же разрешаю вам поэкспериментировать на мне. Для начала.

— А потом на ком? — насторожилась она.

— На слугах. На этой вашей угрюмой компаньонке, например. Сомневаюсь, что вы как-то ей навредите.

— Сомневаетесь? Вы, помнится, как-то говорили, что опасные артефакты в коллекции вашего дядюшки тоже имелись.

— Я так говорил? Что ж, тогда начнем с самых невинных.

— Ладно, — со вздохом согласилась Гвен, придвигая к себе листок бумаги и чернильницу.

— Только пишите без преувеличения, — произнес он, наклоняясь сзади над ее плечом, и голос прозвучал прямо у нее над ухом. Чужое горячее дыхание щекотнуло шею. — А то, знаю я вас, накачаете целую эпопею.

— И вовсе вы меня не знаете! — фыркнула она, хмурясь. — Отодвиньтесь, пожалуйста.

— Что вас опять не устраивает?

— Вы слишком близко.

— Так вы же учительница. Разве вам не доводилось приближаться к ученикам, чтобы заглянуть в их тетради или что-нибудь втолковать самым несообразительным? А сейчас я ваш наставник, Гвендолин, — медленно выговорил он ее имя, словно пробуя его на вкус.

— С учениками я занималась не от скуки, как вы со мной, — заметила она.

— Увы, скука — бич моего сословия, — наигранно вздохнул маг. — Думаете, лишь я ей подвержен? Уверен, ваш благодетель Линтон страдает от скуки не меньше. Особенно... пока вы в замке.

— Полагаю, ему некогда скучать! — вступилась за Линтона Гвен. — Он сквайр... На его попечении деревня, и ему безразлично, как живут в ней люди!

— Если бы вы знали, каким образом мой дядюшка Сайлас позволял себе вмешиваться в чужие судьбы, то, возможно, согласились бы с тем, что порой безучастность может быть благом.

ГЛАВА 28

Гвен исписала в тот день немало листов, однако испытаниями артефактов они с магом не занимались. Записывала она под диктовку Торнбрана всевозможные магические термины, определения различных типов артефактов и основные правила работы с ними. Выяснилось, что, когда маг не паясничает, он может быть довольно неплохим учителем. Объяснял он доступно, если Гвен не понимала чего-то, спокойно отвечал на вопросы. Правда, слишком часто заглядывал через плечо в ее записи. Касавшееся шеи теплое дыхание отвлекало и нервировало, но к концу урока Гвендолин почти перестала обращать на это внимание — так увлеклась предметом изучения.

Однако отведенный на занятия час пролетел слишком быстро. Вернулась госпожа Энельма, опасливо поинтересовалась, удалось ли изловить всех пауков, и, получив утвердительный ответ, снова взялась за вязание. Гвен пришлось заниматься книгами. Что до Торнбрана, то он к тому времени уже ушел из библиотеки, проявив неожиданную тактичность. Мало ли что подумала бы экономка альда Линтона, поняв, что все время, которое она отсутствовала, маг провел наедине с Гвендолин. И что сказала бы потом своему хозяину.

Гвен и без того было стыдно перед Карлионом Линтоном. Сквайр с первого дня относился к ней с теплотой и заботой, а она обманывала его. Скрывала, кто она есть, скрывала истинную цель своих визитов в замок. Гвен не сомневалась, что он понял бы все, расскажи она ему, но пока не хотела этого делать. Если до срока, обозначенного в письме Гвенды, не найдется никакого решения, первым, к кому Гвендолин обратится за советом, будет Карлион Линтон. А до тех пор она решила молчать.

Когда сквайр, как обычно, встретил ее на обратном пути в деревню, пришлось очень постараться, чтобы не показать, насколько ей неловко из-за сложившейся ситуации. А чтобы он не счел ее визиты в замок бесполезной тратой времени, Гвендолин сказала ему, что нашла в одной из книг описание артефакта, по свойствам схожего с «оком духов». И тут же устыдилась новой лжи.

Занятая своими проблемами, она почти забыла о Джесмин. Приятельница, между тем, заглядывала в гости все реже и долго не засиживалась. Объясняла она это работой, которой у деревенских жителей сейчас прибавилось, и усталостью. Гвен чувствовала, что есть и другие

причины, но, помня о том, сколько всего сама вынуждена скрывать, не приставала с расспросами.

А Криспин вообще перестал заходить в школу. Гвен говорила с ним теперь только по утрам, до отъезда в замок, где они занимались каждый своим делом.

Удручало, что отношения с людьми, которых она считала друзьями — а Криспина так даже больше, чем другом, — вдруг разладились. Но грустить не было времени. Ведь когда из твоей жизни что-то уходит, освобождается место для чего-то нового. На смену вечерним чаепитиям пришла магия.

На следующий день, едва Гвен и ее сопровождающая оказались в библиотеке замка, альд Торнбран в качестве извинения за пауков предложил им чай и мягчайшие сдобные булочки с клубничным джемом, такие ароматные, что госпожа Энельма в кои-то веки одарила мага улыбкой. Правда, едва женщина устроилась у чайного столика и намазала на булочку джем, та вдруг выпрыгнула у нее из рук, перевернулась и соскользнула по платью, оставив длинную клубничную полосу. Горничная, что принесла угощение и еще не успела уйти, тут же вызвалась помочь гостю привести одежду в порядок. А вскоре после их ухода в библиотеку совершенно случайно заглянул хозяин...

— Вы снова их заколдовали? — укоризненно покачала головой Гвен. В случайности она не верила, как и в прыгучие булочки.

— Нет. — Эмрис Торнбран вошел в библиотеку и закрыл за собой дверь. — Чары воздействия на самом деле очень сложны и отбирают много сил. Поэтому я просто подкупил собственную прислугу. За небольшую надбавку к жалованью и из сочувствия к несчастному влюбленному вашу компаньонку задержат минимум на час.

— К влюбленному? — непонимающе нахмурилась Гвендолин. — О ком вы?

— О себе, конечно. Я безумно и безответно влюблен в вас и хотел остаться с вами наедине, чтобы попытаться добиться расположения.

— Вы так сказали своей горничной?! — Щеки Гвен вспыхнули, но она и сама не могла бы сказать, от стыда или от гнева. — Это уж слишком! Вы... Вы понимаете, что обо мне теперь станут думать?!

— Я же сказал — безответно влюблен, — напомнил нахал. — Безответно — это без взаимности с вашей стороны. И думать о вас теперь будут как об очень глупой, но порядочной девушке.

— Глупой?

— Разве не глупо мне отказывать? Хорош собой, умен, богат... Чего,

по-вашему, мне не хватает?

— Скромности, — сердито буркнула Гвен. Да и насчет ума она поспорила бы. Неужели альд не понимает, что достаточно случайного слова, чтобы поползли слухи, а молва так все перевернет, что в итоге никто и не вспомнит, кто и в кого был влюблен и уж тем более взаимно или нет.

— Не волнуйтесь, — усмехнулся Торнбран. — О своих чувствах я сказал лишь одной горничной и взял с нее клятву молчать. А клятвы, данные магам, обычно не нарушают, уж поверьте. Так что можете не беспокоиться о своей репутации. Она не пострадает. А в глазах одной романтической служаночки даже возрастет и будет окружена ореолом святости. Вы же мне откажете. И завтра мне придется повторить попытку... Согласитесь, я чудесным образом решил проблему с вашей компаньонкой.

Гвендолин только вздохнула. Чудесно во всем этом было лишь то, что Эмрис Торнбран посвятил в свои «сердечные дела» не родственницу Талулы, а другую горничную, хотя Гвен теперь будет стыдно показаться на глаза этой незнакомой девушке.

— Так что, начнем урок? — как ни в чем не бывало спросил маг. — Или предпочтете все же выслушать мои признания?

Только признаний Гвен не хватало!

Впрочем, маг и не настаивал. Выложил на стол несколько вещиц, и о глупостях сразу забылось.

— Что это? — Гвендолин заворуженно смотрела на тонкий серебряный браслет, булавку с жемчужной головкой и янтарную подвеску.

— Вот вы мне и скажите, — предложил Торнбран. — Сосредоточьтесь, прислушайтесь к себе и к этим предметам. Почувствуйте их.

Гвен в точности выполнила его указания. Выбросить из головы прочие мысли и сконцентрироваться на лежащих перед ней украшениях оказалось совсем несложно. Она мысленно потянулась к вещам, заставляя их открыть свой свет и показать истинное предназначение.

— Это... — Гвендолин занесла руку над подвеской, проверяя, не обманули ли ее чувства, и решительно помотала головой: — Это — не артефакт. Просто безделушка.

— Хороша безделушка, — наигранно возмутился Эмрис Торнбран. — Знаете, сколько она стоит?

— С точки зрения артефакторики — нисколько, — парировала Гвен.

— Не совсем так, — улыбнулся маг. — Янтарь хорошо поддается обработке чарами, и это украшение возможно превратить в артефакт. Но в

настоящее время оно им не является. Ответ засчитан. А что скажете по остальным предметам?

— Браслет и булавка — артефакты, — уверенно произнесла Гвендолин. — Разные, но... Есть в них что-то общее.

— Что именно? — заинтересовался Торнбран.

Она отодвинула в сторону бесполезную подвеску и присмотрелась к оставшимся украшениям, как присматриваются во время знакомства к новым людям, пытаясь по их мимике, жестам и случайным словам определить, что те собой представляют. Браслет виделся Гвен добродушным лукавцем, готовым весь вечер развлекать гостей шутками. Но его розыгрыши могли оказаться небезобидными. Булавка казалась ленивой дамой, уставшей от шума и суеты. Ей хотелось тишины и покоя. Однако знала ли она, что за дела будут твориться под покровом безмолвия?

— Артефакты можно использовать как во благо, так и во вред, — определилась с выводами Гвен.

— Действительно, — признал Торнбран. — Хотя подобное можно сказать практически о любом волшебном предмете. Расскажите подробнее о своих ощущениях. А лучше — запишите.

Гвен послушалась, хоть и побаивалась, что маг станет смеяться над ее слишком образными ассоциациями. Однако хозяин, читая ее записи через плечо, не фыркал, как бывало, а когда Гвендолин, закончив писать, взглянула ему в лицо, увидела довольную улыбку.

— У вас и правда уникальный талант в артефакторике, Гвендолин.

— Гвен, — поправила она. Не хотелось, чтобы у мага вошло в привычку обращаться к ней настоящим именем.

— Гвен, — покладисто согласился Торнбран. И тут же усмехнулся лукаво: — Но уже не Гвенда и не госпожа Грин, да? Наши отношения становятся ближе.

— Не становятся. — Гвендолин отодвинулась от него в подтверждение своих слов.

— Можете и вы называть меня просто Эмрисом, — предложил маг.

— Не могу, альд Торнбран. — Она выделила обращение. — И не буду.

— Напрасно, альда Фолстейн, — передразнил он ее. — Вы ведь собираетесь вернуть мне мой шар? А «око духов» охотнее пойдет к тому, к кому его нынешний владелец испытывает добрые чувства. Это правило, общее для всех артефактов, потому нам лучше подружиться... Гвен.

— Наиболее добрые чувства я испытываю к вам, когда вы не пытаетесь со мной подружиться, а рассказываете об артефактах, — заявила Гвендолин.

— Что ж. — Торнбран развел руками. — Значит, продолжу завоевывать ваше расположение.

Он прошел к книжным полкам и вернулся со знакомыми картонными папками.

— Тут все о браслете и булавке. Если понадобится дополнительная информация, можете прочитать, но я уверен, вы и без этих заметок разберетесь. Браслет зовется «Удача плута». Вы верно определили его предназначение. Розыгрыши. Да, не всегда безобидные. Физического вреда артефакт не причинит, но поможет хозяину выиграть в азартных играх и, быть может, разорить кого-то подчистую. Наденьте его.

Гвен медлила.

— Наденьте-наденьте, — приободрил маг. — Играть с вами на деньги я не стану, не беспокойтесь. Хочу лишь, чтобы вы почувствовали данную вещь. Карты — это долго, к тому же браслет действует лишь тогда, когда сдает его владелец. Кости в нашем случае нагляднее.

— Кости? — переспросила Гвендолин, застегивая браслет на запястье.

— Да, кости. Вы же знаете, что это такое? Арчибальд играл в кости в трактире. В пятой главе, если не ошибаюсь.

Надо же, какая у этого мага память! С чего бы, скажите на милость, запоминать историю, которая ему ничуть не понравилась?

В приключенческих романах в кости играли моряки и бандиты. А Арчибальду просто пришлось присоединиться, потому что он оказался в неподходящем обществе и не желал ссоры...

— Вы ничего об этом не знаете, — понял Торнбран. Но насмешничать не стал. Вынул из ящичка стола загодя оставленный деревянный стаканчик, в котором тархтели костяные кубики с точками-насечками на каждой грани. — Правила просты. Вам нужно выбросить наибольшее число или дубль...

«Куда выбросить?» — подумала Гвен.

Но ей и это объяснили и показали.

— Сначала договоритесь с артефактом, — велел маг. — Настройте его на нужный вам результат.

Плутовской браслет не ждал особых указаний. Он подмигнул лукавым блеском, и Гвендолин выбросила пять раз подряд шестерки на всех пяти костях.

— Слишком просто, — не удовлетворился результатом Торнбран. — Этак вас тут же уличат в шулерстве. Прикажите браслету действовать чуть осторожнее.

Это было уже сложнее. Артефакт не желал проигрывать ни в чем и

еще несколько раз выбрасывал только шестерки. Но Гвен все-таки удалось подчинить волю браслета, и тот стал покладистее. Три шестерки, две четверки. Две шестерки, две пятерки и тройка. Три шестерки, пятерка и единица.

— Довольно, — сказал после очередного испытания маг. — Думаю, принцип вам уже понятен. Снимайте браслет и берите булавку. Тут вам понадобится моя помощь. Этот артефакт используют для того, чтобы погрузить человека в сон. С его помощью можно уgomонить капризного младенца или подарить несколько часов покоя тяжелобольному. Но можно усыпить, к примеру, владельца замка и ограбить его, пока он видит наколдованные сны. Заметьте, Гвен, — Торнбран уселся в кресло и откинулся на спинку, — я вам доверяю.

— Что нужно делать? — спросила Гвендолин, проигнорировав намеки. Чем дольше она общалась с этим человеком, тем легче получалось не реагировать на его шуточки. Эмрис Торнбран сам напоминал артефакт вроде плутовского браслета — мог развлекать, а мог и навредить своими выходками. Но Гвен решила, что раз уж она артефактор, справится как-нибудь и с ним.

— Воткните булавку мне в одежду. В идеале нужно делать это незаметно для объекта воздействия, но раз уж я вызвался добровольно...

Договорить он не успел: Гвен уже воткнула булавку ему в рукав и с облегчением вздохнула. Как, оказывается, тихо в библиотеке, когда кое-кто молчит! До чего же полезный артефакт! Можно передохнуть. Выпить остывший чай. Намазать булочку джемом и съесть, не опасаясь, что та прыгнет тебе на платье.

Гвендолин посмотрела на мага. Во сне тот был даже мил. И был бы еще милее, если бы пририсовать ему чернильные усы... Она тихонько хихикнула, вспомнив, как они с Гвендой, будучи совсем еще девчонками, разукрасили приставленную к ним воспитательницу. Конечно, обеим досталось, но та особа была такой злой и сварливой, что они с подругой ни на миг не пожалели о содеянном.

«Нужно написать Гвенде! — вспомнилось вдруг. — Она ведь волнуется».

Шутливое настроение пропало, и Гвен вытащила из рукава мага булавку. Нарисует ему усы в другой раз.

Торнбран отчего-то не проснулся.

Гвендолин несильно потрясла его за плечо, но добила лишь того, что голова мага склонилась в сторону, и волосы закрыли лицо.

— Альд Торнбран! Альд Торнбран, проснитесь!

Он не слышал.

С трудом справившись с подступающим приступом паники, Гвен схватила папку с описанием артефакта. Дрожащими пальцами развязала тесемки и принялась читать заметки. В записях все было просто: воткнуть, вытащить... Что же она сделала не так? Неужели слишком сильно хотела, чтобы маг умолк и не приставал к ней с шуточками?

На последнем листе обнаружилась приписка: «...в некоторых случаях артефакт дает неожиданный побочный эффект, так называемый „эффект спящей красавицы“, когда зачарованный не просыпается сразу. Тогда, как в известной сказке...»

— Что?! — воскликнула Гвен, дочитав до конца. Посмотрела на мирно посапывающего мага. «Эффект спящей красавицы», значит? Ну-ну, альд Торнбран!

Она отложила папку и тихо прошла к чайному столику, где помимо чайника и подноса с булочками притулился пузатый кувшин с водой. Хотела налить воду в стакан, но потом подумала, что для такого замечательного человека как Эмрис Торнбран, который, оказывается, знает и любит народные сказки, ей и целого кувшина не жалко. Подошла к магу и выплеснула воду ему в лицо.

Торнбран вскочил как ошпаренный, хоть вода была холодная.

— Что вы творите, Гвен?

— Испытываю артефакты, — заявила она. — Нужно добавить в описания, что при эффекте «спящей красавицы»... или «красавца»... действуют не только поцелуи. Впишите лучше вы, чтобы все было заполнено одним почерком.

Поняв, что Гвен без труда разгадала его коварный замысел, маг рассмеялся. Затем без видимых усилий привел себя в порядок, высушил одежду.

— Но каков лицедей! — продолжала тихонько бурчать Гвен. — Как притворялся! Даже не вздрогнул, когда на самом-то деле проснулся.

— Потому что не спал. — Торнбран задрал рукав сюртука и показал ей вчерашнюю запонку. — Защита от магического воздействия. Булавка меня не усыпила. Но артефакты защиты могут работать не только так. Можно усилить их, и тогда... Давайте лучше покажу! Попробуйте использовать булавку еще раз. Только прежде запомните время. Точно, до минуты.

Не заподозрив подвоха, Гвендолин посмотрела на часы, а потом воткнула булавку в любезно подставленный рукав мага. Ноги вдруг подкосились, Гвендолин почувствовала, как что-то или кто-то подхватывает ее, и мир вокруг погружается во тьму...

Придя в себя, она обнаружила, что сидит в кресле, а Торнбран стоит рядом.

— Это называется «зеркало», — произнес он так, словно их разговор и не прерывался. — Артефакт защиты переводит исходное заклинание на его создателя. Сон — это не страшно, но если бы вы попытались меня убить... Нет, вряд ли умерли бы сами, но ощущения испытали бы неприятнейшие.

— Ясно, — рассеянно кивнула Гвен. — А зачем вы просили запомнить время?

— Ах да, время... — усмехнулся маг. — Это затем, чтобы такая впечатлительная особа не придумала себе глупостей вроде того, что некто мог воспользоваться ее беспомощностью. Прошло не больше двух минут, можете убедиться. Так что, какие бы коварные планы в отношении вас я ни вынашивал, реализовать их в столь короткий срок не успел бы.

Гвендолин зарделась от стыда и растерянно коснулась пальцами губ.

— А вот это успел бы, — усмехнулся нахал. — Но кто теперь скажет, как все было? Оставлю это для вашей фантазии. А пока попрощаюсь. До следующего урока, Гвен.

Он вышел за дверь так быстро, что девушка не успела придумать достойный ответ. Впрочем, задержись Торнбран еще на час, вряд ли у Гвендолин нашлось бы что противопоставить его возмутительной наглости.

ГЛАВА 29

Письмо подруге Гвендолин написала в тот же день, едва вернувшись из замка. Успокоила Гвенду, чтобы та не переживала из-за того, что их обман раскроется. В конце концов, это была ее, Гвен, идея, а значит, и отвечать ей.

«Быть может, к тому времени, как дядя вернется в столицу, я сама приеду туда, чтобы объясниться с ним лично, — писала она. — Но может статься, что найдется и другое решение...»

Замужество, например.

Или удастся подыскать место, соответствующее и ее положению, и открывшимся способностям. В замковой библиотеке Гвендолин отыскала свод законов и теперь знала, какими привилегиями пользуются маги королевства. Во всяком случае, принудить ее к браку с выгодным ему кандидатом опекун уже не сможет.

Запечатав конверт, Гвендолин отправилась к старосте, чтобы попросить его отвезти письмо на станцию вместе с другой почтой. Заодно, пользуясь оказией, решила пообщаться с Джесмин.

Гвен думала, что приятельница совсем заскучала, занимаясь в последние дни домом и помощью родителям в поле, но оказалось, это вовсе не так. В доме старосты царила радостная суета.

— Я не вовремя? — спросила Гвен открывшую ей дверь Джесмин. — У вас гости?

— Ой, да какие гости! — отмахнулась та. — Тиль приехал! Жил раньше тут, у нас, а потом его родители свою ферму купили.

— Новый кавалер? — улыбнулась Гвен.

— Он? Да ну тебя! — замахала руками Джесмин. — Мы же с ним с пеленок знакомы. Считай, брат и сестра. Заходи, познакомлю...

Тиль оказался высоким парнем с непослушными рыжими волосами, неровно постриженными и спадающими на лоб. На лице его отражалась такая бесхитрость, что Гвендолин даже пожалела о том, что подруга не рассматривает парня в качестве возможного спутника жизни. Уж он-то наверняка не стал бы изменять ей с заезжими батрачками.

— Ты пишешь какой-то альде? — разглядела Джесмин имя и адрес на письме. — Родовитые у тебя друзья. В пансионе познакомились?

— Д... да, — отозвалась Гвен, радуясь, что хотя бы в этом никого не обманывает.

— А что нового в замке? Ты уже видела привидения? — продолжала расспрашивать собеседница.

— Да нет их там! — Гвендолин улыбнулась. Должно быть, от невыносимого характера нового владельца все призраки разбежались.

— И на пожаре никто не пострадал?

— К счастью, нет.

— А я, кстати, видел альда Торнбрана в городе, — заметил староста. — Он тоже письма кому-то отправлял.

— А я слышала, он туда к невесте наведывается, — вставила реплику Джесмин, явно порадовавшись тому, что и у них есть что рассказать гостю. — Ну, к той альде, что прежде в замке жила, а теперь съехала.

— И правильно сделала, — покивала ее мать, накрывая на стол. — Негоже, когда молодые до свадьбы под одной крышей живут...

«Флориану это, кажется, ничуть не смущало», — подумала Гвен с непонятым раздражением.

Хотя ведь глупости все это. Ну, про невесту. Небось прислуга сплетни разносит, как и о привидениях.

А на следующий день оказалось, что вовсе и не сплетни.

По приезде в замок Гвен, как обычно, сразу взялась за книги. Нужно было дождаться, когда госпожа Энельма достанет нитки и спицы. Вязала она лениво и неспешно, часто клевала носом, так что не произойдет ничего необычного, если пожилая женщина уснет над рукоделием. Булавка с жемчужной головкой была у Гвен наготове, а угрызения совести исчезали, стоило вспомнить, что в противном случае Торнбран, с которым они успели коротко переговорить, снова возьмется изображать перед прислугой несчастного влюбленного.

Улучив момент, когда ее компаньонка задремала без помощи артефактов, Гвен подобралась к ней, воткнула булавку в наброшенную на плечи женщины шаль и выглянула за дверь. Предполагалось, что маг станет ждать поблизости, чтобы продолжить урок, но в коридоре было пусто, и даже через пять минут никто не появился.

Не выдержав, Гвен сама отправилась на поиски безответственного учителя. Дошла до кабинета и остановилась у приоткрытой двери. Маг задержался не без причины, у него был гость. Гвен нахмурилась, услышав знакомый голос Карлиона Линтона. Торнбран говорил, что не желает видеть сквайра в замке, но раз впустил, на то должна быть веская причина.

— В сотый раз повторяю, — чеканя слова, говорил маг. — Артефакт не продается. Ни за какие сокровища.

Гвендолин насторожилась. Да-да, нехорошо подслушивать под дверь,

но как еще узнать, что происходит?

— Почему? — спросил Линтон.

— А почему вы так заинтересовались шаром? — вопросом на вопрос ответил Торнбран. — Впрочем, молчите. И так понятно. Хотите купить его для своей протезе. В подарок? Или просто для того, чтобы избавиться ее от необходимости приезжать ко мне? Так смею заверить, госпожа Грин прекрасно проводит время в замке.

— И в этом причина вашего отказа? — раздраженно уточнил сквайр.

— Нет. Причина иная. Раз уж вы так настаиваете на объяснениях, то я не собираюсь продавать «око духов», поскольку хочу подарить его своей невесте. Артефакт ей приглянулся.

«Невесте, — мысленно повторила Гвен. — Приглянулся». Вспомнила алчный блеск в глазах Флорианы, когда та увидела шар, и пальцы сами собой сжались в кулак. Ее шар отдадут этой... Этой?! Да она же, как сорока, кидается на все блестящее! Брошь тогда чуть ли не из рук выхватила...

— Не слышал о вашей помолвке, — произнес за дверью кабинета альд Линтон.

— Еще услышите, — пообещал маг. — Пока не время для подобных объявлений. Я в трауре, если вы помните.

Что до Гвен, то она услышала все, что хотела. И все, что не хотела, тоже.

В задумчивости она вернулась в библиотеку и села в кресло напротив спящей компаньонки.

Через какое-то время появился Эмрис Торнбран.

Остановился в дверях и с притворным умилением прижал руку к груди.

— Какая дивная картина! Когда спит, ваша надсмотрщица чудо как хороша. Взгляните, какое умиротворенное лицо, ни следа обычной злобной угрюмости. Такая милая старушка.

— Во сне все люди смотрятся мило, — мрачно согласилась Гвен. — Даже вы... хоть вчера и притворялись...

Маг взглянул на нее с тревогой. Подошел поближе.

— Кажется, настроение вашей компаньонки заразно. Или вы сердиты на меня за задержку? Простите, отвлек посетитель, явившийся с неожиданным и весьма любопытным предложением.

Гвен кивнула, принимая объяснение.

— И все? — прищурился Торнбран. — Даже не полюбопытствуете, что это был за посетитель и с каким предложением явился? К вам это имеет

некоторое отношение.

Она пожала плечами:

— Если захотите, сами расскажете. А не захотите, нет смысла спрашивать.

— Однако. — Маг озадаченно потер переносицу. — Вас словно подменили, с чего бы это?

— С того, что мне это надоело! — выпалила Гвен, вскочив на ноги. — Нравится играть со мной? Вас это забавляет? Так я вам не игрушка, альд Торнбран!

От растерянности он даже отступил на шаг. И хорошо, а то Гвен еще и пощечину ему влепила бы. Не за что? Так это в настоящий момент, а за время знакомства он столько их заслужил, что у нее руки устали бы, вздумай она рассчитаться за все обиды.

— Ко мне приезжал Карлион Линтон, — без предисловий сообщил маг серьезным тоном. — Предложил купить «око духов». Полагаю, хотел таким образом избавить вас от моего общества. Я отказал.

— Почему?

— Потому что мы еще не окончили ваше обучение и не узнали историю каменного шара.

— И что же? — Гвен недоверчиво подняла брови. — Вы так и сказали альду Линтону?

— Нет, для него я нашел иное объяснение.

— Какое?

— Такое, которое его удовлетворило.

Что ж, расспрашивать дальше бесполезно. Все, что хотел, он уже сказал. Да и нужен ли Гвендолин его ответ?

— Теперь можем заняться артефакторикой? — Эмрис Торнбран с улыбкой извлек из кармана часы на длинной цепочке. — Отыскал в дядюшкиной коллекции еще один интересный экспонат. Вам понравится.

Но Гвен тикающий артефакт не понравился. Совсем.

Артефакт ответил полной взаимностью и отказался подчиняться.

Госпожа Энельма начала храпеть...

— Не ладится у нас сегодня с уроком, — уныло констатировал Торнбран. — Быть может, повторим теорию? К слову, я собирался дать вам кое-какие книги, чтобы вы читали в спокойной обстановке. Видимо, я не очень хороший учитель. Возможно, самостоятельно вы поймете больше, чем с моими пояснениями.

— Уж постараюсь, — буркнула в ответ Гвен.

— Постарайтесь, — усмехнулся маг. — А я устрою вам экзамен. За

каждый неправильный ответ на вопрос буду... — Он умолк на миг, наткнувшись на ее гневный взгляд, и продолжил невозмутимо: — Задавать два новых. А вы что подумали?

На счастье, госпожа Энельма выдала протяжную руладу, и стало окончательно ясно, что в такой обстановке продолжать урок невозможно.

Книги Торнбран, как и обещал, Гвендолин дал. Два толстых тома. Их она и продемонстрировала встречавшему ее на обратном пути Карлиону Линтону. Говорила ведь, что ездит в замок, чтобы разбирать книги по артефакторике? Пусть увидит, что так оно и есть.

— Я был сегодня у Торнбрана, — признался сквайр.

— Я знаю, — смутилась она. — Он мне сказал. И я... Я благодарна вам за попытку помочь, но... Если бы вы купили шар, это ничего не решило бы. Все равно нужно понять, что представляет собой этот артефакт и каковы могут быть последствия моего с ним взаимодействия. Помните, что сказал тот старый маг? Я не могу просто носить с собой шар, не зная, чем это обернется.

— Простите, я не подумал об этом, — вздохнул Линтон. — Значит, вы по-прежнему планируете проводить все дни в замке?

— Пока не разберусь с важнейшими вопросами.

— Я хотел сказать, абсолютно все дни? Это ведь утомительно. Я надеялся, что вы дадите себе хотя бы один выходной... И посвятите его мне.

— В каком смысле? — не поняла Гвендолин.

— Хотел пригласить вас в одно место. Если вы согласитесь, конечно.

Просьба прозвучала так обреченно, словно альд заранее приготовился к отказу.

— Я согласна, — не раздумывая, ответила Гвен. — Завтра, если вам будет удобно.

— Прекрасно. — Сквайр с трудом скрывал радость. — Тогда я пошлю кого-нибудь к Торнбрану, чтобы предупредить, что завтра вы не приедете.

— Не стоит, — отмахнулась Гвендолин, стараясь казаться беспечной. — Я же говорила, альд Торнбран почти не помогает мне в библиотеке, ему это малоинтересно. Моего отсутствия он даже не заметит. А если заметит, не придаст значения, найдет себе другое занятие.

«Например, в город съездит, — закончила Гвен мысленно. — К невесте».

ГЛАВА 30

Утром Криспин, как обычно, заехал за ней, и Гвендолин сообщила ему, что сегодня в замок не поедет.

— Почему? — любопытствовал он.

— У меня... появились другие дела, — ответила она, запнувшись.

— Что ж, тогда я так и передам альду Торнбрану, — проговорил часовщик и посмотрел на нее так, словно хотел сказать что-то важное. — До завтра! Берегите себя.

Собираясь на встречу с Карлионом Линтоном, Гвен чувствовала себя до странности неуверенно. Ведь уже не первый раз они останутся наедине. Но сквайр никогда не позволял себе ничего предосудительного — в отличие от одного нахального мага! Однако она не сомневалась, что на сей раз сквайр задумал что-то особенное. Настоящее свидание.

Ощущая, как от волнения подрагивают руки, Гвендолин перебрала свой нехитрый гардероб и остановилась на блузке цвета чайной розы и широкой черной юбке с атласным поясом. Убрала волосы в пучок, кокетливо выпустила несколько прядей, надела шляпку. Когда раздался стук в дверь, она была уже полностью готова к выходу.

Альд Линтон тоже принарядился — украсил привычный темный костюм лиловым шейным платком. Он предложил Гвен руку, помог сесть в карету, а сам занял место напротив — спиной к кучеру. Гвендолин стало неловко от почтения, достойного благородной альды. Ведь он-то правды о ней не знал, а потому продолжал считать ее простой девушкой, обычной школьной учительницей. Но какая разница в манерах по сравнению с Эмрисом Торнбраном!

Тьфу, снова он не ко времени вспомнился.

— Рад, что вы не передумали, — проговорил сквайр, улыбаясь.

— Как я могла? — отозвалась Гвен. — Мне очень любопытно, куда мы едем. Расскажите?

— Пока нет, пусть это будет сюрприз, — заметил он. — Или вы боитесь оставаться со мной наедине? Мне следовало предложить моей экономке присоединиться к нам?

— Нет, что вы! — поспешно возразила она. Вспомнилась их первая встреча. Ей пришлось остаться в доме альда Линтона на всю ночь, но и тогда он ни словом, ни взглядом не оскорбил ее.

— Нам недалеко, — заверил собеседник, и, словно подтверждая его

слова, карета вскоре остановилась. — Придется немного пройтись пешком. Не возражаете?

— Я — с удовольствием, — улыбнулась Гвендолин. Погода выдалась на славу — теплая, солнечная. А обувь Гвен, будто специально, выбрала довольно удобную, так что ничего не имела против того, чтобы немного размять ноги.

Как на недавней прогулке, они снова оказались в лесу. Однако здесь ей бывать еще не приходилось. Над головой заливались птицы, и это место не казалось таким мрачным, как окрестности оврага. Каменный шарик уже привычно лежал в кармане юбки и не пытался ни о чем предупредить, так что Гвендолин решила, что вполне может позволить себе немного расслабиться. Выкинуть из головы мысли об альде Торнбране и об артефактах, о Гвенде и о собственном родственнике, который, считаясь опекуном, даже ни разу не навестил ее в пансионе. Теперь она маг и сама себе хозяйка.

А замужество... Может быть, все сложится, и она ответит сквайру согласием. В конце концов, не всем же суждено выходить замуж по большой любви.

— О чем вы задумались? — поинтересовался идущий рядом объект ее размышлений, и Гвен ощутила, как ее лицо заливается краской.

— Так, ни о чем. Хорошо сегодня. Тепло...

— Да, иногда природа балует и наш северный край, — согласился он. — Мы уже почти пришли. Видите?

Посмотрев туда, куда показывал ее спутник, Гвендолин заметила остатки какого-то большого строения. Увитую плющом полуразрушенную каменную стену, к которой, судя по всему, они и направлялись.

— Что это за место?

— Здесь его называют «Замок древних королей». Вернее, сейчас он уже мало похож на замок — просто старые развалины. Но с ними связано много интересного, в том числе и старинная легенда.

— Расскажите, пожалуйста! — воскликнула Гвен. Ее творческая натура тут же напомнила о себе. Ведь из легенд получаются самые интересные романы!

— Бытует мнение, что древний король, который воздвиг этот замок, не был человеком, хотя внешне почти ничем не отличался от обычных людей. Разве что высоким ростом, недюжинной силой и красотой, которая никого не могла оставить равнодушным. Однажды он встретил в здешнем лесу девушку из ближайшей деревни — может быть, даже из Трелони — и влюбился в нее. Неизвестно, чем могла привлечь его юная простушка,

однако так случилось, что спустя некоторое время она объявила родителям, что уходит к своему нареченному, и покинула деревню. С тех пор близкие ее не видели.

— Какая грустная история!

— Она говорила, что древний король похож на ветер. На летний дождь. На стихию, которую обычный человек не в силах остановить. Но замок его пользовался дурной славой, и родственники девушки побоялись приходить сюда, чтобы ее навестить. Они решили считать ее мертвой с того дня, как она ушла.

— Как страшно! — ахнула Гвендолин. — И чем же все закончилось? О ней так и не было никаких вестей?

— Ну почему же? Однажды в день ее рождения зацвела старая вишня, посаженная много лет назад. Ее даже хотели срубить, не веря, что на дереве могут появиться цветы и плоды. Посмотреть на это явление сбежалась вся округа.

— Так девушка дала знать, что жива?

— Думаю, да.

— А как вы думаете — тот король действительно не был человеком? И девушка... Что с ней стало?

— Полагаю, он был магом, — горько усмехнулся альд Линтон. — Раньше — в темные времена — их боялись куда больше, чем сейчас. А девушка... Кто знает, не приворожил ли он ее?

— Разве привороты не запрещены?

— Теперь — да, но прежде к ним прибегали куда чаще, чем вы можете себе представить. Да и в наше время, уверен, находятся нечистоплотные маги, которые привораживают за деньги либо в угоду собственной прихоти.

«А теперь в этих краях есть еще один замок с дурной славой, — подумала Гвен. — И его хозяин, которому в наследство досталась репутация злодея... Наверное, он тоже слышал эту легенду».

— Не бойтесь, сейчас вблизи развалин нет ничего жуткого, — произнес, помогая ей обогнуть поваленное дерево, сквайр. — Я решил привести вас сюда, помня о вашем увлечении.

Приблизившись, Гвендолин коснулась прохладного камня и вздрогнула. Здесь ощущалась магия! Остатки замка не могли быть артефактом, однако были пропитаны магией, точно слоеный пирог кремом.

Гвен закрыла глаза и прислушалась к своим ощущениям. Магия не казалась опасной. Если она и походила на хищного зверя, то на мирно спящего в тени деревьев. Интересно, а где похоронены бывшие владельцы? Неужели, как и дядя Эмриса Торнбрана, в склепе под замком?

На мгновение, когда Гвендолин распахнула глаза, ей почудилось, что в глубине развалин стоит высокий мужчина в черной одежде и обнимает хрупкую девушку, с плеч которой свешивается трепещущая на ветру цветастая шаль. Словно во времени образовалась прореха, позволив увидеть тех, о ком рассказывала старая легенда. Но силуэты растворились в воздухе, а вслед за ними и яркое пятно шали, еще несколько секунд мелькавшее на фоне серого камня.

— Что с вами? Гвен! — услышала она голос спутника. Карлион Линтон взял ее за плечи, развернул к себе. — Вы чего-то испугались? Что случилось?

— Н... ничего, — пробормотала она, выдыхая. — Должно быть, у меня действительно чересчур богатая фантазия.

— Этим вы мне и нравитесь. В том числе.

— Правда? — Гвендолин подняла на сквайра глаза. Сейчас альд Линтон находился совсем близко — ближе, чем когда-либо раньше. Она могла разглядеть, как именно завязан узел его шейного платка, а также увидеть небольшой порез от бритвы на щеке.

— Вы такая живая, такая удивительная, — понизив голос, проговорил он. — Я не сомневался, что у вас засверкают глаза, когда вы услышите эту легенду. Но пугать не хотел.

— Вы меня не пугаете, — отозвалась она. Во рту вдруг стало сухо. По спине пробежала дрожь, точно от внезапно налетевшего порыва ветра.

— Даже сейчас?

Он склонился над ней еще ниже, одной рукой продолжил обнимать за плечи, другой потянулся к лентам на шляпке, и те поддались, развязались, позволив снять с девушки головной убор. Гвен прикрыла глаза, почувствовала на губах чужое дыхание. Сердце встревоженно затрепетало.

Нужно ли остановить его? Но ведь Карлион Линтон — не бессовестный маг, который развлекается за ее счет. У этого человека серьезные намерения, и разве не должна она узнать, каковы его поцелуи, до того как принять или отвергнуть предложение стать его женой?..

«Должна!» — твердо решила Гвендолин и потянулась к альду. Почувствовав отклик, он сильнее прижал девушку к себе. Но, когда их губы почти соприкоснулись, вдруг раздался пронзительный крик, и из развалин, взметнувшись к небу, вылетела птичья стая. Гвен вздрогнула, неловко дернулась в сторону и зашипела от боли, ощутив под подошвой ботинка небольшой, но весьма острый камешек. Опустив глаза, она вздохнула, понимая, что романтический момент безвозвратно упущен.

— Все в порядке? — заботливо осведомился сквайр, и она кивнула в

ответ. — Я и забыл, что птицы облюбовали это место. Вот видите, будь здесь какая-то страшная магия, они бы облетали его стороной.

«Она не страшная, — мысленно ответила Гвен. — Просто очень древняя. Сюда давно не заглядывали маги».

— Думаю, углубляться в развалины мы не будем, — заметил альд Линтон. — Это может быть опасно.

— Как скажете.

— А теперь хочу пригласить вас к себе на обед, — произнес он, возвращая ей шляпку. Ее спутник вел себя так, будто ничего не произошло, и неловкость, которую чувствовала Гвендолин, тоже постепенно исчезла. Ну не случилось поцелуя, и ладно. Будут у них и другие возможности для этого. Просто не сегодня. — И, может быть, вы снова сыграете что-нибудь для меня? И споете.

— Хорошо. Только, пожалуйста, выберите песню сами. Не хочу, чтобы получилось, как в прошлый раз...

— Не беспокойтесь о том, что расстроили меня тогда. Слушать ваш голос для меня удовольствие. И играете вы — скажу по секрету — куда лучше, чем все те, чье исполнение я когда-либо слышал.

— Даже лучше, чем ваша сестра?

— Пожалуй. Только ей не говорите, если вдруг однажды встретитесь, — попросил альд, под руку ведя Гвендолин к карете. — Она сейчас путешествует вместе с супругом. Знаете, Гвен, а мне тоже захотелось отправиться куда-нибудь в поездку. Вдохнуть морской ветер, увидеть дальние страны... Что скажете? Вы со мной?

— Но... — растерялась она. — В каком качестве?

— В качестве моей жены, конечно же. Я помню, что обещал не торопить вас с решением, но, прошу, подумайте о моем предложении всерьез. Вы ведь тоже мечтаете о путешествиях, верно? Я же вижу. Вам здесь тесно, душно. Повидав мир, вы сможете написать о своих впечатлениях в новых книгах.

— Хорошо, альд Линтон. Я подумаю.

ГЛАВА 31

Вечером, вернувшись в квартирку над школой, Гвендолин переделась в домашнее платье и села к столу, на котором ее дожидались книги по артефакторике.

Но сосредоточиться на работе получилось не сразу. Вспомнился прошедший день. Прогулка к развалинам. Вязь плюща на остатках каменных стен. Призрачные силуэты — неужели действительно тот самый древний король из легенды и его возлюбленная?..

А еще близость альда Линтона. Его ладони на ее плечах, горячие даже через ткань блузки. Его слова о том, что ему тоже хочется отправиться в путешествие... вместе с ней.

Обед у него дома прошел непринужденно. Несколько вкусных блюд, накрахмаленная скатерть на столе, расторопная горничная. Приятная беседа, не касающаяся неловких тем. Хозяин особняка не напоминал о несостоявшемся поцелуе, и гостя вполне неплохо провела время. Госпожа Энельма почти не показывалась.

Как и обещала, Гвен спела для сквайра песню — такую, которая не огорчила бы его напоминанием о прошлом. А он показал ей артефакты, доставшиеся от отца. Конечно, с внушительной коллекцией альда Торнбрана их было не сравнить, но некоторые показались Гвендолин весьма любопытными. Вот только просто любоваться на них оказалось скучно — хотелось испытать их в деле, увидеть скрытые свойства, но при Карлионе Линтоне она не могла себе этого позволить. Потому предпочла сделать вид, что не слишком заинтересовалась.

Со вздохом Гвен открыла одну из выданных ей магом книг и погрузилась в чтение. Казалось, она снова вернулась в пансион, опять стала ученицей. Книга, несмотря на то что не относилась к числу художественных, захватила, и когда Гвендолин от нее оторвалась, обнаружила, что уже наступила ночь и пора спать.

Ей приснился мужчина из легенды. Древний король, на развалинах замка которого она побывала днем. У него были пронзительные льдисто-голубые глаза, заглянув в которые Гвен проснулась и ощутила, как ее бросает то в жар, то в холод. Желание использовать услышанную легенду в книге стало еще сильнее. Поскорее бы закончить с работой у мага и заняться творчеством!

А наутро все началось заново. Появление Криспина и экономки

сквайра. Дорога в замок.

Когда экипаж въехал на замковый двор, Гвен увидела стоящего на крыльце хозяина. Прежде альд Торнбран не выходил их встречать, и то, что он изменил привычкам, ничего хорошего не предвещало.

— Добрый день, госпожа Грин! — обманчиво-ласковый голос мага внушал опасения. — Рад, что сегодня вы изволили приехать. Уделите мне несколько минут для разговора наедине?

— Но... — Гвен растерянно посмотрела на госпожу Энельму.

— Ваша компаньонка может не беспокоиться, беседа не затянется. Пройдемте в мой кабинет.

В коридорах он ни разу не обернулся, чтобы проверить, идет ли Гвен следом, и ей оставалось смотреть ему в спину и гадать, чего ждать от предстоящего разговора.

— Входите. — Эмрис Торнбран распахнул перед ней дверь кабинета. — И рассказывайте.

— Что? — не поняла Гвендолин.

— Ну, уж не следующую главу приключений Арчибальда. Рассказывайте, какой недуг или стихийное бедствие помешали вам приехать вчера.

— Я решила, что заслужила выходной, — четко произнесла Гвен. Смотрела она при этом прямо в глаза мага, хотя, признаться, очень хотелось отвести взгляд и втянуть голову в плечи. — Разве нет?

— Заслужили, — нехотя признал Торнбран. — И как отдохнули?

— Чудесно.

— Чудесно, — буркнул он себе под нос. — Любопытно, какие такие чудеса показывал вам Линтон?

— Что? Откуда вы... — У Гвендолин дыхание перехватило от возмущения. — Откуда вам известно?..

— Господин Дэй, в отличие от вас, не отлынивал вчера от работы. Вот он и рассказал.

— Вздор! Криспин уехал в замок еще утром. О том, что я встречаюсь с альдом Линтоном, я ему не говорила, а сам он видеть сквайра не мог. Вы что, следите за мной?

— Отчего бы и нет? — ни капли не устыдился Эмрис Торнбран. — У вас мое имущество, вы не забыли? А вы ведете себя крайне безответственно.

— Вам ли говорить об ответственности? — вспыхнула Гвен.

— А кто еще вам об этом скажет, альда Фолстейн? — строго выговорил маг. — От опекуна вы сбежали, а в пансионе вам, видимо, не

объясняли, что молодой девушке не подобает, забыв обо всем, бросаться за мужчиной, едва тот позовет.

Изумление Гвен было так велико, что почти пересилило негодование от услышанного. Это она-то ведет себя неподобающе? Она за кем-то бросается?

— Уже второй раз вы забываете о наших соглашениях, когда поблизости появляется Карлион Линтон, — продолжил Торнбран.

— Второй? — Гвен решительно не понимала, о чем он говорит. Быть может, снова пьян? Но нет, не похоже.

— Тогда, в городе, когда я попросил вас помочь с выбором подарка. Уже не помните, как сбежали от меня? Даже о своей драгоценной рукописи забыли.

От нелепости этого обвинения голова пошла кругом.

— Что, думали, я не знал? — сердито нахмурился маг. Глаза его, как бывало, когда он колдовал или злился, потемнели и налились зеленью. — Я отлучился всего на несколько минут, а когда вернулся, вас уже не было. Альда Эдевейн сказала, что вы встретили какого-то знакомого и ушли с ним. Несложно догадаться, о ком речь. Тем паче что потом все подтвердилось, вы вернулись в деревню с Линтоном...

Гвендолин прикусила губу. Она могла бы сказать в ответ, что альда Эдевейн — просто лгунья, которая решила таким образом избавиться от компании деревенской учительницы. Но тогда бы Торнбран мог подумать, что она намеренно наговаривает на его невесту. Да и не обязана она перед ним отчитываться.

— Знаете что, альд Торнбран? Вы не мой опекун и тем более не наставница из пансиона, — заявила она. — Не вам учить меня, как себя вести и с кем общаться. Так что, если не хотите сказать ничего другого, я займусь тем, для чего вы меня наняли — вашей библиотекой.

Произнеся это, Гвен тут же вышла за дверь и тяжело вздохнула. Высшие силы, неужели это была она? Вот уж правда, с кем поведешься...

С тем же альдом Линтоном она себе подобного поведения не позволила бы, потому что сам сквайр всегда был тактичен и сдержан. А еще потому, что рядом с ним она была Гвендой Грин, скромной учительницей.

В замке Торнбран в последнее время она все чаще чувствовала себя Гвендолин Фолстейн и теперь не считала, что носит это имя незаслуженно. Ведь она, что бы ни думал когда-то ее отец, все-таки маг. А маги бывают дерзкими и не боятся говорить то, что думают.

Правда, не так много магов она знала лично. А тот, которого знала,

был, пожалуй, не лучшим примером для подражания.

Из-за случившейся между ними ссоры — хотя можно ли считать это ссорой? — о занятиях с артефактами сегодня можно было забыть. Но Гвен не стала показывать, что расстроена этим. Она примерно выполняла официально возложенные на нее обязанности: переставляла книги, сверяла названия с каталожными записями и откладывала в сторону старые потрепанные тома, нуждавшиеся в переплетчике.

Альд Торнбран появился в библиотеке, когда время, отведенное Гвендолин на работу, почти подошло к концу. Она демонстративно сделала вид, что не заметила прихода хозяина. Он не менее демонстративно откашлялся и извлек из кармана новенькую банкноту, словно только-только вышедшую из-под печатного пресса.

— Ваше жалованье, госпожа Грин. Не помню, о какой сумме мы договаривались, но этого, полагаю, будет достаточно.

— Конечно. — Гвен без промедления взяла банкноту и спрятала в карман.

Или он ожидал, что она станет отказываться? Так пусть и не мечтает после того, сколько времени и сил она потратила, разбирая его наследство! А как потратить заработок, Гвендолин придумала тут же. Перед самым отъездом заглянула в кабинет мага и положила банкноту перед ним на стол.

— Не помню, договаривались ли мы об оплате за ваши уроки, альд Торнбран, но, полагаю, этого будет достаточно.

«А могла бы новую шляпку купить!» — думала она, возвращаясь домой.

Но всерьез о своем поступке не сожалела: растерянный вид Эмриса Торнбрана в тот момент, когда она вернула ему деньги, стоил десятка шляпок. А на следующий день, встретив ее утром, маг незаметно для спутников Гвендолин вложил ей в руку записку. Она развернула ее в библиотеке, спрятавшись между книжными шкафами.

«Через час», — гласила короткая надпись.

Что именно «через час», уточнять не требовалось: к записке была подколото уже знакомая Гвен булавка.

— Что ж, раз мне заплатили за услуги, придется продолжить наши занятия, — объявил, появившись в назначенное время, альд Торнбран.

Выглядел он, как и накануне, недовольным, но Гвен не чувствовала вины. Все, что ее интересовало, — продолжение обучения. Уже скоро ей придется принять решение, которое определит ее дальнейшую судьбу, и если она выберет стезю мага, должна будет суметь доказать, что достойна этого звания.

А Эмрис Торнбран? Вряд ли он способен долго оставаться серьезным. Гвендолин не сомневалась, что уже скоро маг вернется к обычным насмешкам, так что нужно было пользоваться его нынешним настроением. Разве плохо, когда учитель, объясняя предмет, не отпускает в твой адрес шуточек и не пытается смутить фривольными намеками?

Единственное, что теперь мешало их занятиям, — храп госпожи Энельмы.

— Я получил известия из столицы, — сказал альд Торнбран, когда решил, что с учебой на сегодня можно закончить. — О нашем шаре. Вам это еще интересно?

— Да, конечно, — восторгалась Гвен. Она помнила, что он писал каким-то своим знакомым, после того как альда Эдевейн рассказала про «око духов». Просил разузнать подробности. Выходит, пришел ответ?

— Товарищ, которому я писал, подтвердил слова Флорианы, — сообщил маг. Гвен мимолетно поморщилась при этом имени, но стала внимательно слушать дальше. — «Око духов» действительно большая редкость. Такие шары изготавливают чернокожие колдуны омну, а их дар в чем-то отличается от нашего, так что подобные предметы, хоть и наделены большой силой и привлекательны этим, все же вызывают опаску у магов королевства. Мало кто хочет связываться с артефактами, которые, возможно, не получится подчинить. Известно несколько случаев, когда «око духов» привозили в королевство, но последний из них произошел около двадцати лет назад. Я снова написал своему знакомому. Попросил разузнать имена владельцев артефактов. Быть может, сведения отыщутся в архивах.

Гвен не понимала, как эта информация может помочь разобраться с ее случаем, но сама ничего иного предложить не могла. Не зная, что делать, она позволила событиям идти своим чередом.

Официальная работа в библиотеке, тайные занятия с артефактами, непродолжительные встречи с альдом Линтоном, который, как повелось, ожидал ее на обратном пути из замка. Так прошли еще два дня. Эмрис Торнбран держался с ней на диво ровно и вежливо, словно мысли его были заняты чем-то иным, от чего он позабыл о своих насмешках. Сквайр не пытался ее больше никуда приглашать. Общение с Криспином и вовсе свелось к приветствиям и прощаниям. В школе продолжались каникулы, и иногда Гвен ловила себя на том, что ей недостает звонких голосов и беззлобных шалостей учеников. В один из вечеров, когда Гвен продолжала увлеченно изучать книги по артефакторике, ненадолго заглянула Джесмин, но и с ней побеседовать, как прежде, не вышло: Гвендолин хотела скорее

вернуться к чтению, а дочь старосты думала о чем-то своем, но делиться этим настроена не была.

Казалось, течение событий замедлилось в ожидании чего-то. Гвен сама это чувствовала: что-то должно случиться. Но плохое или хорошее, понять не могла.

ГЛАВА 32

Очередной день начался как обычно: завтрак, экипаж, замок, библиотека.

Вот только Эмрис Торнбран решил удивить. Когда госпожа Энельма не без помощи Гвен задремала за вязанием, маг явился не с новым артефактом или стопкой книг, а с пухлым конвертом, на котором стоял герб Службы правопорядка.

— Получил сегодня с почтой. Решил, что вам может быть любопытно.

— Что там? — спросила Гвен.

— Помните сгоревший дом, где нашли «око духов»? Я подумал, что погибшие там люди вряд ли были бродягами, раз уж при них имелся такой артефакт. Поэтому запросил сведения обо всех пропавших в наших краях непосредственно перед пожаром. Вернее, попросил одного хорошего знакомого...

— И что? — Гвендолин заинтересованно подалась вперед. — Выяснили, кто был в доме?

— Полагаете, это так просто? — снисходительно усмехнулся маг. Как и предвидела Гвен, к нему постепенно возвращались обычные манеры, но до язвительных шуток пока не дошло. — Взгляните сами.

Он вынул из конверта растянувшийся на два листа список имен.

— Столько пропавших?! — ужаснулась Гвен.

— Увы. И это только те, на кого подали в розыск. Впрочем, большинство из них нашли. Не могу добавить «к счастью», потому как живыми отыскивали далеко не всех... А вот тех, кого не нашли, всего шестеро. Я отметил их в списке. Двоих сразу же вычеркнул: дети восьми и десяти лет сбежали из приюта, а погибшие в том пожаре были взрослыми. Далее...

Он умолк, заметив, как нахмурилась Гвен.

— Значит, детей не нашли? — уточнила она жалобно и тут же пожалела об этом: вряд ли Торнбран упустит возможность посмеяться над ее мягкотелостью — лишь услышала о детях, глаза уже на мокром месте.

Но маг не смеялся.

— Нет, — подтвердил серьезно. — Но, быть может, мальчишкам повезло, и они прибились к какой-нибудь ферме, где не помешают рабочие руки.

— Или замерзли в здешних лесах, — вздохнула Гвен.

— По сравнению с жизнью в некоторых приютах это тоже везение, — философски отозвался Эмрис Торнбран. — Лучше быстро умереть, чем ежедневно терпеть голод и побои... — Увидел ее расширившиеся глаза и покачал головой: — Книжная душа. Наверняка в романах если и упоминаются такие заведения, то пишут о них исключительно как об обителях бескорыстной заботы и высокой нравственности. В реальности все несколько иначе. Да, есть довольно неплохие приюты, где сироты ни в чем не нуждаются. А есть такие, где дети живут впроголодь, спят вдвоем, а то и втроем на одной кровати, моются раз в месяц, за малейшую провинность их порют или лишают и без того скудной пищи. Так что, если те мальчики сбежали именно из такого места, я их хорошо понимаю.

— Вы так говорите, словно сами жили в таком приюте, — заметила Гвен.

— Неделю. Но впечатлений хватило.

— Как?! — Она растерянно заморгала.

— Дядюшка постарался, — разъяснил маг. — После смерти родителей он стал моим опекуном и хотел показать, как ужасно сложилась бы моя жизнь, не будь у меня такого замечательного родственника. Или как она сложится, если я стану ему перечить... Но давайте вернемся к списку. Осталось всего четверо. Хозяин магазина готового платья в городе. Пропал за день до пожара. Его работники хватились, когда вечером он не явился проверить выручку, но шум подняли только на следующий день. Родни у него не было, жил один. Кухарка и горничная в один голос заявили, что утро он провел дома, потом вышел якобы купить газет, и больше его никто не видел. Далее — жена мельника. Отправилась к дочери в соседнюю деревню, но так до нее и не добралась. Было это за неделю до пожара. А мельница, к слову, совсем недалеко от сгоревшего дома... Еще — кучер городского извоза. Пропал вместе с каретой и лошадьми то ли в день пожара, то ли на следующий день. Извозчиков часто нанимают для поездки в окрестные имения, и они не всегда возвращаются в город в тот же день, потому точнее сказать нельзя. Одну из лошадей позже нашли. Опознали по клейму. К тому моменту ее уже несколько раз перепродали, так что не исключено, что кучер сам украл экипаж и до сих пор где-то скрывается. Вроде бы он был заядлым картежником. Далее — некая девица, весьма неразборчивая в связях за деньги... Надо же, вы даже не покраснели! А пропала та девица за три-четыре дня до пожара в процессе поиска заработка где-то на городских улицах. Но с такими это случается часто, хотя обычно их вскоре находят... — Торнбран отложил записи и посмотрел на Гвен: — Что скажете? Мог кто-то из них оказаться в том доме?

Гвендолин неуверенно пожала плечами.

— Вот и я так подумал, — кивнул маг. — Быть может, нам с вами выбраться как-нибудь на место пожара? Возможно, шар его, что называется, вспомнит? Давайте я подарю вам выходной и приглашу на романтическую прогулку?

— К месту пожара?

— Такой уж я романтик, — широко улыбнулся Эмрис Торнбран.

Романтика или нет, но они условились, как только представится возможность, съездить к сгоревшему дому. Что же до причастности к делу кого-то из списка, то Гвен размышляла об этом остаток проведенного в библиотеке времени. Еще о пропавших детях, о приютах с жуткими условиями жизни и о странных методах воспитания дядюшки мага.

Уезжая, она тоже думала об этом. И о том, сколько же в замке неисправных часов, если у Криспина каждый день есть работа, а сегодня он и вовсе сказал, что задержится, поскольку дел очень много...

Размышления оборвались внезапно.

Послышался громкий окрик. Недовольно заржали лошади, и карета, вдруг накренившись, съехала с дороги и резко остановилась. Гвен едва не слетела с сиденья и чудом успела подхватить возмущенно взвизгнувшую госпожу Энельму.

А затем раздался выстрел.

Гвен испуганно замерла и, казалось, перестала дышать, но это ее не спасло. Дверца распахнулась, и перед Гвендолин предстал ее почти позабытый кошмар: человек с закрытым черным платком лицом и пистолетом в руке.

— Выходи, живо!

У нее и мысли не возникло не подчиниться, но человек с пистолетом, видимо, решил, что она двигается недостаточно быстро. Схватив ее за руку, он выволок Гвен из кареты. Второй бандит тем же манером вытащил госпожу Энельму.

Женщина сначала тихонько причитала, а потом вдруг закричала, громко и пронзительно, с таким отчаянием, что у Гвен все внутри оборвалось. А в следующий миг она сама чуть не закричала, увидев, куда смотрит экономка. Зажала ладонью рот и зажмурилась, чтобы не видеть лежащее у колес тело кучера.

Тело было целое, а от головы осталась половина. Выстрелом бедняге снесло полчерепа, и красно-розовые брызги разукрасили черный экипаж...

— Страшно? — прозвучал над ухом Гвен зловещий голос. — Так это только начало.

Гвендолин закрыла глаза. Прозвучал второй выстрел, и рыдания госпожи Энельмы перешли в затихающий хрип...

Сердце стучало прерывисто и учащенно. В висках билась одна мысль: «Спасите меня! Спасите, спасите, спасите...» И мольба эта была обращена не к высшим силам. Те редко снисходили к простым смертным. Но один маг, оказавшийся рядом в прошлый раз, мог бы появиться и теперь.

У Гвен не имелось никаких оснований для таких надежд. Но она все же надеялась. И если тогда маг потребовал за спасение всего один поцелуй, сейчас она сама не пожалела бы и сотни...

— На меня смотри, когда я с тобой говорю! — рявкнул бандит.

Гвендолин в страхе раскрыла глаза, но смотреть в закрытое темным платком лицо не смогла. Отвела взгляд и судорожно всхлипнула, увидев лежащую на земле женщину. Госпожа Энельма уже не хрипела. Лицо ее застыло безучастной маской, а на груди по кремовому жакету расплывалось алое пятно.

«Мне она не нравилась, — вспомнила Гвен с таким чувством, словно ее отношение к пожилой компаньонке стало причиной произошедшего. — Я усыпляла ее булавкой, даже сегодня...»

— Не ожидала, что снова свидимся? — спросил человек с пистолетом. — Думала, присвоишь шарик и тебе это с рук сойдет?

«Значит, это те самые люди, что и в прошлый раз», — поняла Гвен. Выходило, что в смерти госпожи Энельмы и кучера все же виновата она.

— Что молчишь? — Бандит угрожающе ткнул дулом в грудь. Второй в это время стоял в стороне, следил за дорогой. — Шар куда дела?

«Око духов» лежало в кармане. Артефакт нагрелся так, что Гвен чувствовала его через одежду, но предупреждение об опасности, увы, запоздало.

— Отвечай!

Мужчина замахнулся, чтобы ударить ее, однако Гвен увернулась. Отступила в сторону, но бежать не пыталась. Куда бежать, когда тебя держат под прицелом? Выстрелят не в лицо, так в спину.

— Шар! Где он?!

— У меня, — ответила она, запинаясь от испуга. — Тут.

— Даже так? — усмехнулся разбойник. — Сорвала нам сделку, а сама теперь не знаешь, куда его деть? Мы должны были получить хорошие деньги за этот заказ, а из-за тебя угодили под арест. Как думаешь, наниматель, который всего на месяц прибыл в королевство, стал нас дожидаться? Нет. Отчалил за океан с нашими денежками. Обидно. А обид мы не прощаем... Шар давай!

Гвендолин дрожащей рукой потянулась к карману.

«Око духов» не пойдет ни к кому другому — это она помнила. Но что сделает артефакт с теми, кто попытается его забрать? Или что сделают эти люди, когда поймут, что отнять у нее шар не получится?

— Вещь ценная. — Мужчина не сводил с нее глаз и все так же держал на прицеле. — Значит, и покупатель найдется. Но ты ведь не дура? Учительница же, умная, должна понимать: за то, как ты нам все дело испортила, надо бы и рассчитаться. Только что с тебя взять, а? Но мы решим... Шар давай!

Увидев, что она уже достала «око духов», бандит жадно потянулся к нему. Горячий шар угрожающе сменил цвет, а когда пальцы чужака коснулись его, Гвен почувствовала, как артефакт вдруг похолодел и словно бы превратился в кусочек льда. Магия, скрытая в нем, вырвалась наружу и оттолкнула Гвендолин с разбойником друг от друга. Толчок вышел несильным, но Гвен потеряла равновесие и полетела спиной на землю. Мужчина устоял... Ненадолго.

Грянул выстрел, и разбойник рухнул как подкошенный. Второй — тот, что следил за дорогой, заметался, направляя оружие то в одну, то в другую сторону, но следующий выстрел свалил и его.

Спасение?! Или?..

— Гвен!

Услышав знакомый голос, Гвендолин вскочила на ноги и бросилась навстречу очень вовремя появившемуся Карлиону Линтону.

— Гвен, — сжимая в одной руке пистолет, второй он притянул девушку к себе, с успокоенным вздохом коснулся губами лба и тут же отстранился, чтобы оглядеть ее. — Вы в порядке? — спросил альд встревоженно. — Не ранены? Я ждал вас, где обычно, услышал выстрелы... Гвен, — он несильно ее тряхнул, — скажите же что-нибудь!

— Они... — Она всхлипнула, прижимаясь к его плечу. — Они убили госпожу Энельму...

— Вижу, — глухо выдохнул сквайр. Гвендолин подняла лицо и заметила, как потемнели от злости и боли глаза мужчины. — Им нужен был шар?.. Проклятие! Зачем только... — Не договорив, он обнял ее крепче. — Ничего, — сказал, успокаивая то ли Гвен, то ли самого себя. — Все позади. Главное, что вы не пострадали...

Но смотрел он при этом на тело своей старой няни, и сердце Гвен вновь сжалось от чувства вины.

На дороге послышался приближающийся конский топот. Альд Линтон резко развернулся, закрывая Гвен, и вскинул руку, направив пистолет на

появившихся со стороны замка всадников. Но выстрелов не последовало, хотя оружие, узнав подъехавших, сквайр опустил не сразу.

— Что тут произошло? — Эмрис Торнбран, спешившийся первым, подбежал к ним, оставив за спиной сопровождавшего его Джерома и отчего-то оказавшегося в их компании Криспина Дэй.

— На карету напали, — отрывисто ответил Линтон и по очереди указал пистолетом на мертвых бандитов. — Они.

— А их... вы? — верно оценил ситуацию маг. Окинул взглядом тела, потом посмотрел на Гвен. — Что им было нужно?

— Ваш проклятый шар! — ответил вместо нее сквайр. — Если бы не это и не ваша дурацкая идея с поездками Гвен в замок...

— Если бы не ваша дурацкая идея приставить к ней свою экономку и дать свой экипаж, — перебил со злостью Торнбран, — я сам сопровождал бы Гвен в замок, и подобного не случилось бы!

— Вы слишком самонадеянны, — процедил Линтон, не выпуская Гвендолин из объятий.

— А вы чрезмерно подозрительны, — не остался в долгу маг. — И ваша подозрительность принесла больше бед, чем моя самонадеянность.

— Это те же люди, что украли шар из замка, — тихо проговорила Гвен.

Запала у мага тут же поубавилось. Разве не он нанимал кого-то следить за выпущенными из тюрьмы преступниками? Выходит, его люди их упустили. И вообще, отчего бандитов освободили так быстро? Не Торнбран ли способствовал этому, чтобы, оказавшись на свободе, они привели его к своему заказчику?

По тому, как он смолк, Гвен поняла, что догадка ее верна.

— Нужно вызвать представителей Службы правопорядка, — прекращая ссору, произнес Карлион Линтон. — Альд Торнбран, быть может, вы пошлете своего слугу в город? А я пока провожу Гвен.

— Погодите распоряжаться. — Маг обернулся к приехавшему с ним Криспину: — Господин Дэй, думаю, вы лучше знаете, что делать.

— Во-первых, — начал тот, — в город действительно стоит послать.

— Во-первых, — с невеселой усмешкой перебил его Торнбран, — вам не мешало бы представиться.

Часовщик — или тот, кого Гвен считала часовщиком, — согласно кивнул.

— Криспин Дэй, — назвался он громко и четко. — Специальный агент Службы правопорядка.

ГЛАВА 33

От изумления Гвен приоткрыла рот. Но не только ее озадачило услышанное.

— Агент? — переспросил Карлион Линтон. — И что, позвольте узнать, означает ваш маскарад?

Криспин бросил беглый взгляд на лежащие у обочины тела.

— Продолжим разговор в другом месте, — предложил он. — Госпожа Грин, вы позволите воспользоваться вашим учебным помещением?

Он никогда не говорил с нею так официально, и непривычный тон царапнул слух. Гвен решила ответить тем же:

— Конечно, господин Дэй. Для Службы правопорядка — все что угодно.

Лжечасовщик на миг отвел глаза. Затем обратился к Эмрису Торнбрану:

— Ваш человек передаст записку в управление? Кроме того, хотел попросить вас как мага о содействии следствию. Нужно защитить это место до прибытия моих коллег. Лошадей и тела погибших придется оставить здесь. Нежелательно, чтобы на них кто-нибудь наткнулся.

— Конечно, господин Дэй, — отозвался Торнбран, копируя Гвен. — Для Службы правопорядка все что угодно.

Из чемоданчика с инструментами Криспин достал блокнот и карандаш, написал на листочке несколько слов и отдал его Джерому, приложив к записке какой-то жетон. Когда слуга уехал в город, остальные отправились в Трелони.

Альд Линтон рассчитывал на прогулку и взял с собой лошадь для Гвен. С прогулкой, увы, не сложилось, но лошадь пришлась кстати.

До школы добирались в молчании.

Гвендолин пребывала в странном оцепенении. Каменный шар в ее кармане излучал теперь спокойное тепло, приглушавшее неприятные ощущения, но полностью избавиться от них не получалось. Страшно подумать, что стало бы с ней, не появись Карлион Линтон. Но каким испытанием этот день стал для него самого! Сквайр, хоть и держался мужественно, сейчас, должно быть, испытывал горькие чувства. Он лишился няни, о которой всегда отзывался с теплотой, и сам стал убийцей. Пусть те люди и заслуживали смерти, но лучше бы это осталось на совести королевского палача...

На счастье, Талулы сегодня не было в школе, и Джесмин не караулила на крыльце. Гвендолин открыла дверь и пригласила спутников в класс.

— Понадобятся бумага и чернила, — сказал Криспин Дэй. — Не обязательно ждать людей из управления. Я могу составить протоколы допросов к их приезду...

— Быть может, прежде объясните нам, что за представление вы устроили? — строго обратился к нему Линтон. — Альд Торнбран, как я понимаю, уже в курсе.

Маг, на которого Гвен бросила укоризненный взгляд, пожал плечами:

— Господин Дэй был среди сотрудников Службы правопорядка, побывавших в замке зимой. Естественно, я узнал его при новой встрече.

— И тут же поручили чистить... часы, — припомнила Гвен.

— Я действительно учился на часовщика, — сказал молодой человек. — И в Трелони приехал, чтобы продать дом покойного родственника — это тоже правда. Я не на официальном задании. Но руководство попросило проверить кое-что, раз уж я все равно собрался сюда. — Он переглянулся с магом, точно спрашивал, можно ли говорить дальше. Тот изобразил полнейшее равнодушие, и Криспин продолжил: — Дело в том, что альд Торнбран... Сайлас Торнбран незадолго до смерти пригласил к себе человека из Службы правопорядка. Хотел заявить о некоем известном ему преступлении. Но в тот момент альд Торнбран был уже очень плох. Он заговаривался, впадал в беспамятство и не мог внятно объяснить, о чем идет речь. Говорил что-то о женском коварстве, о жажде наживы, о том, что злодеяния прикрывают любовью. Он упомянул вас, альд Линтон.

— Да? — Сквайр недоверчиво поморщился. — И что бы это значило?

— Сложно сказать. Однако, помня о... хм... всесторонней осведомленности альда Торнбрана, мое начальство не оставило заявление без внимания. Женское коварство, преступления на почве страсти, вместе с тем преследующие получение выгоды... Возникло подозрение, что какая-то женщина в вашем окружении совершила... или только замышляет совершить нечто. Возможно, направленное против вас.

— Но мне не сообщили, — нахмурился Линтон.

— Не хотели тревожить, не разобравшись. Сами понимаете, слова умирающего старика... Простите, альд Торнбран...

— Могли бы сказать, сумасшедшего старика, — хмыкнул маг. — На правду не обижаются. Не я, во всяком случае.

— Так что вы выяснили? — спросил сквайр у Криспина.

— Ничего, — ответил тот. — В вашем окружении не так много

женщин, и ни одна из них не подходила на роль преступницы. Однако потом приехала госпожа Грин...

— А я, выходит, на эту роль подхожу? — оскорбилась Гвен.

Криспин выдержал ее гневный взгляд.

— Простите, Гвенда, но поначалу — подходили. Непонятно было, в каких отношениях вы состоите с альдом Линтоном. Я только приехал в деревню, как мне сообщили, что в Трелони появилась новая учительница, которая первую же ночь по приезде сюда провела в доме сквайра...

— Потому что почтовая карета не идет в деревню! А альд Линтон не мог бросить меня ночью в мороз на станции!

— Не оправдывайтесь, — остановил ее сквайр. — Пусть ваш мнимый друг излагает свои домыслы.

— Господина Дэя можно понять, — неожиданно вступился за Криспина маг. — У госпожи Грин уникальный талант будить подозрения своим появлением. Сам подозревал ее в связи с людьми, укравшими у меня «око духов». Только посудите: лес, зима, вооруженные бандиты... и милая девушка, оказавшаяся там совершенно случайно, да еще и прихватившая между делом ценный артефакт. Кто поверит в такое? Впрочем, мои подозрения рассеялись без следа, стоило прочесть наивное сочинение госпожи Грин.

— Ну, так господин Дэй его тоже читал! — выпалила Гвен, осененная внезапной догадкой. — Это ведь вы забрали рукопись в тот день, господин специальный агент? Вы же приходили тогда в школу и заинтересовались бумагами! А потом подбросили их на крыльцо. И в комнату ко мне, думаю, влезли не о чувствах говорить!

— Что? — одновременно воскликнули Линтон и маг.

— О, ничего страшного, — сквозь зубы заверила их Гвен. — Господин Дэй полагал, что я на девичнике, и планировал провести осмотр моей квартиры... Кажется, так это называется, да?

Она не знала, как это называется. Танцы, разговоры за чаем, букеты цветов. Как называется, когда тебе пытаются влезть в душу... по служебной надобности?!

Но сейчас не время это обсуждать. Да и нужно ли это обсуждать вообще?

— Приготовлю чай, — сказала Гвендолин, направляясь к двери. — Разговор, как понимаю, предстоит длинный.

Криспин нагнал ее в коридоре.

— Гвен, я... Я был не прав по отношению к вам. И не только в своих подозрениях. Методы, которыми я пытался сблизиться с вами, чтобы

понять, замешаны ли вы в чем-то...

— Отвратительные методы!

— Простите! — Он опустил голову.

— До сих пор меня подозреваете?

— Нет. Давно уже нет.

— Отчего же вы до сих пор тут?

Криспин неловко передернул плечами:

— Мне все еще нужно продать дом. И... Если честно, есть одна девушка...

— Ни одному вашему слову больше не верю! — Гвен развернулась и хотела уйти, но вдруг остановилась. Посмотрела на молодого человека, вновь опустившего глаза. — Вы ведь говорили сейчас не обо мне? Ну, что ж... Тогда, быть может, поверю. Но хоть ее-то не обманывайте. Она только-только от другого обманщика избавилась.

Гвен поднялась на кухню, затопила плиту и поставила чайник. Приготовила чашки. Подумав, достала из шкафа печенье. В голове вертелось столько мыслей, что она даже не пыталась в них разобраться.

Стоящего в дверях мага заметила не сразу.

— Что вам нужно? — спросила раздраженно.

— Хотел узнать, как вы себя чувствуете после всего случившегося.

— Да? Отчего же не справились об этом сразу, еще на дороге?

— Тогда мне достаточно было увидеть вас живой и невредимой.

— Я до сих пор жива и невредима, — отчеканила Гвен.

Торнбран ответил странной усмешкой. Прошел в кухню.

Огляделся. Беззастенчиво макнул палец в вазочку с вареньем, как деревенский мальчишка, а не как благородный альд, и с удовольствием облизал.

— Удивительные вы, женщины, создания, — проговорил задумчиво. — Вы едва не погибли, но это волнует вас меньше, чем то, что ваш поклонник оказался вовсе не поклонником, а агентом при исполнении.

— Не собираюсь обсуждать это с вами.

— И не нужно.

Кухня была слишком мала, и Эмрису Торнбрану хватило двух шагов, чтобы приблизиться вплотную к Гвен. Она отступила еще на шаг и оказалась прижата спиной к стене.

— Что вы делаете? — пискнула тихо.

— Помогаю вам избавиться от остатков ложных чувств. — Маг склонился к ней. — Хочу, как пишут в книгах, стереть с ваших уст следы его поцелуев.

— Но... он меня не целовал...

— Да? — Губы Торнбрана вскользь коснулись ее виска. — А кто целовал?

— Никто.

— Совсем никто?

— С-совсем...

— Ох, и короткая же у вас память. Придется освежить воспоминания.

Гвен не отстранилась. Не отвернулась. Столько всего случилось сегодня: нападение, убийство госпожи Энельмы, поклонник, который не поклонник... После всего этого поцелуй был меньшим из зол... Или не злом вовсе. Теплом, нежностью. Защитой, которой Гвендолин так не хватало. Мягким обволакивающим облаком. Огнем, вспыхивающим в груди и с кровью разносящимся по всему телу...

Хотелось, чтобы так было всегда. А остальное — просто забыть.

— Ты... — Маг, тяжело дыша, оторвался от ее губ. Он смотрел так, будто видел впервые. Потом вдруг крепко прижал к себе. — Не целуй никого больше, — прошептал хрипло.

И ушел.

«Невесте своей будете приказывать, альд Торнбран!» — мысленно огрызнулась Гвен, стараясь не думать, что это сейчас было.

Она заварила чай в большом фарфоровом чайнике, поставила его на поднос вместе с чашками и вазочкой с печеньем и отнесла в классную комнату. Затем снабдила господина специального агента письменными принадлежностями, чтобы он мог зафиксировать для следователей ее рассказ. Тот получился недлинным, и Гвен подивилась этому: ей казалось, там, на лесной дороге, она пережила несколько ужасных часов, а вышло, что все произошло за несколько минут...

— Так, значит, они сказали, что их нанял некто из колоний? — уточнил Криспин Дэй.

— Нет, — сморщив лоб, припомнила Гвен. — Из-за океана... Быть может, иностранец? Но я подумала, что из колоний, ведь шар привезли оттуда...

Далее говорил альд Линтон. Его рассказ оказался еще короче. Ждал на дороге, услышал выстрелы. Поехал на звук, но потом поосторожничал и спешился. Подобрался незаметно, улучил момент...

— Вы хорошо стреляете, — заметил Криспин.

— Как и любой, живущий в этих краях, — пожал плечами сквайр. — Охота тут единственное развлечение.

Спустя какое-то время появились еще люди из Службы правопорядка и

взяли дело в свои руки. Снова расспрашивали, снова записывали. Потом отправились на место происшествия, и альд Линтон поехал с ними. Ему предстояло официально опознать тела кучера и экономки, а потом известить их близких. Печальные обязанности. Гвен не могла не сочувствовать сквайру. И слова о загадочной женщине, замышлявшей против него какое-то преступление, не шли из головы. Странно, что служители правопорядка так серьезно отнеслись к заявлению Сайласа Торнбрана. Хотя при том, сколькими секретами тот владел, он действительно мог что-то знать, и не удивительно, если решил перед смертью облегчить душу...

— Наверное, вы не захотите сейчас оставаться одна? — спросил у Гвендолин Криспин, закончив с оформлением протоколов. — Быть может, проживете какое-то время у подружки? У старосты большой дом, уверен, для вас найдется комната.

Гвен не сомневалась, что найдется, но все же отказалась. Не оттого, что не хотела стеснять семью Джесмин. Как ни странно, оставаться в одиночестве она совсем не боялась. Новые расспросы и долгие беседы, которые за ними обязательно последуют, пугали сильнее. Конечно, Джесмин и сама придет, не сегодня, так завтра, ведь слухи наверняка уже просочились в деревню, но у себя Гвен всегда могла сказать уставшей.

— Воля ваша, — не стал спорить агент Дэй. — Только прошу пока не рассказывать обо мне никому в Трелони. Я задержусь здесь на некоторое время, и образ часовщика может пригодиться.

Гвен пообещала молчать.

— Тогда до завтра, — попрощался Криспин. — Надеюсь, ночь пройдет для вас спокойно. В деревне останутся сотрудники Службы правопорядка, так что вы под надежной защитой.

— Спасибо, — благодарно кивнула Гвен. — До свидания, господин Дэй. Только вы забыли...

— Что? — встрепенулся он.

— Альда Торнбрана. — Гвен обернулась на мага, молча сидевшего все это время в углу классной комнаты, словно и впрямь надеявшегося, что о нем забудут. — Кажется, вы ехали куда-то вместе, когда наткнулись на нас на дороге. Может быть, туда еще не поздно?

— Уже поздно, — ответил за смутившегося агента маг. — Думаю, архив Службы правопорядка, куда мы собирались, уже закрыт.

— Школа — тоже, — со значением произнесла Гвендолин. — Всего доброго, альд Торнбран.

Она проводила мужчин к выходу, но, шагнув за порог, маг вдруг

вернулся:

— Гвен, вы уверены, что хотите провести эту ночь в одиночестве?

Быть может, он и не имел в виду ничего дурного. Судя по участливому тону, действительно, не имел... Но Гвендолин поняла это уже после того, как с грохотом захлопнула дверь перед его носом.

ГЛАВА 34

Ночь Гвен провела без сна.

Виной тому были не воспоминания о трагическом происшествии. Вернее, они присутствовали и, безусловно, сыграли свою роль, но... Гвендолин писала.

Впервые за долгое время она открыла свой незаконченный роман, пробежала глазами несколько страниц и внезапно поняла, что Эмрис Торнбран был прав, назвав историю Арчибальда глупой и наивной. Такой же глупой и наивной была сама Гвен, когда начала ее писать. Если сверяться с календарем, прошло не так много времени с того дня, как она оставила пансион, но, если судить по происшедшим событиям, казалось, что тут, в Трелони, она прожила целую жизнь. Жизнь, отличавшуюся от той, что была у нее прежде. Жизнь, куда больше похожую на приключенческий роман, чем придуманная Гвендолин история.

Нет, ее это не радовало. Приключения нравились ей лишь тогда, когда происходили на страницах книг. Но раз судьба дала ей сей печальный опыт, стоит ли от него отказываться?

Гвен подумала, что не стоит. Достала чистую тетрадь и принялась переписывать историю Арчибальда по-новому...

А воспоминания? Они остались, — лесная дорога, выстрелы, закрытые темными платками лица, — но теперь она разделила их с Арчибальдом, который был старше, умнее и сильнее, чем она. Он не дрожал от страха, когда его экипаж остановили разбойники, не жмурился, когда его взяли на прицел. Он ничего не боялся, ведь у него тоже был пистолет, а стрелял Арчибальд даже лучше Карлиона Линтона. А еще... Еще он был магом. Не каким-то там артефактором, ни на что не способным без зачарованных булавок и браслетов, а настоящим магом, причем очень сильным... И никто из ехавших с ним в той карете людей не погиб...

Гвен писала, и пережитый ужас отступал, смешиваясь с ее фантазиями. С каждой строчкой на душе становилось легче. С каждой законченной страницей крепла уверенность в том, что, какие бы еще преграды ни встали у нее на пути, в итоге все обязательно будет хорошо.

Когда она оторвалась от рукописи, за окном светило солнце и щебетали птицы. А в дверь кто-то настойчиво стучался.

Радуясь, что не готовилась ко сну, а значит, теперь нет нужды одеваться, Гвендолин пригладила волосы, растрепавшиеся от того, что,

обдумывая очередную сцену, она не раз и не два запускала в них пальцы, и быстро сбежала по лестнице. На миг представилось, что, открыв, она увидит направленное на нее дуло пистолета, и сердце кольнул страх. Гвен решительно отмела его в сторону, распахнула дверь и оказалась в объятиях Джесмин.

— Ох, живая! Что ж ты так долго не шла? Я чего только не надумала! Вчера, как узнала, хотела сразу к тебе бежать. Родители не пустили, сказали, что тебе отдохнуть надо. А сегодня пришла, стучу и стучу, стучу и стучу...

Пока они поднимались в комнату Гвен, подруга тараторила без умолку, и Гвендолин мысленно поблагодарила старосту за то, что проявил мудрость и не разрешил дочери прийти вчера. Вечером после всего пережитого Гвен этой трескотни не выдержала бы, а сегодня она даже умиляла.

— Бледная-то какая! — Джесмин обхватила ладонями лицо подруги. — Небось всю ночь глаз не сомкнула, после таких-то ужасов! Как ты только одна осталась? Я бы не смогла. А насмотрелась ты вчера... Мне от одних рассказов жутко было. И откуда у нас разбойникам взяться? Места-то спокойные... Кроме замка, конечно. Торнбраны себе порядком врагов нажили, отец так говорит. И на карету, верно, потому напали, что та из замка ехала...

— Нет. — Гвен с трудом вклинилась в речь подруги. — Это какие-то бродяги, хотели денег. Наверное, решили, что в карете знатная альда, вся в драгоценностях.

О такой версии они договорились с вечера с альдом Линтоном и Криспином. Эмрис Торнбран поддержал. Не стоит никому, кроме служителей закона, знать, что учительница из Трелони хранит при себе ценный артефакт.

— Точно! — подхватила Джесмин. — Видно, слышали, что такая альда в замке живет. Она-то в город перебралась, а тебе за нее страдать!

— Я не пострадала. — Гвен покачала головой. Перед взором промелькнули застывшее лицо госпожи Энельмы и кучер, у которого лица вообще не было. — Не я... Давай не будем об этом говорить! Пожалуйста. О тех разбойниках можно забыть, они никому уже не причинят вреда. Расскажи лучше о чем-нибудь другом. Наверняка у тебя немало новостей.

Джесмин сморщила носик. Видно, надеялась не рассказывать, а поговорить о вчерашнем нападении, но поняла, что Гвен неприятна эта тема, и настаивать не стала. К тому же, новостей у нее и правда набралось достаточно. Главной из них был предстоящий Праздник весны. Через две недели в Трелони должны съехаться на ярмарку жители соседних деревень

и ближайших городов. Хозяйки выставляют на общие столы лучшие блюда, музыканты и балаганщики устроят представление, а с наступлением темноты в поле за деревней зажгут высокие костры, чтобы плясать и веселиться вокруг них до утра.

Гвендолин слушала воодушевленно расписывающую праздничные обычаи подругу и думала о том, что вряд ли увидит это все своими глазами. Когда жители Трелони соберутся на праздник, она, скорее всего, будет уже далеко отсюда. Если только не решится принять предложение альда Линтона.

Вспоминая о вчерашнем нападении, Гвен вспоминала и своего спасителя. Как он появился с пистолетом в руке. Как обнимал, с беспокойством вглядываясь в глаза. Как, услышав, что приближаются всадники, закрыл собой, готовясь защитить от новой опасности... А она не нашла ни времени, ни слов, чтобы поблагодарить его. Быть может, он откажется от своего предложения после всего случившегося. Зачем ему связывать свою жизнь с девицей, принесшей столько бед? Еще и с неблагодарной...

— Прилечь бы тебе, а то за столом уснешь, — покачала головой дочь старосты. — А я пойду.

Гвендолин проводила ее до входной двери и, открыв, удивленно уставилась на продетый через ручку букетик полевых цветов.

— Снова от Криспина? — улыбнулась Джесмин, но глаза ее заметно погрузтели.

— Нет. — Гвен заглянула во вложенную в букет записку и, прочитав, убрала ее в карман. — Почерк детский. Видно, кто-то из учеников узнал о вчерашнем и решил приободрить цветами.

— О да, они тебя любят! — с радостным облегчением закивала подруга. — В поле только и говорят, что хорошо бы скорее вернуться в школу.

— В поле, наверное, и родители мечтают, как бы за партами посидеть и сказки послушать, — усмехнулась Гвен.

Простившись с Джесмин, она нашла вазу и поставила цветы.

Подумала, что и правда стоит лечь поспать. Глаза слипались, спину ломило от долгого сидения за столом. Наверняка уснет, как только голова коснется подушки. Можно не бояться кошмаров: вряд ли они прорвутся сквозь ее усталость.

Но мысли так и остались мыслями. В дверь постучали, и Гвен, вздохнув, пошла открывать новому посетителю.

На пороге стоял Карлион Линтон.

Судя по бледному лицу и залегшим вокруг глаз теням, ночь и для него прошла беспокойно.

— Добрый день, Гвен.

Приветствие прозвучало как вопрос. Добрый ли?

— Добрый день, альд Линтон, — ответила она и отступила, пропуская гостя внутрь.

Тот вошел, но остановился тут же, в коридоре, у классной комнаты.

— Я ненадолго. Хотел убедиться, что с вами все хорошо.

— Да, я...

Линтон покачал головой:

— Понимаю, как это тяжело для вас, Гвен, но свершившегося не изменить. Просто поверьте, все уже в прошлом, а в будущем вам ничего не угрожает.

Должно быть, по ее виду он заключил, что Гвендолин до утра не могла уснуть и терзалась страхами. Она не стала разубеждать. Признание; что она не спала, потому что писала роман, прозвучало бы странно, а то и неуважительно по отношению к погибшим.

— Утром я успел побывать в управлении Службы правопорядка, встретился еще раз со следователями. Они также уверены, что у людей, напавших на вас вчера, не осталось сообщников, которые могут представлять опасность. Разбойники были не местные. Наемники, промышляющие незаконными делами. Правда, убийств за ними не числилось, но, думаю, раньше их просто не могли уличить. Что до заказчика преступления, то меня заверили, что его будут искать... Но найдут ли? Боюсь, если он уехал после неудачной кражи, то теперь, когда в деле фигурируют два убийства, будет еще усерднее стараться показать свою непричастность. Но я все же надеюсь, что его отыщут, пусть даже за океаном.

— Но он ведь не поручал тем людям убийства, — сказала Гвен, заметив, с какой злостью сквайр сжал кулаки.

— Вы его оправдываете? — вспыхнул Линтон.

— Нет, но... — Гвендолин опустила голову. — Из того, что сказал тот бандит, я поняла, что вчерашнее нападение они организовали по личному почину и из мести... Мне. Я спутала их планы, когда подобрала артефакт...

— Не смейте винить себя, — сурово приказал альд Линтон. — Если и обвинять кого-либо, помимо убийц и их нанимателя, то Эмриса Торнбрана. Преступники были у него в руках, он лично передал их в Службу правопорядка, вот только об ограблении сообщить «забыл». Захотел сам поиграть в сыщика и выследить заказчика. Только расплачиваться за его

игры пришлось ни в чем не повинным людям... Он не появлялся у вас сегодня?

Гвен помотала головой.

— И не появится, — уверенно заявил сквайр. — Мы столкнулись с ним в управлении Службы правопорядка и обсудили... некоторые вопросы. В частности, отсутствие необходимости ежедневно контролировать сохранность находящегося у вас артефакта. Взять его никто, кроме вас, не сможет, вчера тому было еще одно подтверждение. Потерять вы его не потеряете, посему причин тревожить вас визитами у Торнбрана нет.

— Но...

Карлион Линтон не позволил себя перебить:

— Если вы о том, чтобы разобраться с природой артефакта, дабы скорее вернуть его владельцу, мы с Торнбраном говорили и об этом. Маг он, а не вы, ему и разбираться с подобными вопросами, если он и правда в этом заинтересован. Слова господина Гринфальда, что непосредственно для вас шар ничем не опасен, пока находится в ваших руках, Торнбран не опровергает, поэтому, если сам не торопится вернуть свое имущество, ничего страшного в том, что артефакт останется у вас еще на какое-то время, не будет. И приезжать ежедневно, чтобы взглянуть на шар, не нужно... Верно?

— Если сам альд Торнбран так считает, — Гвендолин передернула плечами. — Я ведь не маг.

Сквайр кивнул, соглашаясь с ее словами.

— Поеду, — сказал он, отступая к двери. — Нужно вернуться в поместье... Тело кучера передали родным, они сами позаботятся о погребении. А у госпожи Энельмы семьи не было. Сколько помню, она жила в нашем доме, так что заняться организацией похорон больше никому...

— Если вы хотите...

Закончить Гвен снова не позволили.

— Я хочу, чтобы вы отдохнули, — с теплом проговорил альд Линтон. — Чтобы постарались забыть вчерашний ужас и начали думать о хорошем. А кладбище — не то место, куда я желал бы вас пригласить. Но я благодарен вам за заботу.

Он поблагодарил за заботу, выраженную на словах, а Гвен вновь не сказала даже простого «спасибо» за спасение своей жизни. Вспомнила об этом, лишь услышав, как отъезжает от школы экипаж.

Зато теперь уж точно можно было прилечь, не опасаясь, что еще кто-нибудь придет. Разве что специальный агент Дэй решит что-нибудь

уточнить, но Гвендолин решила, что не станет ему открывать. Если очень надо — пусть снова в окно лезет! А остальные уже приходили. Даже те, у кого теперь вроде бы нет причин ежедневно наведываться в Трелони.

Она достала из кармана записку, которая прилагалась к букету, и перечитала короткое послание: «Надеюсь, вы по-прежнему живы и невредимы».

ГЛАВА 35

Как ни удивительно, последовать совету Карлиона Линтона отдохнуть и прекратить вспоминать о плохом оказалось не так сложно. Помогали в том Арчибальд, всего за сутки превратившийся из «пастушка», как обозвал его Эмрис Торнбран, в отважного мага, и Джесмин, на следующий день вновь примчавшаяся с утра пораньше.

— Ты вчера про праздник спрашивала...

— Я? — удивилась Гвен, которую подруга, как и накануне, оторвала от написания романа.

— Ты, конечно. Не я же? Я про это сама все знаю. И какое платье надеть, и как волосы уложить, и какую маску сделать.

— Маску? Зачем?

— Ты что! Маски — самое интересное! — воодушевилась ее вопросом приятельница. — Тебе тоже нужно будет что-нибудь придумать. Представляешь: ночь, костры, танцы... и все в масках! Танцуешь и не знаешь, с кем. А некоторые не только танцуют. — Она лукаво прищурила глаза. — Бывает, и целуются.

— В масках? — пробормотала Гвендолин. — Неудобно же.

— Смотря какие маски, — рассмеялась приятельница. — Я себе такую сделаю, чтобы ничего не мешало!

Гвен улыбнулась. Быстро же подруга забыла неверного жениха. Но в том, что помолвку расторгли не только из-за его измены, Гвендолин уже не сомневалась. Как и в том, что Джесмин знает, с кем рассчитывает целоваться под маской.

— А тебе какую? — продолжала веселиться та. — Для поцелуев или нет?

— Да я...

Гвендолин закусила губу. Хотела сказать, что, скорее всего, вообще не попадет на праздник, но ведь ей не обязательно являться в столицу именно в день возвращения опекуна? Почему бы и не повеселиться? Напоследок...

— Так какую хочешь? — ткнула ее в бок Джесмин.

— Потом придумаю, — пообещала Гвен.

Мысль, что развлекаться она будет после нападения, унесшего жизнь двух человек, не казалась совсем уж кошунственной, но на душе становилось неудобно. Однако, как оказалось, даже Карлион Линтон собирался прийти на праздник.

Сквайр появился в школе сразу же после ухода Джесмин.

— Жизнь продолжается, Гвен, — сказал он, когда разговор коснулся начавшихся в деревне приготовлений. — Уверен, жители Трелони искренне переживают из-за случившегося, но они тяжело трудились в последние недели и ждали этого праздника, чтобы заслуженно отдохнуть от забот. К тому же, это многовековая традиция, не нам ее нарушать. И госпожа Энельма любила Праздник весны, она всегда приходила на ярмарку. Не вижу лучшего способа почтить ее память, чем по мере сил помочь в организации мероприятий.

— Вам, должно быть, очень тяжело без нее? — предположила Гвен. — Кто теперь занимается домом?

— Справляюсь, — заверил сквайр. — Госпожа Энельма за долгие годы поставила все так, что слуги хорошо знают свои обязанности. А теперь еще Белинда... Белинда Дельвен вызвалась помочь. Не стал ей отказывать. Не знаю, пойдет ли это на пользу моему дому, но Белинде не помешает заняться каким-нибудь делом.

Гвендолин не сомневалась, что единственное, что двигало Белиндой, когда она предложила свою помощь, — желание находиться поблизости от Карлиона Линтона. Но не сообщать же ему об этом, раз он сам не понимает подоплеку поступков кухни бывшей жены?

После ухода альда Линтона Гвен планировала продолжить работу над романом, но сначала решила поесть. С прекращением занятий Талула стала реже приходить в школу и почти ничего не готовила на учительской кухне, приносила для Гвен то, что стряпала дома для семьи. Так им обоим было удобнее.

Сегодня накрытые салфеткой тарелки на столе дразнили запахом свежей сдобы, яблок и корицы. Но Гвен даже воду для чая вскипятить не успела, как снова услышала стук внизу.

Пришлось спускаться и открывать. Но перед дверью никого не обнаружилось. Только дверная ручка, как и вчера, цвела пучком пурпурной ветреницы и незабудок.

Записка тоже имелась. Гвен развернула ее, вернувшись в коридор.

«Не хотел бы напугать, но я у вас за спиной».

— Что? — Гвен ошарашенно застыла. — Что вы тут делаете? — спросила, не оборачиваясь.

Хорошо бы, если бы все оказалось розыгрышем и ей никто не ответил.

— Приехал повидать вас.

Не розыгрыш.

Гвендолин вздрогнула при звуках знакомого голоса, но не повернулась.

— Зачем? — проговорила тихо. — Альд Линтон сказал, вы говорили о том, что нет смысла ежедневно проверять сохранность шара.

— Говорили, конечно, — хмыкнул Эмрис Торнбран. — Я не решился спорить с таким метким стрелком. Но я ведь не прошу показать шар! Я приехал увидеться с вами, а это, согласитесь, совсем другое. К слову, увидеться и смотреть на вас со спины — тоже разные вещи. Почему вы не обернетесь?

— Даю вам возможность исчезнуть так же, как вы появились.

— Не выйдет. — Гвен по голосу слышала, что маг улыбается. — Я вошел через дверь, а вы ее сейчас загораживаете.

— Дверь была закрыта.

— Была, — не спорил он.

— И как это называется?! — возмутилась Гвендолин, все-таки развернувшись к нему.

Жуткий владелец жуткого замка стоял в дверях классной комнаты и на фоне парт, расположенных за его спиной, особенно походил на нашкодившего мальчишку.

— Проникновение в чужое жилище? — предположил он в ответ на возглас Гвен. — Можно спросить господина Дзя, он лучше знает.

— Зачем вы приехали? — повторила она серьезно.

— Вы заплатили мне за уроки, я просто обязан преподавать вам весь запланированный курс.

— Боюсь, в плату не вошли дорожные расходы учителя.

— Какие там расходы? — отмахнулся маг. — От замка до вашей деревушки рукой подать. Я ведь добираюсь не в скрипучей карете, а верхом и короткой дорогой.

— Короткой? — Гвен вспомнила глубокую длинную впадину с отвесными склонами, тянущуюся вдоль заброшенного пути. — Но ведь она небезопасна!

— Волнуетесь обо мне? — прищурился Торнбран. — Приятно знать. Но не беспокойтесь, я намного осторожнее и, надеюсь, умнее тех баранов, что регулярно падают в овраг.

«Зато такой же упертый», — вздохнула про себя Гвен.

— Все-таки хорошо, что вы пришли, — сказала она вслух.

— Да? — Маг усмехнулся. — Я знал, что вы будете рады.

— Мне нужно с вами поговорить, — продолжила Гвендолин, пропустив самодовольную реплику мимо ушей. — Обсудить один вопрос.

— Слушаю вас. — Он притворился серьезным.

— Мне придется уехать в ближайшее время. Вероятно, насовсем.

— Куда? — нахмурился Торнбран.

— В столицу. Подруга, с которой мы обменялись именами и документами, и мой... вернее, теперь уже ее жених пришли к взаимопониманию, и она открылась ему. На счастье, он оказался благородным человеком и не изменил решения взять ее в жены, но хочет сделать это без обмана, по закону. И поставить в известность моего опекуна. Мне нужно объяснить с опекуном лично, а после этого, сами понимаете, использовать имя Гвенды я уже не смогу, как и вернуться сюда...

Гвен все ждала, когда же маг спросит, какое отношение он имеет ко всему этому, но Торнбран слушал, не перебивая.

— «Око духов», — напомнила она. — Артефакт все еще привязан ко мне. Ваш артефакт. Я же не могу увезти его с собой!

«Значит, вы никуда не поедете», — предположила она, каким будет его легкомысленный ответ.

— Когда вы собираетесь ехать? — спросил вместо этого Торнбран.

— Через две недели, скорее всего. Мой опекун сейчас в отъезде и как раз к этому сроку должен вернуться.

— Тогда еще есть время разрушить привязку, — пожал плечами маг. — Не стоит беспокоиться об этом, решение в любом случае найдется. А у нас появилась дополнительная причина продолжить занятия.

— Наверное, но... возможности для этого уже нет. Если свои поездки в замок я еще могла объяснить работой, то найти оправдание вашим визитам будет нелегко.

— Зачем искать оправдание тому, о чем никто не узнает? — удивился маг. — Коня я оставил в лесу под защитой от посторонних глаз. К вам тоже добрался незамеченным.

— Все тайное рано или поздно становится явным, — напомнила Гвен. — И тогда получается еще хуже. Я верю, что вы не желаете мне зла, но... вам недостает благоразумия.

— О да, — мрачно усмехнулся Торнбран. — Зато у вас его достанет на двоих. Тем не менее позавчера в лесу у Карлиона Линтона совершенно случайно оказалась вторая лошадь, еще и под дамским седлом. С ним вы без опаски проводите время, и возможные слухи вас не волнуют. Я же такого доверия не заслуживаю.

— Полагаю, вы понимаете, отчего так происходит, — быстро проговорила Гвен, чувствуя, как кровь приливает к щекам. — Вам лучше уйти. Раз вы сами говорите, что решение найдется, обсудим, как быть с артефактом, после. Пожалуйста.

— Хорошо. — Маг согласился так быстро, что она даже почувствовала что-то, похожее на разочарование. — Уйду, но прежде... Не угостите меня чаем?

— Чаем? — удивленно переспросила Гвен.

— Да. От пирога тоже не откажусь. У вас же есть пирог? С яблоками, я чувствую запах. И, кажется, чайник уже закипел.

Чайник! Позабыв о незваном госте, Гвендолин бросилась вверх по лестнице. Чайник подпрыгивал на плите, из носика с шипением выплескивался кипяток, а из-под крышки валил пар.

Гвен схватила стеганные прихватки, но их у нее тут же отобрали.

— Позвольте мне. — Эмрис Торнбран отодвинул ее в сторону. — Похоже, ваш зверь взбесился. Видите, как плюется? Это может быть опасно.

После того как ее спасли от бешеного чайника, не угостить отважного рыцаря чаем с ароматным пирогом было уже невозможно. А поскольку мало у кого получается чаевничать в тишине, на маленькой кухоньке постепенно сам собой начался разговор. О магии, конечно. Об артефактах. Гвен понимала, что Торнбран намеренно пытается увлечь ее беседой, чтобы она пересмотрела отношение к его предложению, и мысленно дала себе зарок, что не пойдет у него на поводу. Но рассказывал маг интересно, отчего бы не послушать?

— Вам нужно продолжать обучение, — произнес он, подводя итог всему сказанному. — Если планируете связать свою жизнь с магией...

— Как? — перебила она. — Я думала об этом, но пока не представляю, как магия поможет мне устроиться в жизни. Я не говорю о полагающихся по закону привилегиях. Возможно ли с помощью дара... зарабатывать?

Альду Торнбрану, владельцу огромного замка, коллекции редких артефактов и солидных банковских счетов не понять таких забот, но для Гвен ответ на этот вопрос был важен. Ведь не исключено, что ей придется самой обеспечивать свое существование.

— У меня не так много знакомых женщин, чья работа связана с использованием дара, — начал Эмрис Торнбран. — Честно сказать, работающих женщин среди моих знакомых вообще немного... Но жена моего друга, Киллиана Ристона, как раз одна из них. Помните, мы покупали свадебный подарок? Он, к слову, пришелся по душе. Так вот, Алита Ристон — сотрудница Службы правопорядка. Они с Киллианом познакомились благодаря ее работе. Позже продолжили знакомство в замке Торнбран. Наверняка вы слышали о том, что там было зимой. Разоблачение

преступника — полностью заслуга Алиты... Как у вас глаза блестят. — Гвен смутилась, когда маг улыбнулся ей через стол. — Хотите узнать подробности той истории?

Конечно, Гвен хотела!

Рассказчиком Эмрис Торнбран был действительно замечательным, и Гвендолин казалось, что она наяву видит заснеженный лес, в котором буран замел дороги и отрезал древний замок от королевства. Видит людей, собравшихся в большой столовой. Старого хозяина, которого живо нарисовало воображение, хрупкую девушку, чей образ подсказала память, хранившая изображение со свадебной фотографии. Видит мужчину с той же фотокарточки и альду Эдевейн, такую же красивую и высокомерную, как и сейчас, но напуганную происходящим вокруг. Видит огромное, обвитое алыми и зелеными лентами полено в камине. Видит, как гости во главе с Эмрисом идут по тропинке в вечернем зимнем лесу, а сопровождающие их слуги освещают путь фонарями. Видит кровь на кинжале и заколдованную траурную брошь...

— Что же дальше? — воскликнула она, когда рассказ вдруг прервался, и вместо замка перед глазами опять возникла знакомая кухонька.

— А дальше — мне пора. — Маг поднялся из-за стола. — Чай я выпил, пирог съел. Как и говорил, покидаю вас. Спасибо за угощение.

— Вы это специально! — обиделась Гвен.

— Конечно, — не стал отнекиваться Торнбран. — Если хотите узнать окончание истории, я доскажу ее завтра. Но прежде устройю вам обещанный экзамен. Так что готовьтесь. Или мне все-таки не приходится?

«Это только затем, чтобы узнать, чем все закончилось, — убеждала себя Гвен, раскладывая на столе книги. — Да и артефакторика мне пригодится». Рукопись она со вздохом убрала в ящик. Все же выбирать между навязываемым опекуном замужеством и Арчибальдом было проще. Намного сложнее выбирать между Арчибальдом и... магией... Да, магией и интересными историями, которые, возможно, однажды превратятся в новый роман...

Экзамен Гвендолин не сдала. Не ответила аж на три вопроса. Но о таинственных событиях в замке ей все же рассказали. В обмен на обещание к следующему дню подготовиться получше. Правда, на следующий день она вновь оказалась не готова, потому что вечером, вдохновленная захватывающим рассказом, забыла о книгах и вернулась к Арчибальду. Пришлось пообещать, что к следующему дню она точно все-все выучит...

ГЛАВА 36

Гвен не нравилось чувствовать себя лгуньей. К счастью, подобное чувство посещало нечасто и появлялось, как правило, только в присутствии Карлиона Линтона. За прошедшие дни сквайр приезжал в деревню дважды — к старосте, чтобы обсудить приготовления к празднику. Но и в школу заглядывал. В первый раз ограничился недолгой беседой, во второй — принял приглашение выпить чаю. Как выяснилось из разговора, он сейчас был занят делами в поместье и часто ездил в город, в том числе из-за продолжающегося расследования. Но порадовать результатами пока не мог.

— А что Торнбран? — спросил между делом. — Не появляется?

— После того как вы с ним все обговорили? — уточнила Гвен, не решившись на откровенную ложь.

Альд Линтон хмыкнул, показывая, что не верит ни в какие договоры с магом. Правильно в общем-то не верил, учитывая, что вчера за этим самым столом Эмрис Торнбран вычерчивал для Гвен магические символы стихий...

— Видел его вчера в городе, — обронил сквайр, отпив из чашки душистый травяной чай. — Но подходить не стал. Мы ведь и правда все уже обсудили, да и Торнбран был не один. Вряд ли ему понравилось бы, вмешайся я в его беседу с альдой Эдевейн.

— Да? — Гвен прикусила губу. Заметила непонимающий взгляд собеседника и закивала. — Да, наверное, не понравилось бы.

«Вчера в городе — это вечером или утром?» — спросила саму себя. Не днем — днем были магические символы и прочее. А после, значит... или до?..

— Она весьма мила, — заметил альд Линтон, и Гвендолин не сразу поняла, что он говорит о Флориане. — Хочется верить, что женитьба пойдет Эмрису Торнбрану на пользу. Женщины вообще благотворно влияют на мужчин. У каждого из нас достаточно недостатков, но ради женщины, которая тебе небезразлична, возникает желание измениться к лучшему. Или даже изменить мир вокруг, лишь бы заслужить ласковый взгляд или благосклонную улыбку...

Говоря это, он смотрел на Гвен. Не нужно было обладать большим умом, чтобы догадаться, что речь уже не об Эмрисе Торнбране и альде Эдевейн.

— А... — Гвен чувствовала, что должна сказать что-нибудь в ответ, и

ляпнула первое, что пришло на ум: — Как поживает госпожа Дельвен?

Сквайр изменился в лице.

— Почему вы спросили? — поинтересовался он с непонятным подозрением.

— Просто так. Вы говорили, она вызвалась заменить госпожу Энельму...

— Госпожу Энельму нелегко заменить, — хмуро произнес Карлион Линтон. — У Белинды, во всяком случае, не вышло.

— Значит, вам снова нужна экономка?

— Моему дому нужна хозяйка, — проговорил сквайр, но продолжать разговор, к которому Гвендолин сейчас была не готова, не стал.

Беседа свернула к обсуждению праздника, а вскоре и вовсе заглохла. Альд Линтон уехал, а Гвендолин осталась наедине с ворохом непонятных даже ей самой мыслей.

Пыталась отвлечься историей Арчибальда, но герой, казалось, был категорически не согласен со всеми предлагаемыми автором решениями. Мужчина — попробуй, пойми его! Гвен с раздражением захлопнула тетрадь и взялась за магические книги.

Наука тоже не давалась. Но стоит ли волноваться? Ну, не ответит на вопросы. Как будто ее наставника это расстроит!

Убедиться в верности таких выводов у Гвендолин не получилось. Торнбран не пришел. Только в приоткрытое навстречу весеннему теплу окно влетел бумажный голубок.

«Сегодня вынужден отменить урок, — прочитала Гвен, развернув прилетевшее письмо. — В качестве извинения приглашаю завтра на романтическую прогулку. Помните, я вам обещал?..»

Далее были указаны время и место, но Гвен не утруждала себя запоминанием условий встречи, на которую не собиралась. Пусть Флориану приглашает. Романтик!

— Романтик, — пробормотала, вспоминая.

Обещал ведь, точно. На подобную прогулку альда Эдевейн вряд ли отправится. С чего бы утонченной альде интересоваться сгоревшими домами?

А вот Гвендолин решила поехать.

Приготовилась с вечера. Сложила на столике у зеркала шпильки и атласные ленты, чтобы вплести в волосы. Обычно она делала простую прическу, но эти ленты очень шли к голубому платью, вот и достала. А голубое платье надумала надеть взамен темного повседневного, потому... потому что оно подходило к лентам!

— Собираетесь куда-то? — заметила Талула, принесшая утром завтрак.

— Да нет... Дома буду. Скоро снова начнутся занятия, нужно подготовиться. Дети ведь многое могли забыть за эти недели.

— А я опять пироги пекла. — Служанка выложила на стол увесистый сверток. — Вот, кусочек побольше принесла. Гляжу, нравятся они вам. А сразу и не подумаешь, что в эту тростиночку столько сдобы за раз влезает!

— Вкусно же, — смутилась Гвен, задавшись на миг вопросом, польстило бы Талуле, узнай та, как оценил альд Торнбран ее выпечку. От последнего пирога и крошек не осталось.

— Вкусного вы еще не пробовали! — рассмеялась женщина. — Вот на ярмарку хозяйки расстараятся, поглядите, сколько лакомств будет. Хотя, что на них глядеть, когда есть надо? А после на танцах все растрясется. Вы же собираетесь?

— Думаю...

— Тут и думать не о чем! Понятно, что вы еще в тех ужасах, вот и развеетесь. Даже сквайр придет, а у него хлопот, поди, не меньше вашего. И что ни день, то новые.

— Новые? — забеспокоилась Гвен. — Что-то еще случилось? Альд Линтон приезжал вчера, но ничего не рассказывал.

— Он и не станет о таком говорить. Да это и не проблемы... Кому стыд, кому смех. Смеху больше. Альд Линтон не тот человек, чтобы о нем стали лишнее болтать. Да то и не о нем вовсе...

— Можешь объяснить нормально?! — вспылила Гвендолин.

— А что объяснять? — пожалла плечами Талула. — Девуцу он одну в дом пустил. Родственницу бывшей жены. А у них, видать, вся порода бесстыжая. Девуца та вроде помогать взялась, вместо госпожи Энельмы. Только не в экономки метила, а в хозяйки. Соседка моя в доме альда Линтона прислуживает, так рассказывала, совсем эта особа ему проходу не давала, как собачонка следом бегала. А после... — Служанка хихикнула, но тут же напустила на себя строгий вид. — После совсем стыд потеряла. В чувствах, понимаете ли, ему призналась...

— Призналась все-таки? — вздохнула Гвен. Смеяться над Белиндой ей не хотелось. И бесстыдной она ее, в отличие от деревенских сплетников, не считала. Скорее отважной. Гвен не хватило бы на такое духу даже в високосный год. — И что альд Линтон?

— А что он? Пытался спокойно эту дуреху вразумить. Так она в слезы, целую истерику устроила...

— Погоди-ка, — спохватилась Гвендолин. — Откуда об этом знают в деревне?

— Ну, так... — Талула стушевалась. — Слышали же люди...

Было бы замечательно, если бы эти люди держали все услышанное при себе. Гвен и думать не желала, что могут говорить о ней самой. Она ведь и у альда Линтона была, и в замке...

Но отказаться от встречи с Эмрисом Торнбраном эти опасения ее не заставили.

В назначенный час она вышла из школы и поспешила к опушке леса. Нырнула за высокие кусты и перевела дух. Сердце взволнованно колотилось, хоть вряд ли ее кто-то заметил: школа на окраине деревни, а все жители с утра трудятся в поле. И все же было тревожно.

Узкая тропинка отыскалась именно там, где указал в записке маг. Начиналась она у приметного дуба, точнее, двух дубов, сросшихся стволами, и через пять минут вывела к широкой просеке, на которой уже ожидала коляска, запряженная парой лошадок.

— Доброго дня, Гвен. — Эмрис Торнбран соскочил с подножки и подал ей руку. — Вы пунктуальны.

— Вы тоже, — пробормотала она. Устроилась на сиденье и растерянно кивнула кучеру — немолодому пышноусому мужчине, приветствовавшему ее добродушной улыбкой.

Идя сюда, она отчего-то думала, что маг будет один. Тем и объяснялось ее волнение, ведь тогда это было бы очень похоже на свидание. Но присутствие кучера и открытый экипаж, в котором, по сути, нельзя остаться наедине, отменяли все страхи. Хотя, наверное, странно опасаться Эмриса Торнбрана после того времени, которое они провели вдвоем на ее кухне. И вел себя маг вполне пристойно...

— Шар при вас? — спросил он, когда коляска тронулась с места. — Мне подумалось, он может опознать место, где был найден. А вы почувствуете его реакцию. Возможно, увидите что-то, какие-то образы...

Гвендолин поежилась, представив, что чужая память коснется ее сознания. А вдруг это будет память кого-то из погибших в огне? Вдруг она почувствует то, что чувствовали они?

— Вам страшно? — Торнбран дотронулся до ее плеча. — Не бойтесь, я буду рядом.

— Я не боюсь.

Она отвернулась, сделав вид, что любит природой, а потом и правда залюбовалась. День выдался на диво погожий. Лес заливал солнечный свет, яркие лучи расцвечивали листву тысячами оттенков зеленого. Вдоль

просеки пестрели цветы, а небо было высоким и чистым.

Ехать оказалось совсем недалеко. Не успели они с магом завести разговор, как коляска остановилась у развалин, темнеющих на фоне яркой зелени. Пожар основательно разрушил небольшой дом. Крыша ввалилась внутрь, бревенчатые стены, поврежденные пламенем, рассыпались. Уцелело выложенное из камня крыльцо, но вместо двери высилась гора обугленного дерева. Время понемногу заносило пепелище землей, и кое-где на нем уже проросла трава.

Удивительно, что из дома смогли достать тела. Еще удивительнее, что тут отыскался сравнительно небольшой шар.

Гвен достала из кармана артефакт и сжала в ладонях. На вопрос спутника, почувствовала ли она что-нибудь, покачала головой. Просто с ним ей спокойнее.

— Прогуляемся немного? — предложил Эмрис Торнбран. — Быть может, нужно время?

Они обошли развалины, но «око духов» по-прежнему молчало.

— Шар ничего не помнит, — сказала Гвен, когда они, сделав круг, вернулись к коляске. — Это место ничего для него не значит.

— Он слишком привязался к вам, — улыбнулся маг. — И все остальное потеряло смысл. Так бывает.

Почудилось, маг говорил не только об артефактах, но продолжать мужчина не стал.

— Не мешало бы найти очевидцев тех событий, — сказал деловито. — Я не жил тогда в замке, а люди, с которыми беседовал, поведали о пожаре лишь в общих чертах.

— Может, альд Линтон помнит о том происшествии? — предположила Гвен.

— Обязательно вспоминать Линтона? — поморщился Эмрис Торнбран. — Сомневаюсь, что он приезжал поглазеть на пепелище.

— Точно не приезжал, — подал голос сопровождавший их кучер. — Не до того ему было... Простите.

— Нет-нет, продолжайте, — велел вознице маг. — Очень любопытно, чем таким важным был занят тогда наш дорогой альд Линтон, а главное — откуда вам это известно?

— Жена моя в тот год у него служила, — стушевался кучер. — А занят был... Так супруга его как раз после пожара и сбежала. На второй день... или на третий. Дождалась, пока муж поедет в город сестру провожать, и велела срочно собрать вещи, а там и экипаж за ней прибыл. Видать, сговорила с любовником...

— Мы интересовались пожаром, а не сплетнями, — строго напомнила Гвен.

Кучер пристыженно смолк.

— Ваша жена все еще служит у Линтона? — спросил у возницы маг.

— Да нет, аккуратно после того случая расчет получила. Хозяйки-то в доме не стало, так и работы меньше. Мужчине, пусть и альду, много ли одному надо?

Эмрис Торнбран согласно кивнул в ответ. Затем двинулся вокруг пепелища. Гвендолин пошла следом.

— Вы тоже о ней подумали? — спросила шепотом. — О Ребекке Линтон? Сбежала сразу после пожара, живет сейчас в колониях... Бандит сказал, что их наниматель оттуда. А она может быть той коварной женщиной, о которой предупреждал ваш дядя... Да?

Маг поглядел на нее с интересом:

— Считаете, это связано? Шар и слова моего дяди?

— Но шар ведь тоже был одно время у вашего дяди. Перед смертью тот говорил о какой-то женщине, а когда умер, шар практически тут же попытались украсть. Разве это — не связь? И Криспин сказал, что в окружении альда Линтона нет подозрительных женщин. Отчего никто не вспомнил о его бывшей жене?

Эмрис Торнбран с одобрением улыбнулся, и Гвен, гордая собой, приосанилась. А некоторые еще говорят, что женщинам чужда логика!

Впрочем, гордиться пришлось недолго.

— О ней вспомнили в первую очередь, — сказал маг. — И проверили. Агент Дэй просто не стал говорить об этом при Линтоне. Согласно данным таможи его бывшая жена и Фергал Брунмар покинули королевство почти три года назад и с тех пор проживают в колониях. На родину ни он, ни она не возвращались.

— Фергал Брунмар — это?..

— Ее любовник, — без ложной стыдливости подтвердил Торнбран. — Он дружил с Карлионом Линтоном и вел какие-то дела с мужем его сестры, у того своя торговая компания. Но и дружба, и партнерство были забыты в один день. И не только это. По некоторым данным, альд Брунмар планировал жениться. Не думаю, что по любви, девушку он, кажется, не видел, но тесно общался с ее отцом. А тот — не последний человек в правительстве, и, хотя о помолвке не объявляли, после произошедшего счел свою семью оскорбленной. Некоторые полагают, Брунмар оттого и не горит желанием возвращаться в королевство. К тому же близкой родни у него тут нет. Его семья жила в столице, и после свирепствовавшей там эпидемии...

Простите.

Гвен отвела взгляд. Она забыла, что альд Торнбран собирал информацию и о ней. Но сейчас ведь разговор не о Гвендолин Фолстейн, чью семью также не обошла жестокая болезнь.

— Продолжайте, — попросила она тихо. — Интересно, что вы еще узнали.

— В общем-то больше ничего. Брунмар и Ребекка Линтон в колониях. Активно путешествуют, судя по тому, как часто меняются города, откуда она шлет письма тетушке, а он отправляет платежные поручительства. Сведений о регистрации их брака нет. Кто-то говорит, что Брунмар не хочет связывать себя с разведенной женщиной, но есть версия, что это она не желает узаконить их отношения, рассчитывая со временем найти другого покровителя. Якобы дела альда Брунмара уже не так хороши, он вложил в невыгодный проект и прогорел... как будто...

Маг замер, вперив невидящий взгляд в развалины. Казалось, его посетила какая-то догадка. Но, если и так, делиться ею он не захотел.

— Вы были знакомы с альдой Линтон? — спросила Гвен, когда маг повел ее к коляске. — Мне... Мне говорили, что я на нее похожа. Это так?

Вопрос давно не давал девушке покоя, но странно, что она задала его именно Эмрису Торнбрану. Тот пригляделся к ней и с улыбкой кивнул:

— Похожи. Как и с настоящей Гвендой Грин, например. И еще с очень многими незнакомыми вам девушками. Не обижайтесь, Гвен, но у вас достаточно типичная внешность для уроженки королевства.

— Конечно. — Она ничуть не обиделась. Лишь подумала, что с яркой красотой типичных уроженок южных колоний, каковой являлась Флориана Эдевейн, ей точно не сравниться.

— Я видел Ребекку Линтон только однажды, — продолжил маг. — Приезжал к дяде, когда в замке еще устраивались приемы. Красивая женщина... Даже не так: женщина, знающая, что она красива, и пользующаяся этим. Помню, как Линтон скрипел зубами, когда вокруг нее собирались поклонники. Она — магичка. Слабая, но такое чувствуется... — Торнбран снова задумался, но тут же тряхнул головой. — Едемте. Верну вас в деревню, а мне еще нужно успеть в город.

— В город? — вырвался у Гвен разочарованный возглас. — Вы не... Я думала, мы сможем разобрать тот раздел о привязке артефактов. И еще у меня есть пирог.

— Пирог — это чудесно, — мечтательно протянул Эмрис Торнбран. — Но в другой раз, хорошо?

ГЛАВА 37

На следующий день «другого раза» не случилось. И через день — тоже.

Гвен ждала. Пирог черствел. Сначала она прятала его от Талулы, чтобы та не решила, что ее выпечка вдруг разонравилась, а потом понемногу скормила птицам.

Эмрис Торнбран не появлялся. Верно, в замке, а еще вернее — в городе у него нашлись дела поинтереснее.

Устав ждать, Гвендолин после завтрака взяла тетрадку и отправилась на прогулку, решив, что на свежем воздухе работать над книгой будет приятнее, чем в комнате. Когда впереди показалась знакомая фигура, Гвен остановилась, борясь с малодушным желанием свернуть в кусты. Но ее уже заметили.

— Доброе утро! — поприветствовал Криспин Дэй, приподняв шляпу.

— Здравствуйте, — смущенно отозвалась Гвендолин. Он больше не был тем молодым человеком, который когда-то танцевал с ней и провожал до дома, а как вести себя с этим новым Криспином, она не знала.

Хотя он ведь тоже не догадывался, что она не дочь фермеров и гораздо выше его по происхождению. Ее отец разорился, но при жизни не потерял права зваться альдом. Как и она сама.

— Мы можем поговорить? У вас есть время? — осведомился специальный агент Службы правопорядка. — Я сейчас никуда не спешу.

— Да, — ответила Гвен, заметив, что в руках у агента небольшой блокнот. Наверное, записывал туда данные и свои мысли по ходу следствия. Вот бы посмотреть!

Они прошли еще немного и сели на импровизированную лавочку, бывшую некогда крепким стволом дерева.

— Вы на меня сердитесь? — нарушил молчание Криспин.

— Нет. — Гвендолин улыбнулась, понимая, что говорит правду. — Сейчас не сержусь. А вы меня больше не подозреваете?

— Нет, — тоже улыбнулся он. — И да, я действительно читал вашу рукопись. Прошу меня простить за то, что сделал это без разрешения.

— Ничего страшного. Правда, я ее переписываю — после всего, что случилось. А если вдруг для новой истории мне понадобится консультант с вашим опытом, могу я...

— Конечно! Я дам вам адрес, по которому мне можно написать

письмо.

Гвен записала. Отчаянно хотелось спросить, как идет расследование, но она понимала, что едва ли у собеседника есть право разглашать данные следствия. И все же очень жаль, если она уедет в столицу, так и не узнав правду!

После полудня в деревню приехал альд Линтон. Зашел к старосте, а тот повел его к месту, где устанавливались ярмарочные ряды и помосты для артистов, чтобы показать, как продвигаются приготовления. Гвендолин узнала об этом от забежавших в школу учеников. Похоже, дети и правда соскучились по урокам, по крайней мере тем, на которых рассказывали о битвах и путешествиях, и Гвен это было приятно. Но оттого, что пришлось обманывать детей и обещать, что после праздника они встретятся на занятиях, в душе осталась горечь.

Когда сквайр появился в школе и ребятня упорхнула из класса всполошенной стайкой воробушков, Гвен даже вздохнула с облегчением.

— Радостно видеть вас такой, — улыбнулся альд Линтон, которого убегающие озорники едва не сбили с ног.

— Какой? — не поняла Гвендолин.

— Такой, как прежде. Заботливой учительницей, окруженной детьми.

— А, вы об этом...

Гвен выдавила ответную улыбку и вновь ощутила горечь обмана. Такой, как прежде, она уже не будет.

— Честно сказать, я к вам по делу, — признался альд Линтон. — Не знаю, как вы к этому отнесетесь. Я получил приглашение от госпожи Фриберты...

У Гвендолин помимо воли вырвался тяжелый вздох. Осуждения у сквайра это не вызвало.

— Да, я понимаю. — Вздохнул и он. — В приглашении — просьба обязательно приехать с вами. До тети Фриберты дошли слухи о нападении на экипаж, и она хочет убедиться, что с нами обоими все хорошо. Во всяком случае, так она написала, и у меня нет оснований не верить, но...

— Почему вы продолжаете это общение? — не выдержала Гвен. — Вам ведь оно неприятно.

— Не знаю, — удрученно развел руками Карлион Линтон. — Наверное, потому что хорошо представляю себя на месте госпожи Фриберты — одиноким, никому не нужным стариком.

— Откуда такие мысли? — удивилась Гвендолин и тут же в смущении опустила глаза, подумав: не она ли сама их источник. Ведь ответа на свое предложение сквайр так и не получил.

— Я собираюсь поехать, — сказал он. — Если вы откажетесь, обещаю не настаивать. Если согласитесь, буду очень рад и сделаю все, чтобы визит не затянулся.

«Госпожа Дельвен тому поспособствует», — продолжила про себя Гвен. Ей вовсе не хотелось встречаться с кузиной бывшей альды Линтон, но сквайр, видимо, чувствовал себя виноватым перед Белиндой и отчасти поэтому собирался принять приглашение. А что будет, если Белинда снова заведет с ним откровенный разговор? Отчаянная натура, хотя с виду и не скажешь. Присутствие тетушки вряд ли удержит ее от опрометчивых поступков. Да и присутствие Гвендолин — тоже.

— Я поеду с вами, — решила она все-таки.

После того как Карлион Линтон спас ее от убийц, может она хотя бы попробовать спасти его от нападков влюбленной девицы? К тому же у госпожи Фриберты угощали неплохим чаем и бисквитами. Пироги Талулы, конечно, ничем не хуже, но если теперь их не с кем есть...

«Поеду!» — назло непонятно кому думала Гвен, собираясь в гости.

Наградой за ее отвагу была благодарная улыбка альда Линтона, заехавшего в назначенное время, и украшенный кремом и засахаренными фруктами торт, который подали к чаю в доме тетушки Фриберты вместо обычных бисквитов.

— Заказала его в городской кондитерской, — с гордостью сообщила хозяйка. — Моей кухарке подобное не по силам, а сегодня очень хотелось подать что-то особенное!

Радость от того, что «дорогой Карлион» и «милая Гвенда» благополучно пережили встречу с бандитами, старушка выражала так искренне, что Гвендолин устыдилась своих сегодняшних попыток отговорить сквайра от визитов к родственницам бывшей супруги.

Да и Белинда вела себя на диво сдержанно. Не заводила, как в прежние приходы Гвен, разговоров о Ребекке, не цитировала отрывков из писем, воздерживалась от намеков, что кому-то следует начать новую жизнь с достойной женщиной. Госпожа Дельвен была мила и немногословна. Подумалось: будь она такой всегда, скорее привлекла бы внимание альда Линтона. Хотя, быть может, она сама поняла это и теперь взялась воплощать в действительность новый план по завоеванию его сердца?

— Присаживайтесь к столу, — пригласила Белинда. — Я разолью чай.

— И торт! — напомнила госпожа Фриберта. — Дорогая, не забудь торт! Его нужно порезать. Я специально велела подать торт целым, чтобы вы увидели его во всей красе. Но он ведь не для того, чтобы им любоваться!

— Я порежу, тетушка, — смиренно кивнула госпожа Дельвен.

Альд Линтон поглядывал на нее с удивлением, точно не узнавал. Еще больше он удивился, когда первую тарелку с тортом Белинда поставила не перед ним, а перед хозяйкой дома. Потом — подала угощение гостям.

— Уверена, вы подобного не пробовали, — прощепетала с улыбкой.

Гвен отломилась ложечкой маленький кусочек и согласилась: действительно, очень вкусно. Но слишком сладко.

Потянулась к чашке... и замерла. Лежавший в кармане каменный шар, с которым она не расставалась последние недели, нагрелся.

— Что же вы, милочка? — сидящая слева от нее тетушка Фриберта проглотила торт и тоже взялась за чай. — Вам не нравится?

Шар буквально раскалился. Чудилось, он вот-вот прожжет карман и упадет на пол. «Враждебная магия, болезни, яды», — пронеслось в голове. Магов, кроме нее, тут нет. Болезни? Нет, конечно... Яды? Она ела торт, и шар молчал...

Чай!

Не отдавая себе отчета в том, как это выглядит со стороны, Гвендолин схватила хозяйку за руку и не позволила донести чашку до рта.

— Что вы делаете?! — взвизгнула тетушка.

Золотистый напиток выплеснулся на скатерть.

Белинда охнула.

Карлион Линтон от неожиданности поперхнулся... чаем...

— Не пейте! — выкрикнула Гвен. — Не...

Сквайр поднял на нее недоумевающий взгляд и вдруг закашлялся. На его лбу выступила испарина, лицо покраснело. Линтон потянулся к галстуку, попытался ослабить узел...

— Поздно, — мрачно проговорила Белинда Дельвен. — В книге написано, что хватит и одного глотка. Ты тоже должна выпить... — Она вперила в Гвендолин горящий ненавистью взгляд. — Пей!

— Что ты такое говоришь? — закудаhtала госпожа Фриберта.

— И вы пейте! — вскочив, рывкнула на тетушку Белинда. — Все должны это выпить!

«Сумасшедшая!» Гвен сорвалась с места. Она бросилась на помощь альду Линтону — тот уже задыхался, — но Белинда схватила с блюда с тортом нож и преградила ей путь.

— Ты все равно ответишь, — прошипела она. — Ответишь за то, как поступила со мной...

Гвендолин попятилась.

Рука потянулась к «оку духов». Взгляд заметался, перескакивая с лица

Белинды на нож в ее руке, потом на стол, на испуганную хозяйку и Карлиона Линтона, с хрипом откинувшегося на спинку стула... И опять — на лицо Белинды и на нож. Лицо искажала злоба. На нож налипли кусочки крема...

— Знаешь, как долго я ждала? — спрашивала сумасшедшая, подступаясь к Гвен. — Как радовалась, когда Ребекка сбежала с этим лощеным придурком? Как надеялась потом... Три года, даже больше... Но я ждала бы еще. Он не смог бы долго жить один, никто не может... А я была рядом. Только я! Я!.. Пока не появилась ты. И меня выгнали. Выставили на посмешище... А теперь вы умрете за это. Все...

— Девочка моя! Как ты можешь?! — Тетя Фриберта картинно взмахнула руками.

— А вам давно пора сдохнуть! — рыкнула в ее сторону «девочка» и снова уставилась на Гвен. — И тебе пора!

Взмах ножом заставил Гвен отступить еще на шаг.

Взгляд все так же выхватывал разрозненные фрагменты единой картины. Белинда, перепачканный кремом нож, госпожа Фриберта на грани истерики... альд Линтон, который вот-вот упадет со стула...

— Думаешь, тебе это поможет? — Белинда Дельвен указала острием ножа на шар в руке Гвен.

— Поможет. — Она сжала артефакт. — Это — мой оберег...

Гвендолин не поняла, что случилось раньше: госпожа Фриберта закричала или Карлион Линтон с грохотом рухнул на пол? Или это произошло одновременно?

Белинда обернулась на шум, и Гвен рванулась вперед. А когда поняла, что не успеет миновать разъяренную девицу, вновь замахнувшуюся на нее ножом, замахнулась в ответ...

Нож разрубил воздух.

Удар достиг цели.

Каменный шар глухо стукнулся о голову Белинды. Та покачнулась, выронила нож и упала...

Госпожа Фриберта заверещала.

— Альд Линтон! — Гвен наконец смогла подбежать к Карлиону. Опустилась на колени и стала его тормошить: — Альд Линтон, очнитесь!

Он не отвечал. Зато на вопли хозяйки примчалась служанка и присоединилась к ору:

— Высшие силы! Что творится?! Госпожа Фриберта...

— Госпожа Фриберта в порядке, — оборвала визгливые вопли Гвен. — Помощь нужна не ей. Срочно пошлите за доктором!

— А...

— Доктора, живо! — со злостью выкрикнула Гвендолин.

Она не видела, как выглядит со стороны, но служанка не решилась спорить, а тетушка прекратила стенать и притворилась, что в обмороке...

— Альд Линтон, пожалуйста... — еле слышно шептала Гвен, глядя в побелевшее лицо сквайра, и понимала, что доктор вряд ли успеет. — Пожалуйста!

На обращенную непонятно к кому просьбу вдруг откликнулось «око духов». Артефакт, который Гвендолин все так же держала в руке, налился теплом и силой.

«Помоги мне!» — Гвен потянулась мыслями к сияющему шару. Положила его на слабо вздымающуюся грудь умирающего, прижала ладонями.

«Помоги! Ты же можешь... Мы вместе можем»...

Вместе.

Она не знала, откуда пришло к ней это понимание, но знала, что все делает правильно.

Вместе.

Шар — источник силы. Она — источник жизни.

Магия мертва, если маг не вложит в нее частичку себя.

Гвен отдала не частичку — она отдала столько, сколько было нужно, не думая о том, что артефакт способен ее выпить.

Сначала ощутила, как теплый камень остывает в ладонях, потом перед глазами поплыл туман, и она провалилась в него без мыслей и чувств...

ГЛАВА 38

В себя Гвендолин пришла в чужой просторной комнате.

Она лежала на широкой кровати, заботливо укрытая поверх одежды мягким одеялом. На столике рядом неярко горела лампа, а у темного окна стоял незнакомый Гвен мужчина.

— Очнулись? — улыбнулся он ей. — Как вы себя чувствуете?

— Где я? — спросила она. — И кто вы?

Страх не было. «Око духов» в ее руке словно приросло к ладони и не выпало, пока Гвен пребывала в беспамятстве. Сейчас артефакт был спокоен. Значит, угроза отсутствовала.

— Я — доктор... — Незнакомец представился, но имя оказалось слишком неразборчивым — у Гвендолин из головы еще не выветрился туман. — Мы находимся в доме альда Линтона. Вас обоих привезли сюда сотрудники Службы правопорядка.

— Обоих? — переспросила Гвен. — Альд Линтон...

— Он жив. И скоро будет полностью здоров. Благодаря вам. И все же замечу, что с вашей стороны было крайне неразумно решиться на такое.

Гвендолин не знала, какое «такое» доктор имеет в виду. Она закрыла глаза и с облегчением вздохнула: Карлион Линтон жив — это главное.

— Да, вам следует отдохнуть, — произнес врач. — Но прежде я все же должен вас осмотреть, а потом господин из Службы правопорядка просит уделить ему несколько минут.

Гвен кивнула, а затем вдруг, вспомнив о случившемся, вскочила и села на кровати. Правда, силы тут же ее покинули, и она вновь упала на подушки.

— Что такое? — забеспокоился доктор. — Что-то болит?

— Нет, — испуганно прошептала Гвен. — Но... тот человек из Службы... Я убила госпожу Дельвен, да? Меня арестуют?

Медик посмотрел на нее с удивлением и неожиданно рассмеялся.

— Нет, вы никого не убили, — замахал он руками. — У той особы на диво крепкий череп. К слову, наукой доказано, что чрезмерно крепкие, рано сросшиеся в младенчестве черепные кости являются причиной различных отклонений в умственном развитии. Если у госпожи Дельвен выявятся подобные отклонения, вместо тюрьмы она окончит свои дни в специализированной лечебнице.

Гвендолин чувствовала себя совершенно разбитой. Голова кружилась,

глаза слипались. В таком состоянии меньше всего хотелось обсуждать дальнейшую судьбу Белинды Дельвен. Потом Гвен обдумает все. Может быть, даже пожалеет девушку, которую неразделенные чувства толкнули на преступление. Возможно, подобному сюжету найдется место на страницах ее романа. Сейчас же Гвен ответила на вопросы доктора, позволила тому проверить состояние ее склер и послушать сердце и, успокоенная известием, что альду Линтону ничего не угрожает, а сама она к утру полностью восстановится, захотела поспать. Однако ее ждала беседа с человеком из Службы правопорядка.

На счастье, человек этот был ей хорошо знаком.

— Вы отважная девушка, Гвенда, — сказал Криспин, присев на стул у кровати. — Теперь мне вдвойне стыдно за то, что когда-то подозревал вас вместо того, чтобы обратить внимание на Белинду Дельвен. Однако она казалась такой... невзрачной...

«Альд Линтон также считал ее невзрачной и едва не поплатился за это», — подумала Гвендолин.

— Так вы полагаете, что старый альд Торнбран говорил о ней? — спросила она агента Дэя. — Разве это возможно? Мне ее поступок показался спонтанным...

Криспин покачал головой.

— Спонтанно ни у кого не находятся в спальне яды, на изготовление которых уходят недели, — проговорил он. — Госпожа Дельвен хранила немало книг на эту тему и регулярно практиковалась. Она вела дневник, в котором записывала, какие яды готовила и как использовала. Поначалу ее жертвами были животные. Потом она решила испытать снадобья на тетушке. Но не сразу. Начала травить ее примерно полгода назад, малыми дозами, чтобы это походило на медленно развивающуюся болезнь. Сайлас Торнбран был еще жив и мог каким-то образом об этом узнать. Возможно, когда он решил заявить в Службу правопорядка, уже не помнил имени женщины, знал только то, что она в родстве с альдом Линтоном. Мы же ошибочно посчитали, что опасность грозит самому сквайру... Хотя в итоге так оно и вышло.

— Она травила тетю? — воскликнула Гвен. — Тогда это точно не от отчаяния.

— Сложно сказать. — Криспин неуверенно передернул плечами. — Следователи постараются разобраться. Но мне кажется, тут все смешалось. Сначала был расчет, желание получить наследство и избавиться от опеки родственницы, потом — отчаяние. Белинда Дельвен влила яд прямо в чайник, а значит, и ее чай был отравлен. Она говорит, что собиралась

выпить его, как и все.

Выходит, доктор прав. У Белинды рано срослись черепные кости, но совсем не срослась жизнь, и она сошла с ума.

— Специалист Службы правопорядка сказал, что яд очень сильный, — продолжил агент Дэй. — Альд Линтон непременно умер бы, если бы не артефакт. Но и такая мощная вещь его не спасла бы, не будь у вас талантов для ее использования... Гвен, скажите, отчего вы держите в тайне свой магический дар?

Она не растерялась от этого вопроса. Просто не поняла его. А когда смысл услышанного все же дошел до нее, пожала плечами.

— У меня есть определенные способности, но они невелики, я даже нигде не училась. Когда шар попал ко мне, случайно установилась связь... Но вы знаете об этом. Наверное, потому у меня и получилось его активировать. — Немного правды, немного лжи. Подобное объяснение должны принять. — Только не говорите альду Линтону. Пусть считает это заслугой артефакта. Не хочу, чтобы он чувствовал себя обязанным.

— Но ведь он спас вас тогда в лесу...

— Он — мужчина, — улыбнулась Гвен, с трудом справляясь с зевотой. — Мужчинам положено быть отважными. А мне привычнее оставаться обычной учительницей... Понимаете?

Криспин что-то ответил, но слов она не разобрала. Обессиленному организму, как говорил доктор, требовался покой, и Гвендолин уснула, невежливо оборвав беседу с представителем закона.

Проснулась она оттого, что кто-то крепко держал ее за руку. Открыла глаза и не поверила, что это уже не сон: на полу у ее постели сидел Эмрис Торнбран.

— Вы?! — прошептала Гвен изумленно. — Как вы сюда попали?

Маг — а это определенно был он, а не ночное видение — усмехнулся:

— Раз уж двери этого дома закрыты передо мной, пришлось воспользоваться окном. Разве герои романов поступают не так?

— Не только герои, — фыркнула Гвен. — Агенты при исполнении — тоже.

Случай, рассердивший ее когда-то, теперь казался просто забавным. И не только ей.

— Вот так юные романистки и добывают бесценный жизненный опыт, — негромко рассмеялся Эмрис Торнбран.

Все это время он продолжал держать Гвен за руку. Спohватившись, она попыталась вырвать ладонь, но пальцы мага сжались крепче.

— Зачем вы?.. — выдохнула она, оставив попытки высвободить

руку. — Зачем вы здесь?

— До замка дошли слухи, что ты едва не умерла.

Гвендолин сжалась от обиды. Получается, нужно оказаться на грани смерти, чтобы он наконец-то вспомнил о ней?

— Вы напрасно спешили сюда, альд Торнбран, — проговорила она. — Опасность грозила вовсе не мне.

— Вам тоже, альда Фолстейн, — отозвался он резко, сдавив ее руку так, что Гвен тихо охнула. — Вам тоже. Вы взялись использовать артефакт такой мощи, не выучив даже основ магии.

— Мой учитель куда-то запропал, — буркнула она. — Или вы волновались об артефакте? Так вот он, ничего с ним не стало.

Она показала магу «око духов», которое сжимала в другой руке.

— Прекрасно, — без воодушевления кивнул Эмрис Торнбран. Отпустил Гвен и потянулся к каменному шару.

Она ожидала, что артефакт вот-вот изменит цвет, но тот даже не нагрелся. Позволил магу коснуться переливчатого бока, а когда Гвен от растерянности разжала пальцы, Торнбран легко поймал шар, не дав тому упасть.

— Да, — кивнул, повертев его в руке. — С ним все в порядке.

— Разве? — Гвендолин удивленно моргнула. — Но вы... Вы его держите!

— Держу. — Маг поглядел на нее, прищурившись. — И что это значит?

— Что вы теперь можете забрать его.

Грустный вздох рвался с губ, но она смогла его сдержать. К этому ведь все и шло. Он заберет шар, она уедет...

— Нет, пока не могу. — Торнбран вложил шар в ее ладонь. — Он все еще привязан к вам.

«Но это ненадолго», — слышалось в его словах.

Гвен отвернулась, стиснула зубы.

— Расскажите, как это было? — попросил маг. — Что вы чувствовали, когда использовали «око духов»? Помните, мы договаривались, что вы станете описывать свои ощущения от работы с артефактами?

— Записывать, — поправила Гвен. — Я запишу. Потом. А сейчас ночь, и я очень хочу спать. Доктор сказал, мне нужен отдых. А вам... нужно идти...

— Да, конечно.

Он даже не сдвинулся с места. И на Гвен, как оказалось, когда она взглянула на него, не смотрел — с любопытством разглядывал висящую на

стене картину.

— Странно, — проговорил задумчиво. — Я не знаток живописи, но этот пейзаж определенно помню. Не так давно видел его на благотворительной выставке в столице, работа какого-то знаменитого художника... Это же не может быть оригиналом?

Гвендолин заинтересованно приподнялась. Посмотрела на картину и покачала головой. Она тоже не считала себя знатоком живописи, но принадлежать кисти именитого художника эта работа никак не могла. Скорее ее писала старательная пансионерка, не лишенная некоторого таланта. За годы учебы Гвендолин встречала немало таких.

— Картина очень известна? — спросила она мага. — Тогда, скорее всего, продаются открытки с ее изображением.

— Наверное, — согласился Торнбран, не понимая, к чему она клонит.

— В пансионе мы часто срисовывали пейзажи с открыток, ведь за окнами не всегда подходящий вид. А эту картину, думаю, рисовала сестра альда Линтона. Я видела в доме другие ее работы. Наверное, они тоже скопированы, потому что пейзажи там самые разнообразные, и море, и горы... Хотя... ведь она много путешествует...

— Точно! Я слышал, как Линтон хвастался кому-то в тот вечер, что его сестра прекрасно рисует. Показывал какие-то акварели.

Гвен не понимала, отчего это так заинтересовало мага. Она услышала лишь «в тот вечер», и кровь прилила к щекам.

— Альд Торнбран, можно спросить вас? — В другой ситуации она не отважилась бы на такой вопрос. Но сейчас, ночью, в чужом доме, когда он сидел на полу у кровати, на которой полулежала, кутаясь в одеяло, Гвен, что могло ее смутить? — Скажите... зачем вы поцеловали меня тогда? Вы ведь говорили, что подозревали меня после встречи в лесу...

— Подозревал, — подтвердил он. — Думал, что сделаю, когда встречу воровку. Как отомщу за то, что выставила меня дураком. А когда и в самом деле встретил, на ум не пришло ничего ужаснее поцелуя.

Да уж, тогда это действительно было ужасно. А теперь... Теперь он и не пытался сделать ничего подобного. Наверное, Гвен должна была радоваться этому.

— Вам нужно отдохнуть, — сказал Эмрис Торнбран, когда она закрыла глаза, прячась от его взгляда. — Спите. И спасибо, что помогли разгадать тайну картины.

Тайна картины. Звучало как название романа.

— Вам это было так важно? — удивилась Гвен.

— Я говорил, неразгаданные секреты манят. Жизнь полна ими.

Прежде я этого не замечал, но после того, что случилось зимой в замке, стал внимательнее. Загадки встречаются на каждом шагу, но и разгадки, если присмотреться, лежат на поверхности.

— Видимо, страсть к секретам у вас семейная. Ваш дядя также увлекался ими.

Взгляд мага похолодел.

— Неудачное сравнение. Вы ведь не хотели меня обидеть, Гвен?

— Нет, я... — Она поняла, отчего он нахмурился, и почувствовала себя неловко. — Я подумала о сегодняшнем происшествии, о том, что ваш дядя откуда-то знал о Белинде Дельвен... Откуда?

— Это еще одна тайна. Постараемся разгадать и ее. Потом. Сейчас вам нужно поспать.

— Но...

— Я уйду, как только вы уснете. Дождаться утра и встречи с Линтоном не стану, поверьте. Вы ведь тоже вернетесь завтра к себе?

— Да, конечно. Не могу же я остаться в этом доме?

Она могла. Но сейчас и думать об этом не хотела...

Утро прошло суетливо и скомканно.

К Гвендолин опять заглянул доктор, расспросил, как она себя чувствует. Узнав, что хорошо, велел плотно позавтракать и выпить не меньше двух чашек сладкого чая. При мысли о чае по спине пробежал холодок, но Гвен хотелось скорее вернуться в деревню, и пренебрегать советами медика она не стала.

После завтрака ей разрешили навестить альда Линтона. Ему доктор пока не разрешал вставать с постели, а вместо сытного завтрака предписал строгую диету. Но обещал, что это лишь на два дня.

Криспин выполнил просьбу: ни он, ни его коллеги не сказали Карлиону Линтону, что Гвен — маг. Однако они поведали ему, что спасением он обязан находившемуся при ней артефакту, и сквайру хватило этого, дабы возвести Гвен в ранг героини. Ведь она не растерялась, смогла отбиться от Белинды, бросилась к нему со своим шаром... Любой бросился бы, но, наверное, альду Линтону хотелось видеть в ее поступке иные мотивы, помимо простого и понятного желания оказать помощь тому, кто в ней нуждался.

А Гвен желала поскорее распрощаться с альдом и вернуться домой. Успокоить Джесмин, до которой наверняка уже дошли слухи, что подруга-учительница снова угодила в опасную передрагу. Узнать, не пекла ли Талула пирогов, а если пекла, попросить кусочек побольше. Ей же доктор

велел хорошо питаться, а Эмрис... Эмрис Торнбран неспроста спрашивал, когда она возвратится в деревню! Наверняка он придет...

Но он не пришел.

В Трелони увлеченно готовились к празднику, так что происшествие со сквайром и деревенской учительницей, в результате которого оба чудом остались живы, никого не поразило. С куда большим жаром обсуждали, что старший плотник поранил руку, и неизвестно, успеют ли подмастерья соорудить без него ярмарочные помосты.

Джесмин, конечно, повздыхала, поохала, потискала подругу. Но ведь все остались живы, а значит, был двойной повод радоваться и со всей деревней готовиться к гуляньям.

Талула сказала, что от той бесстыдной девицы ничего хорошего ждать не стоило, и принесла огромный кусок пирога. Только есть его Гвендолин вновь оказалось не с кем.

Все та же Талула пересказывала слова своей родственницы Клары, работавшей в замке. Выяснилось, что хозяин сейчас очень занят. Каждый день ему приходило множество писем, и, если он не сидел в кабинете, читая их и составляя ответы, то ездил в город. Слуги шептались, что к «той альде»...

Но можно ли верить слугам и слухам, а тем более слухам, которые разносят слуги?

ГЛАВА 39

Джесмин и Талула уговаривали ее так долго и настойчиво, что у Гвендолин исчезли все сомнения. Ну разве она увидит такое в столице? Да, там тоже проводятся маскарады, и об одном из них она даже писала в романе, подключив воображение и вспомнив мамины рассказы. Однако если исходить из того, что Гвендолин было известно о ее дяде, он тот еще нелюдим и едва ли захочет сопровождать ее на подобные мероприятия, особенно узнав, какой фокус она выкинула, сбежав из пансиона. А прорих связей у нее не имелось — ни родных, ни друзей, ни знакомых.

Одна в целом мире.

Встряхнувшись и отогнав тоскливые мысли, Гвендолин с головой ушла в подготовку к празднику. Платье она выбрала то же самое, что уже надевала на прием в особняке альда Линтона и в день рождения Джесмин, поскольку другими нарядами, годящимися на роль праздничных, обзавестись не успела. А маску ей преподнесла дочь старосты, сопроводив подарок комментарием: «Мало ли, а вдруг тебе захочется кого-нибудь поцеловать!»

— Сомневаюсь, — отозвалась Гвен, примеряя перед зеркалом украшенную перьями и блестками зеленую — под цвет платья — полумаску, оставляющую нижнюю половину лица открытой. Собственное отражение вдруг показалось принадлежащим кому-то другому. Совершенно иной девушке. Смелой, решительной, не чета прежней.

— Помочь тебе с прической? — предложила Джесмин.

— Нет, спасибо, сама справлюсь.

— Тогда увидимся на празднике!

Сложную прическу Гвендолин решила не делать, но и привычный строгий пучок с платьем и маской никак не сочетался. А потому она попросту распустила волосы, позволив им свободно ниспадать на плечи и спину. Облачилась в платье, спрятала маску, для которой еще не пришло время, в сумочку на поясе и вышла из здания школы, ощущая, как замирает сердце в радостном предчувствии чего-то хорошего, что ожидало ее впереди.

На празднике собралась вся деревня Трелони, но много оказалось и приезжих. Торговцы разложили на столах разнообразные товары, от которых рябило в глазах. Почтенные матери семейств расхаживали, присматриваясь и торгуясь. Ребяшня носилась вокруг. А молодежь больше

привлекали другие увеселения.

Несколько юношей и девушек, включая дочку старосты, наряжали весеннее дерево, которое представляло собой высокий шест, установленный вертикально посреди широкой площади.

— Присоединяйся! — Джесмин бросила Гвен моток разноцветных лент. — Видишь, как красиво?

— Красиво, — согласилась она. Ярко, празднично. Весна, обновление. Словно обещание счастья и новой жизни для каждого.

А для нее наступало время, когда закончатся дни, проведенные в Трелони. Вот только об этом пока никто не знал и даже не догадывался. Разве что Эмрис Торнбран. Но ему-то что? Гвендолин вернет ему шар и уедет, а он отыщет для себя новое развлечение.

Поймав себя на том, что ищет его взглядом среди толпы, Гвен вздохнула. Что благородному альду — да еще и магу — делать на деревенском празднике? В здешних местах он не пользовался людской любовью, и как почетного гостя его, в отличие от Карлиона Линтона, едва ли пригласили.

Сквайр должен был приехать позже — к началу выступления заезжих артистов. А пока всех вокруг переполняло радостное нетерпение. Покончив с украшением весеннего дерева, которое теперь обвивали не только ленты, но и венки из свежесобранных цветов, Джесмин потащила Гвендолин к качелям и каруселям, привезенным из города. Не слушая возражений, усадила на деревянную лошадку, которая тут же стронулась с места. На мгновение Гвен зажмурилась, ощутив летящий в лицо теплый ветер, который раздувал волосы, точно пушинки одуванчика.

Когда же Джесмин попыталась заставить учительницу присоединиться к какой-то игре, она улизнула под предлогом того, что хочет что-нибудь купить на память о празднике. Однако у столов с товарами собралось очень много народа, так что, боясь помять платье, Гвендолин выбралась из толпы. Перевела дух и вернулась к приятельнице.

Очень вовремя — та как раз целовалась с Криспином. Вернее, целовала его в щеку, пока агент Службы правопорядка стоял навтыжку с таким видом, будто сдавал сложный экзамен. Окружавшие их участники игры и просто собравшиеся поглазеть хихикали, и Гвен тоже не смогла удержаться от смешка, но тут же прикрыла рот ладонью.

— Будешь играть? — обрадовалась Джесмин ее появлению. Неизвестно, что рассказал ей Криспин Дэй, но сейчас подруга, кажется, уже не чувствовала никакой неловкости и не считала себя предательницей.

Гвендолин решительно помотала головой.

— Тогда пойдем перекусим чего-нибудь!

Угощением на празднике заведовала жена старосты, которая и сама прекрасно готовила. От сдобренных гречишным медом печеных яблок по всей округе разносился пряный аромат корицы, маленькие — на один укус — пирожки со сладкими начинками таяли во рту, а тем, кто желал чего-нибудь посуше, предлагались такие же, но с курицей и рисом. Запивали все это сидром и компотом.

Утром Гвен толком не завтракала, так что не отказалась ни от пирожков, ни от напитков. Впрочем, компот наливали преимущественно детям, так что, стоило подставить кружку, ее тут же до краев наполнили золотистым яблочным сидром. Таким вкусным, что хмель в нем почти не ощущался.

Однако голова закружилась. И еще сильнее она закружилась оттого, что неугомонная Джесмин снова потянула Гвендолин за собой — напрямик к качелям. Вместе они без труда разместились на широкой деревянной скамье, а приятели дочери старосты тут же принялись их раскачивать. Ветер снова ударил в лицо. Качели летели то вверх, то вниз, а вместе с ними и подола платьев, открывая ноги в чулках почти до колен. Но никого это не смущало. И весело хохочущую Джесмин в первую очередь.

К началу концерта все собрались вокруг импровизированной сцены. Отдельное место, с которого открывался лучший вид, отвели для альда Линтона, даже кресло для него вынесли, чтобы мог разместиться с удобством. Он отыскал Гвен взглядом, улыбнулся. Она несмело помахала ему в ответ. В окружающей праздничной суете никто этого не заметил.

Много времени концерт не занял. Несколько песен, исполненных молодежкой женщиной в ярко-розовом платье, выступление фокусника с незатейливыми трюками, затем кукольный театр, показавший сценку из жизни семейной пары, не гнушавшейся рукоприкладством. Все было принято на ура — артистам жарко аплодировали, простодушно смеялись над шутками, а певицу, так и вовсе завалили цветами. «Сколько на ней пудры!» — подумала с сочувствием Гвендолин, представив, как, должно быть, тяжело смывать с лица такое количество грима.

Затем настало время выбирать короля и королеву весны. Королевой объявили Джесмин, а королем неожиданно для всех оказался ее друг детства Тиль, с которым она не так давно познакомилась Гвен. Тиль, как выяснилось, еще и победил в проводившихся на празднике соревнованиях по стрельбе из лука, так что получил сразу две награды из рук альда Линтона. Сквайр надел цветочную корону на голову зарумянившейся Джесмин, но взгляд его то и дело обращался к Гвендолин, и будь на то его

воля, он провозгласил бы королевой ее.

Перекинуться несколькими словами с альдом Линтоном удалось, когда его участие в торжестве больше не требовалось. Он подошел сам, и Гвен вдруг засмузилась, почувствовав себя не выучившей урок ученицей.

— Надеюсь, вы хорошо проводите время.

— Да, — призналась она. — А вы... останетесь до конца?

— С удовольствием остался бы, но, увы, мой статус этому препятствует. Да и возраст уже не тот, чтобы развлекаться подобным образом. Однако хотелось бы верить, что когда-нибудь мне представится возможность потанцевать с вами.

В его словах звучала искренняя тоска, которая пряталась за улыбкой. Гвендолин стало неловко при мысли о том, что он и не догадывается, что ее поцелуй с Эмрисом Торнбраном в доме сквайра был не единственным их поцелуем. А ведь это куда больше, чем танец!

— Что ж, не буду мешать. Желаю вам хорошо отдохнуть! — улыбнулся собеседник в ответ на ее молчание и оставил Гвендолин растерянно стоять посреди толпы. Она даже не сразу почувствовала, как Джесмин тронула ее за локоть.

— Что сказал сквайр?

— Пожелал хорошо провести время.

— А ты жалеешь, что ему придется уйти?

— Нет. Не знаю. А...

— Уже смеркается, вот-вот начнут разводить костры. Поспешим! — потянула ее за собой приятельница. Корону она не сняла, чтобы даже те, кто не присутствовал на награждении, видели и поздравляли.

Костры разжигали один за другим — умело и споро. Огни поднимались к темнеющему небу, разбрасывая колющие искры. Все вокруг менялось. Убрали ярмарочные столы с товарами, постепенно расходились по домам взрослые и пожилые жители деревни. Родители уводили с собой детей.

— Начинается самое интересное, — шепнула Гвендолин дочь старосты, пожелав доброй ночи родителям, которые тоже направились к своему дому. — Ах, как хорошо быть молодой! Мне кажется, я готова танцевать до утра, и стоптать туфли до дыр — не жалко!

— Как в той сказке? — вспомнилось Гвен. — Где девушки танцевали все ночи напролет, а наутро забывали об этом и удивлялись, почему у них стоптаны башмачки.

— Ну, я-то ничего забывать не собираюсь! — хмыкнула Джесмин, высматривая кого-то в толпе. Должно быть, Криспина. Но вместо него к

ней подошел Тиль, который тоже помогал разводить костры.

— Могу я пригласить тебя на танец? — глядя на подругу детства, спросил он.

— Уже? — кокетливо изогнула та бровь. — Но еще рано.

— Я хочу, чтобы первый танец ты пообещала мне.

— Ох, ну хорошо! Нам ведь положено открывать танцы. Удивляюсь, почему выбрали именно тебя! Хотя... — лукаво прищурилась Джесмин. — С тех пор, как мы были детьми, ты изрядно подрос и обзавелся новой жилеткой.

— А ты была настоящим сорванцом, зато теперь...

«Кажется, я здесь лишняя», — без обиды подумала Гвендолин и подошла к ближайшему костру. От огня исходило тепло, похожее на то, которое она ощутила от поцелуя Эмриса. Тогда, в школе, после нападения... Ей это было нужно — не как жалость или утешение, а как что-то, что заставило ее почувствовать себя живой.

Танцы начались через некоторое время. Джесмин сняла корону из цветов и надела маску. Тиль закружил подругу в танце, его рыжие вихры в отблесках костров казались еще ярче.

Гвен тоже вспомнила о маске. Порадовалась тому, что волосы распущены и не мешают завязать ленты на затылке. Провела рукой по шуршащей тафте платья.

А если никто ее не пригласит?..

ГЛАВА 40

Страх оказался напрасным. Ее пригласили. Мужчина в темной маске. «Для поцелуев», — мысленно отметила Гвендолин.

Он почти не отличался от других молодых людей на празднике. Штаны, белая рубашка, жилет, на шее то ли неяркий шарф из тонкой материи, то ли платок. Так же были одеты Тиль и Криспин.

— Мы знакомы? — робко поинтересовалась Гвен, когда ее повели в круг танцующих.

— Не думаю, — буркнул кавалер.

«Неприветливый какой, — вздохнула она. — К чему тогда вообще приглашать на танец? Может, хотел пригласить другую девушку, а она ему отказала?»

В первую минуту танца ей наступили на ногу, во вторую закрутили так, что земля и небо поменялись местами, в третью подвели слишком близко к костру — едва не загорелись фестоны на платье, но незнакомец вовремя успел ее отодвинуть.

«Интересно, откуда он? — задумалась Гвендолин. С парнями из Трелони она познакомилась еще в первые дни после приезда, вернее, они сами познакомились с ней, найдя для этого поводы. Не каждый же день в деревне появляется новенькая молодая учительница! — Чей-то друг или родственник? Или просто решил заглянуть на ярмарку, проезжая мимо?»

Те же деревенские музыканты, что когда-то выступали под ее окном, играли и на празднике, только Криспина на сей раз с ними не было. Мелодии они подбирали то быстрые, то медленные, и танцующие подлаживались под них. Все... кроме ее кавалера, который, казалось, танцевал под какую-то другую музыку, слышимую лишь ему.

— Что же ваш дружок отпустил вас на танцы одну? — хрипло, точно страдая от застарелой простуды, спросил он вдруг.

— Мой... кто? — опешила Гвен.

— Дружок ваш, говорю. Я бы такую девушку в одиночестве не оставил!

— Я не в одиночестве! Со мной подруга! И... и вообще, незнакомых людей про такие вещи не спрашивают! — попыталась она одернуть невежу.

Но его это, казалось, ничуть не смутило. В ответ незнакомец усмехнулся и, неожиданно ловко обойдя другую пару, осведомился:

— Так, значит, нет никакого дружка?

— А если бы был, вы бы меня не пригласили? — отозвалась Гвендолин, уже жалея о том, что согласилась танцевать не пойми с кем. Лучше бы станцевала с Криспином, раз уж Джесмин пока отплясывает с Тилем. Или еще с кем-нибудь из знакомых.

— Меня бы он не напугал!

— Даже маг?

Гвен произнесла это раньше, чем успела подумать и попридержать язык. Но слова уже прозвучали, и дыхание перехватило при мысли, кого именно она подразумевала.

Но ведь его все равно здесь нет.

Подумав об этом, она не смогла сдержать вздоха. Музыка, будто соперживая нахлынувшей на Гвендолин печали, стала тише, а все танцующие словно отдалились. Возникло ощущение, что они с незнакомцем остались одни посреди площади, вокруг которой мерцали золотые огни костров.

Стало не по себе. Но испугаться по-настоящему Гвен не успела. Потому что движения партнера по танцу внезапно перестали казаться неуклюжими и превратились в плавные и уверенные. Незнакомец притянул ее ближе к себе, и в его руках, лежащих на ее талии, она вдруг ощутила тепло — такое знакомое, будто он уже не в первый раз вот так ее обнимал.

На его лицо упал свет, и улыбка, не скрытая полумаской, отмела все сомнения.

Как она могла сразу не узнать того, о ком думала весь вечер?!

— Вы пришли... почему?

— Хочешь сказать, подобные праздники не для таких, как я? — мягко усмехнулся Эмрис Торнбран. — Но как я могу быть в другом месте, если ты здесь?

— То есть вы тут для того, чтобы меня не приглашали другие? — поинтересовалась Гвендолин.

— Не только.

— А для чего еще? — насторожилась она, подняв на него глаза.

— Я хочу забрать тебя у целого мира. Позволишь?

— А что вы предлагаете взамен?

— Себя.

— Вы... хотите сказать... — выдохнула Гвен. Это ведь не могло быть то, о чем она подумала! Только не из уст Эмриса!

— Я готов просить твоей руки, — развеял он ее опасения. Сердце замерло, затем забило так, что едва не заглушило музыку. Снова шуточки!

— Вы же не хотели серьезных отношений, — напомнила Гвендолин.

— Я их тебе и не предлагаю. Мы просто поженимся. А отношения у нас будут самые несерьезные. Только навсегда.

— Несерьезные и навсегда? Так не бывает.

— А у нас — будут. Главное, никому об этом не говорить, чтобы нам не помешали. Притворимся, что у нас все, как у всех. Ты наденешь белое платье с длинным шлейфом, мы поедем в храм, дадим все положенные клятвы. А потом станем есть огромный торт и принимать подарки. Никто ничего не заподозрит. Затем мы купим акции какой-нибудь торговой компании и отправимся в свадебное путешествие, а все решат, что это — важная деловая поездка.

Все прозвучало в духе Эмриса — непринужденно и легкомысленно, но в то же время Гвен вдруг с пугающей силой захотелось, чтобы его слова были произнесены не в шутку.

— Звучит заманчиво, но, боюсь, у нас ничего не получится, — вспомнив гадание на девичнике Джесмин, проговорила она.

— Почему же?

— Мне нагадали суженого, чье имя будет начинаться на букву «К».

— Правда? — посерьезнев, отозвался маг.

— Да. А что? — спросила Гвендолин, без улыбки взглянув на него.

— Я не говорил тебе, но мое второе имя — Конрад.

Сердце пропустило удар.

— Правда?!

— Нет, конечно! — рассмеялся Торнбран и до того, как она успела обиженно отстраниться, обнял ее крепче и прошептал на ухо: — Гвен, ты сбежала от судьбы, которую тебе прочили, а теперь позволишь какому-то гаданию выбрать тебе суженого? Может быть, сделаешь это сама?

Несказанные слова замерли на губах, когда, не прерывая танца, Эмрис коснулся их своими губами. На несколько долгих мгновений Гвендолин забыла обо всем. И о том, что уже решила уехать в столицу, и о том, что все еще боялась поверить этому порой невыносимому человеку, и о том, что деревенской учительнице — пусть занимать эту должность ей оставалось недолго — неприлично целоваться при людях, даже если ее лицо наполовину прикрыто маской.

Но затем ей стало все равно. К тому же благодаря то ли магии Торнбрана, то ли самому его присутствию Гвен перестала замечать других танцующих. А вот музыка осталась. Она подхватывала, увлекала, вела за собой. До ощущения полета, до головокружения, до слез счастья на ресницах.

— Тебе пора домой. Я провожу, — произнес Эмрис, останавливаясь. Гвендолин непонимающе посмотрела на него.

Все закончилось?..

Дорогу в школу она почти не запомнила. Провожатый молчал, Гвен тоже. А на душе все чувства смешались так, что отделить одно от другого она при всем старании не смогла бы — как краску от воды, в которой та растворилась.

«И почему школа так близко?!» — разочарованно вздохнула про себя Гвендолин, когда они пришли. Спутник положил руки ей на плечи, заглянул в глаза. Она зажмурилась, ожидая поцелуя, но маг лишь коротко коснулся губами ее лба.

— Подумай о моем предложении. Обещаешь?

— Обещаю, — ответила Гвен тихо, скользнула за дверь и, оказавшись в тишине своего временного жилища, прижалась к ней спиной. Через некоторое время наконец-то зажгла свет, заперла школу и поднялась наверх.

А чуть позже, когда Гвендолин в ночной рубашке лежала в постели, раздался громкий стук в дверь.

Накинув халат и захватив лампу, Гвен отважно спустилась, но сначала, размышляя, что бы сделал на ее месте Арчибальд, прихватила на кухне увесистую скалку, с которой чувствовала себя увереннее.

Однако оружие ей не понадобилось. Потому что за дверью оказался не какой-то неизвестный злоумышленник, а все тот же Эмрис Торнбран.

— Что-то забыли? — осведомилась Гвендолин, предпочитая не думать, как она выглядит с лампой в одной руке и со скалкой в другой.

— Твой ответ.

— Ответ? — нахмурилась Гвен.

— Я ведь просил подумать, когда мы прощались.

— Но прошло совсем мало времени!

— Для меня достаточно. Впустишь меня? Или так и будешь держать на пороге?

Гвендолин неохотно посторонилась.

— Выходит, ты еще не обдумала, что собираешься мне ответить? — спросил Эмрис. В его глазах плясали смешинки. Он не переоделся после танцев, только снял маску.

— Порядочные люди в такое время спят, а не думы думают! — буркнула она в ответ, даже себе не решаясь признаться в том, что рада видеть его снова.

— Что ж, тогда мне придется тебя поторопить. Вот только можно тебя попросить убрать это? — кивнул маг на скалку, и Гвен поспешно положила

ее на пустой по случаю каникул учительский стол. Туда же поставила лампу.

— Может быть, все-таки утром... — попыталась выпроводить незваного гостя Гвендолин. — Завтра вы придете, альд Торнбран, и я...

— Альд Торнбран, — повторил он с укором. Приблизившись, погладил ее по щеке. — Эмрис, я же просил. — Его глаза оказались совсем близко, а дыхание касалось ее губ. — Сколько еще раз нужно тебя поцеловать, чтобы ты стала звать меня по имени?

Ответ на этот вопрос он вознамерился узнать немедленно.

Сколько раз? Одного точно было мало. Губы лишь на миг соприкоснулись в робкой ласке, не успев обменяться теплом... Пришлось повторить. Смелее, теснее, жарче. И снова, задыхаясь от нежности и нехватки воздуха...

— Ты любишь меня?

— Да... — выдохнула Гвендолин, радуясь, что он не видит, какими пунцовыми стали ее щеки.

— Ты веришь мне?

Еще один утвердительный ответ. Он приподнял за подбородок ее лицо.

— Тогда не бойся.

Гвен собиралась было спросить, чего ей следует бояться, но Эмрис закрыл ей рот поцелуем, который оказался еще дольше и слаще, чем предыдущие. А затем подхватил ее на руки и направился к лестнице. В полумраке заглядывающей в окно весенней ночи перешагнул порог комнаты.

— Поставь меня немедленно! — потребовала Гвендолин, наконец-то выполнив его просьбу. — Эмрис! Поставь меня, ну же!

Оказавшись на ногах, она пошатнулась и уцепилась за него, чтобы не упасть. Его руки обвились вокруг ее талии.

Сомнения охватили Гвен, заставили сделать шаг назад, вырваться из объятий. Это нехорошо, неправильно... Она в комнате с мужчиной, ночью... Расстеленная постель... Даже простынь одеялом не прикрыла, когда вышла на стук. Так ведь не думала же, что вернется сюда не одна. Кто бы предупредил...

— Прости, — сказал вдруг Эмрис. — Не люблю ждать. Не хочу. И не буду. Я такой, какой есть.

Гвендолин ничего не успела ответить — он решительно, с каким-то отчаянным вздохом, сгреб ее в охапку, резко развернул, прижал спиной к стене, задев при этом стол. Старая мебель жалобно заскрипела, что-то с громким стуком упало на пол. Что именно, Гвен не заметила. Под натиском

поцелуев — жарких, настойчивых — все мысли вылетели из головы. Осталось лишь желание.

Желание, чтобы это не заканчивалось.

Узел на халате почти сразу поддался ловким пальцам, тяжелая ткань соскользнула с плеч. За халатом последовала ночная рубашка. Со своей одеждой маг справился еще быстрее, хоть на нем ее было больше. А затем привлек Гвен к себе, касаясь обнаженной кожи, спускаясь поцелуями от ее губ к шее и снова возвращаясь к губам. Кровать была слишком узкой для двоих, но сейчас это казалось меньшим из неудобств.

Все ощущения обострились. Рядом с Эмрисом, в его руках, Гвендолин будто открывала новую землю, как путешественники из книг. И на этой земле ей хотелось остаться.

Когда он снова прошептал ей, что она не должна бояться, а с ее губ сорвался полустон-полувсхлип, Гвен поняла смысл его недавних слов.

Да, он такой, какой есть. И она принимает его таким.

Всем телом и всей душой.

ГЛАВА 41

Когда Гвендолин проснулась, Эмриса уже не было рядом.

Сердце испуганно замерло, но тут же забилось спокойно и ровно. Конечно же, он ушел задолго до рассвета, когда утомленные праздником жители деревни еще спали, и никто не увидел, как выходит из школы владелец жуткого замка. Ни к чему преждевременные слухи.

Хотя ее-то мог разбудить, чтобы поцеловать на прощанье?

«Но, может, и поцеловал, — улыбнулась она, потягиваясь под одеялом. — А прощаться не стал, потому что скоро вернется».

Было непривычно, но безумно приятно думать об Эмрисе и о минувшей ночи так свободно и просто, не как о чем-то предосудительном и непристойном, а как о чем-то правильном и настоящем. А приличия? Всего лишь условности вроде белого платья, колец и огромного свадебного торта. Хотя, если совсем честно, платье Гвен все-таки хотела, белое и со шлейфом. И кольцо — тоже. Но разве их наличие что-то изменит? Разве обязательно сначала должен быть храм и торт, а уже потом... все остальное?

Возможно, для кого-то другого дело так и обстояло. Но не для них. Не для той, чья судьба стала ее собственным выбором, и того, кто подарил ей магию. Страсть и нежность. Счастье и надежду. Они оба были одиноки... до того, как встретились.

И сейчас она ни о чем не жалела.

Хотелось еще немного понежиться в постели, но Гвендолин усилием воли поднялась, привела себя и комнату в порядок, выпила чая с остатками сладкого пирога. На деревянном полу танцевали солнечные зайчики, и ей самой сумасбродно захотелось густиться в пляс, напевая ту песню, под которую они с магом кружились вечером.

Интересно, чем он сейчас занят? Думает о ней? Уже спешит сюда?

Наверняка спешит, Гвен не сомневалась в этом. Если она успела соскучиться, то и он тоже, и вот-вот постучит в ее дверь...

Но прошел час, затем второй, третий, а тот, кого снова жаждала увидеть Гвен, так и не объявился.

Она ждала. Текло время, размеренно тикали часы. Солнце за окном спряталось, поднялся ветер.

Эмрис не возвращался.

Волнующее ожидание сменилось тревогой. Она грызла душу, точила

ее, как жук-древоед, исступленно стремящийся ничего не оставить от недавнего счастья. «Может быть...» Гвендолин боялась додумать эту мысль до конца, но та сама складывалась в очевидный ответ. «Может быть, он не приезжает потому, что уже получил от меня все, что хотел?»

«Нет! Не может быть! Он не такой», — возразила она самой себе. Нелепые слухи и дурная унаследованная репутация не имели ничего общего с настоящим Эмрисом Торнбраном. Если бы она не знала этого, никогда не смогла бы его полюбить. Просто что-то задержало его в дороге. А что — он сам объяснит, когда приедет.

Наверное, того количества шагов, что Гвен сделала от окна в своей комнаты до дверей и обратно, спускаясь и поднимаясь по лестнице, уже хватило бы, чтобы дойти до замка Торнбран. Нужно было успокоиться, и Гвендолин по привычке отправилась за утешением к каменному шарикю. Но того не оказалось на месте.

Занесенная над пустой шкапулкой рука задрожала. Кто мог его забрать? Эмрис? Артефакт давно не питал к нему враждебности, копируя чувства Гвен, а после этой ночи должен был сдаться мужчине, как и она сама... Но... зачем?!

Внизу со стуком отворилась входная дверь. Гвен с бешено колотящимся сердцем выбежала на лестницу. И разочарованно остановилась.

Это оказалась всего лишь Талула. Принесла свежую выпечку к чаю и не менее свежие сплетни. Гвендолин слушала их вполуха. До одного момента.

— ...чаевничала сегодня с Кларой, так она мне такое про своего хозяина рассказала!

— Что с ним?! — встрепенулась Гвен.

К счастью, служанка этого не заметила.

— Новости у него, — проговорила лукаво. — С утра вернулся откуда-то довольный, получил какую-то важную почту и снова умчался. Но перед тем взял из сейфа фамильное кольцо и сказал, что скоро в замке появится хозяйка. Дескать, он уладил какие-то дела, теперь можно и жениться. Клара говорит, так сказал, словно свадьба состоится со дня на день. Не лучше ли было бы праздновать осенью? Хотя, может, у них, как это по грамотному-то говорится, особые обстоятельства.

— Особые?..

— Так сколько времени у него в замке та альда жила! Одна, без присмотра. Вот и хотят грех прикрыть, пока не стало очевидно, что вскорости не только хозяйка, но и наследник будет.

Гвен громко сглотнула.

— Клара так думает? — спросила она сипло.

— Все так думают, — развела руками Талула.

Оставив служанку на кухне, Гвен вернулась к себе. Остановилась перед зеркалом, посмотрела на свое отражение. Локоны, которые она уложила для того, чтобы покрасоваться перед Эмрисом, показались до того глупыми и бессмысленными, что захотелось вцепиться в волосы и тянуть их до тех пор, пока не выпрямятся.

Флориана Эдевейн тоже носила локоны.

Эмрис сказал, что уладил какие-то дела. Подчинил наконец-то артефакт, забрал его и поехал дарить невесте?..

Нет, ерунда какая-то. Нельзя верить сплетням, которые разносят слуги. То они о привидениях говорили, будто замок ими кишит, теперь какое-то кольцо сочинили и наследника... Глупости! Нет никаких доказательств, что это так.

И шара тоже нет. И Эмриса...

Гвен зажала ладонями рот, и не вырвавшееся с криком отчаяние слезами засочилось из глаз.

В пансионе не раз говорили, что девушка, которая разделит ложе с мужчиной до свадьбы, становится падшей женщиной. Тогда Гвендолин не совсем понимала смысл этих слов, поскольку не знала, что означает «разделить ложе с мужчиной». Зато теперь осознание случившегося — горькое и соленое, как слезы, которые не удавалось сдержать — обрушилось на нее горной лавиной.

Эмрис Торнбран с самого начала играл с ней! Точно кот, в лапы которого попала глупая мышка. Как, должно быть, мага забавляли ее попытки держать дистанцию, казаться независимой! Он позволил ей думать, что Гвендолин может что-то решать, а сам давно решил за нее все.

Когда? Еще в тот злополучный вечер в особняке альда Линтона, когда назвал Гвен лакомым кусочком и спросил, не хочет ли сквайр оставить ее себе? Или на следующий день, когда услышал от старого мага, что артефакт можно взять только вместе с девушкой, и тут же откликнулся со смехом: «Я согласен»?

Что было целью? Гвендолин? «Око духов»? Или его занимала сама игра?

С самого начала он умело расставил ловушки, а Гвен попала в них, точно одна из тех несчастных соблазненных девушек, запрещенные романы о которых тайком пересказывали друг другу пансионерки.

«Одарил зеленой юбкой... — вспомнились слова из первого разговора

с Джесмин. — Это если на траве. А если на постели?»

Гвен бросила взгляд на аккуратно застеленную кровать. Тут же нахлынула волна стыда — такого жгучего, что глаза защипало еще сильнее. Лучше не думать. Не вспоминать. Когда-нибудь, когда она станет древней старушкой, это уже не будет иметь значения!

С губ сорвался истерический смешок. Гвендолин прижала к лицу платок, вытерла слезы, высморкалась, продолжая всхлипывать. Представить себя пожилой и мудрой не получалось даже с ее богатой фантазией. Но этой фантазии еще хватало на то, чтобы придумывать опровержения рассказу Талулы и своим собственным выводам, и в голове еще еле слышно звучал слабенький голосок надежды: Эмрис приедет и все объяснит...

Эта надежда поддерживала ее до позднего вечера и утешала бессонной ночью. А утром она умерла. Скончалась в жутких, но недолгих муках, потому что выяснилось, что скорая свадьба Эмриса Торнбрана и Флорианы Эдевейн — вовсе не досужие сплетни.

Подтверждение привез Карлион Линтон.

Гвендолин открыла ему, и приветственная улыбка сползла с лица сквайра, уступив место тревоге.

— Что с вами? Вы не заболели?

Сегодня Гвен в зеркало не смотрелась, но можно было представить, как она выглядит, если ее с порога, даже не поздоровавшись, забрасывают такими вопросами.

— Со мной все хорошо, — сказала она и попыталась улыбнуться, но Линтона это не обмануло.

— Я могу войти? — спросил он.

Она молча посторонилась, пропуская его в школу, хотя в тот момент сильнее всего желала захлопнуть перед ним дверь, до того не хотелось никого видеть.

— Гвен, я вижу, что у вас что-то случилось. Скажите что?

Она покачала головой.

— Не хотите говорить? — Альд Линтон нахмурился. Долго смотрел на нее, подбирая слова. — Тогда, быть может, я спрошу иначе? — произнес наконец. — Вас так расстроили новости?

— Новости?

— Да. — Он смотрел на нее неотрывно, и Гвендолин казалось, что ее боль отражается в его глазах. — Новости о женитьбе Эмриса Торнбрана.

Именно в этот момент надежда умерла...

— Простите мою бестактность, — продолжал Карлион Линтон, — но

я... я не слеп, к сожалению. Я давно уже заметил, что вы равнодушны к нему, хоть и не могу понять, чем он мог привлечь вас. Но хорошо понимаю, что вы чувствуете сейчас.

— Новости, — отрешенно повторила Гвен. — Не сплетни?

— Нет.

Она не стала уточнять, что именно он знает и от кого. Альд Линтон — не тот человек, который станет разносить непроверенные слухи. Просто кивнула, дав знать, что услышала и поняла.

Слезы закончились еще ночью. Осталась лишь боль — целое море боли, с которой теперь придется жить. Потому что умирают от несчастной любви, увы, только в романах.

— Гвен, послушайте. Этот человек недостойн ваших страданий. Вы заслуживаете лучшего.

— Вас? — усмехнулась она горько.

— Нет. — Линтон ответил такой же печальной улыбкой. — На самом деле — куда более лучшего. Я даже не знаю, есть ли в мире человек, достойный вас.

— Вы многого не знаете, — вздохнула она, думая о другом. — Я... должна предупредить вас, что оставлю это место. Вам нужно найти новую учительницу.

Спонтанно принятое решение казалось самым правильным, и Гвен не стала откладывать. Поедет в столицу к опекуну или затеряется где-нибудь на просторах королевства, но тут она не останется.

— Воздержитесь от опрометчивых поступков, — попросил Карлион Линтон. — Повторюсь, Торнбран этого не стоит. Но если хотите уехать отсюда, уезжайте со мной. Мое предложение все еще в силе... Нет! — Он взмахнул рукой, видя, что она собирается ответить отказом. — Выслушайте, пожалуйста. Я прекрасно осознаю, что вы не любите меня. Я осознаю, что ваши мысли заняты сейчас другим. Я понимаю, что вы не станете моей женой в полном смысле этого слова. Поэтому все, что я вам сейчас предлагаю, — мое имя и моя защита. Я клянусь, что наш брак ограничится лишь этим, пока вы сами не готовы будете что-то в нем изменить. Просто позвольте мне увезти вас отсюда. Позвольте осуществить хотя бы сотую часть ваших желаний. Показать вам другую жизнь, другие страны. И тогда, через какое-то время, может быть...

— Не может, — глухо отозвалась Гвен. — Я не могу принять это предложение. А вы не сделали бы его, если бы знали, кто я на самом деле. Потому что я... лгунья и падшая женщина...

Линтон укоризненно покачал головой:

— Зачем вы наговариваете на себя?

— Но это так. — Она отвела взгляд, не находя сил смотреть ему в глаза. — Лгунья я с первой нашей встречи. А падшая женщина — с прошлой ночи. Я провела ее с...

— Мне это безразлично.

Гвендолин вздрогнула от того, с каким решительным отчаянием были произнесены эти слова.

— Мне безразлично, — повторил Карлион Линтон. — Я не знаю, какими еще словами объяснить вам это. Я не хочу знать вашего прошлого, я хочу быть в вашем будущем. Только это имеет значение.

Отрешенность, стеной окружавшая Гвен, дала брешь. Словно нежданное солнце оплавilo сковывавший ее сердце лед.

— И вам не интересно, отчего я назвала себя лгуньей? — спросила она дрогнувшим от волнения голосом.

— Нет, — ответил он без сомнений. — Но если хотите, можете рассказать. Мнения я не изменю.

— Я... не Гвенда Грин... — начала она тихо. Взглянула на Линтона и, не увидев в его лице ни одной новой эмоции, продолжила: — Меня зовут Гвендолин Фолстейн. Сразу после окончания пансиона мой опекун планировал выдать меня замуж за человека, которого я никогда не видела, и я... Я поменялась документами с подругой... Неужели вам действительно все равно?!

— Да.

— Но так не может быть!

— Может. — Линтон приблизился к ней, и сердце Гвен дрогнуло от того, сколько нежности было в его взгляде и голосе. — Мне все это не важно. Ведь я люблю не ваше имя, я люблю вас.

— Любите?

— Люблю, — не отрывая от нее глаз, подтвердил он. — Люблю так сильно, что если когда-нибудь вы начнете испытывать хотя бы десятую часть тех чувств, что я питаю к вам, я буду счастлив.

— Но как же...

Как она могла не видеть этого? Как могла не понять?

Гвен задавала себе эти вопросы и чувствовала горечь вины из-за того, что не замечала его чувств или не хотела замечать. Из-за того, что выбрала не того мужчину и разрушила этим не только свое счастье, но и счастье человека, для которого, оказывается, столько значила.

Быть может, стоило все же поверить гаданию, обещавшему ей счастье с тем, чье имя будет начинаться на букву «К»?

Быть может, не поздно сделать это теперь?..

ГЛАВА 42

— Уедемте со мной, Гвен. — Он сжал ее руки в своих. — Начнем новую жизнь. Оставим прошлое. Но если оно все же терзает вас, я сделаю все, чтобы избавить вас от него. Хотите, я вызову Торнбрана на дуэль? Хотите, убью...

— Нет! — Глупое сердце, до сих пор принадлежащее другому, испуганно вздрогнуло. — Не нужно! — Гвендолин покачала головой. — И простите меня, но... я не могу... не могу принять ваше предложение. Уверена, вы еще найдете ту, с которой будете счастливы.

— Это из-за него? — Линтон притянул ее к себе, требовательно заглянул в глаза. — Вы все еще думаете о нем? — Он наклонился к ее лицу, почти коснулся губами губ. — Я изменю это. Я сотру его из вашей памяти...

— Не получится, — послышался от двери знакомый до боли голос. — Вы уже пытались.

В следующий миг Линтона от нее отбросило, и тот же голос напомнил с усмешкой:

— Я ведь говорил, Гвен, не целуй никого больше.

Гвендолин оцепенела — то ли от нечаянной радости, то ли от страха поверить и снова обмануться. Затем медленно обернулась, и слезы, которых, она думала, уже не осталось, наполнили глаза.

Эмрис стоял в дверях. Грязный, растрепанный, бледный. Левая рука на перевязи, наспех сооруженной из шарфа.

Любые упреки потеряли смысл, а из всех вопросов остался один:

— Что с тобой случилось? — Все еще боясь, что он окажется плодом ее воображения, Гвендолин шагнула навстречу.

— Если коротко... — он перевел взгляд с нее на замершего у доски Линтона, — упал в овраг.

Гвен в ужасе охнула:

— Уп... пал? Когда?

— Надеюсь, вчера. Но не уверен. Потерял сознание на какое-то время. Потом была ночь. К утру кое-как выбрался.

Гвендолин содрогнулась, представив все это. Прошли сутки. Она придумывала себе всевозможные глупости, а он лежал без памяти на дне оврага. Потом, наверное, звал на помощь, но по той дороге давно никто не ездит... Кроме него. Ведь говорила же ему...

— В кои-то веки решил сделать все как подобает. — Губы Эмриса искривила усмешка. — Сорвался в замок. Знал, что должна прийти почта. Надеялся, там будет это... — Он вынул из-за пазухи мятый конверт. — От твоего опекуна. Пришлось побеспокоить нескольких хороших людей, чтобы связаться с ним и получить официальное благословение... Кольцо у меня уже было...

Письмо, кольцо — все, как говорила вчера Талула. В ее рассказе имелась лишь одна неточность — имя невесты.

— А шар? — пробормотала Гвен. — Зачем ты забрал шар? Он...

— Под кроватью. Шкатулка упала, помнишь? — Шаг за шагом Эмрис приближался к ней. — Я поднял ее утром. А шар закатился в самый угол, и я боялся, что разбужу тебя, если полезу его доставать... Разве ты не чувствовала его?

Не чувствовала. Ничего не чувствовала с той минуты, когда решила, что он ее оставил. Зато теперь эмоции переполняли душу, но к сладости счастья примешивалась горечь вины за ту ошибку, которую она чуть было не совершила.

Гвендолин бросила взгляд на Линтона. С момента появления Эмриса сквайр не вымолвил ни слова. Она ведь практически согласилась стать его женой, а сейчас Эмрис сжимал в здоровой руке ее ладонь, и все, чего ей хотелось, — чтобы он никогда не отпускал ее...

— Альд Линтон... — Гвен подбирала слова, но, вспомнив их разговор с начала и до конца, выпалила с упреком: — Почему вы сказали, что вам точно известно?..

— Видимо, меня, как и вас, ввели в заблуждение, — глухо ответил он. — Простите. Не буду более вам мешать. И... поздравляю...

— Стойте, где стоите, — неожиданно резко приказал Эмрис. — Для начала, о каком заблуждении речь? Я слышал лишь конец вашего... хм... разговора...

Глаза его пылали гневом, и Гвен поспешила все объяснить:

— Слуги из замка растрезвонили, что ты собрался жениться... на альде Эдевейн.

— Да? А альд Линтон, полагаю, тоже так подумал и поспешил предложить тебе взамен меня — себя? Занятно. — Маг смерил соперника неприязненным взглядом. — Вы действительно думали, что я в состоянии буду повести кого-либо к алтарю, после того как сами в меня стреляли?

— Стрелял?! — воскликнула Гвен. — Но ты сказал, что упал в овраг!

— Упал, — мрачно подтвердил Эмрис, глядя не на нее, а на Линтона. — И только благодаря этому жив. Если бы я не сорвался вниз,

наш дорогой альд Линтон расщедрился бы на вторую пулю, чтобы добить меня наверняка.

— Не понимаю, о чем вы, альд Торнбран. — Сквайр покачал головой. — Полагаю, вам следует обратиться к доктору. Видимо, при падении вы повредили не только руку.

— Угу, пуля в плече мне тоже мерещится, — невесело усмехнулся маг. — Не притворяйтесь. Сознание я потерял далеко не сразу и узнал вас, когда вы подъехали к краю оврага. Даже спешили. Только спуститься, чтобы проверить, действительно ли я мертв, не рискнули. Слишком крутой склон для ваших почтенных лет?

— Но почему? — охнула Гвен. — Это... из-за меня?

Эмрис бережно привлек ее к себе и поцеловал в лоб, не сводя при этом взгляда с Линтона и словно удерживая соперника от каких-либо действий.

— И из-за тебя тоже, — сказал он негромко. — Но еще ему нужен был шар. Будь я внимательнее, давно бы это понял. Он несколько раз назначал встречи, спрашивал о каких-то своих секретах, хранившихся у дяди Сайласа. Думаю, хотел убедиться, что мне об этом ничего не известно. Потом нанял тех людей.

— Интересно, зачем мне это? — с оскорбленной гримасой поинтересовался Линтон.

— Затем, чтобы никто не узнал о том, что на самом деле произошло в сгоревшем охотничьем доме. О том, что вы убили свою жену и ее любовника, а потом инсценировали их отъезд.

Гвен поражено посмотрела на Карлиона Линтона — человека, казавшегося ей воплощенной добродетелью, человека, чью защиту она готова была принять, не раздумывая. Услышанное просто не укладывалось в голову, но ведь Эмрис не стал бы бросаться голословными обвинениями!

— Не хватало нескольких деталей, чтобы во всем разобраться, — сказал он, словно отвечая на ее вопрос. — Но теперь я их нашел. Вместе с письмом твоего опекуна получил еще два. Первое — от одного из старейших членов Королевского географического общества. «Око духов» — крайне редкий артефакт, и людей, владевших такими шарами, немного. Одним из них был ваш отец, альд Линтон. Он был не так щепетилен, как вы, и не видел ничего зазорного в том, чтобы обворовывать туземцев, а после хвастаться своей добычей. Что до второго письма, то в нем мне сообщили все, что касается финансовых дел альда Фергала Брунмара, вашего бывшего друга, с которым якобы сбежала ваша бывшая жена. Хотя правильно говорить, «покойного друга» и «покойная жена». А покойная жена вряд ли могла с кем-то сбежать.

Линтон дернулся, как от удара. Его лицо, минуту назад отрешенное и спокойное, исказила злость, рука потянулась под сюртук. Эмрис отреагировал мгновенно. Гвен почувствовала прокатившуюся от него волну холода, сквайра отбросило назад и прижало к стене.

— Зачем же так дергаться? — процедил маг, морщась от боли в раненом плече. — Что у вас там? Пистолет? Медленно вынимайте и бросайте на пол. Ну же!

Линтон подчинился. Теперь он смотрел на Торнбрана с обреченной ненавистью загнанного в ловушку зверя.

— Полагаю, это можно счесть признанием вины, — констатировал Эмрис. — Но мне все же хочется проверить, насколько я прав в своих догадках. Да и Гвен не откажется послушать захватывающую историю. Так что, я начну, а вы поправите, если в чем-то ошибусь.

Сквайр ответил злобным сопением, но рассказчика это не остановило.

— Итак, я полагаю, что ваша супруга не планировала с вами разводиться. Она вполне успешно совмещала наличие законного мужа, готового потакать всем ее капризам, и любовника, для встреч с которым чудесно подошел пустующий охотничий дом. Благо, вы без вопросов отпускали ее одну в город или проведать живущую неподалеку тетюшку. Альд Брунмар также не собирался портить свою репутацию скандалами и даже подумывал жениться, ведь это никак не помешало бы его роману. История вполне обыденная для нашего общества... Была бы, если бы вы каким-то образом не прознали об их встречах. В тот день вы застали жену и ее любовника в охотничьем домике — и убили. Не знаю, случилось ли это в запале ссоры, или вы планировали свое преступление, но дожидавшегося их кучера вы убили, полагаю, вполне осознанно, как свидетеля. Втащили несчастного в дом... Или велели ему туда войти, пока он был еще жив. И потом подожгли все. Экипаж отогнали, справедливо рассудив, что карету и лошадей скоро приберут к рукам, ведь в тот год в окрестностях слонялось немало бродяг. Вернувшись домой, вы покаялись в содеянном сестре, которая тогда гостила у вас, и вместе придумали, как скрыть убийство. На следующий день ваша сестра с мужем якобы уехали, и вы отправились проводить их к поезду, но на самом деле ваша сестра осталась в доме, в комнате вашей жены, горничная которой как раз приболела... Так вовремя, да? Для этого, видимо, пришлось заручиться помощью госпожи Энельмы. Ваша любимая нянюшка подсыпала что-то горничной в еду, а потом сама взялась исполнять ее обязанности при хозяйке, которая отчего-то не выходила из комнаты. Потом именно ваша экономка сообщила слугам о том, что альда Линтон собралась уезжать и велела собрать вещи. Саму

хозяйку никто не видел до тех пор, пока она не вышла полностью одетой, спрятав лицо под вуалью, быстро села в приехавший за ней наемный экипаж и покинула поместье. Я познакомился с одной милой женщиной, служившей у вас в то время, она мне все рассказала. Еще заметила, что прежде Ребекка Линтон никогда не прятала лица, она ведь гордилась своей красотой. Но помимо этого слуги никаких странностей не отметили. А ваша сестра — прекрасная актриса. Она так к вам привязана, что покрывает убийства, или все дело в деньгах? Мне удалось выяснить, что альд Брунмар после своего якобы отъезда за границу стал крайне неосмотрительно распоряжаться финансами. Деньги с его счетов уходят небольшими суммами, но регулярно, делают бессмысленный оборот и оседают на счетах торговой компании, принадлежащей вашему зятю. Который, к слову, довольно часто путешествует, как раз по тем местам, откуда ваша супруга якобы посылает открытки тетушке. А подписывает открытки, видимо, ваша сестрица. Она ведь неплохо рисует? Скопировать почерк для нее — не проблема. Еще немного, и ваш друг совсем разорится. Тогда, полагаю, вы и планировали похоронить его и свою бывшую жену официально. Или они пропали бы без вести в одной из поездок?

Линтон упорно молчал, но по его лицу Гвен понимала, что если Эмрис в чем-то и ошибся, то совсем немного.

ГЛАВА 43

— Все могло пройти удачно, если бы не шар, — продолжал Эмрис Торнбран. — Полагаю, он был игрушкой вашей жены. У нее ведь имелись определенные магические способности. К тому же, этот артефакт не равнодушен к красивым женщинам. — С этими словами он посмотрел на Гвен и улыбнулся. Линтон по-прежнему молчал, не опровергая и не подтверждая новой догадки. — Так или иначе, но «око духов» осталось в сгоревшем доме. Человек, который его нашел, понимал, кто может заинтересоваться подобным предметом. А мой дядя Сайлас, видимо, знал, кому артефакт принадлежал прежде. Ведь у него с вашим отцом была общая страсть — артефакты. И ваш родитель, думаю, не раз демонстрировал дядюшке эту вещицу. Ну, а в догадливости Торнбранов вы, полагаю, уже убедились. Сложить все факты не так уж сложно. Жаль только, дядя предпочел развлечься за ваш счет вместо того, чтобы сразу же сообщить обо всем в Службу правопорядка. Когда он умер, вы решили выкрасть шар. И тут я, признаться, теряюсь в догадках. Почему сам шар? Не бумаги, в которых дядя Сайлас мог записать свои умозаключения, а непосредственно артефакт? Ну же, не дайте умереть от любопытства.

Линтон ответил ругательством, от которого в другой ситуации Гвен покраснела бы. Потом нехотя выдавил сквозь зубы:

— Старый мерзавец сказал, что шар хранит воспоминания о том дне и опытный маг может их вытянуть.

— Угу. — Эмрис кивнул. — Что-то такое я и предполагал. Шутка в духе дядюшки Сайласа, который не имел и крупицы дара. Но вы ему поверили. Могли бы попытаться просто купить у меня артефакт, но я ведь маг, и вы испугались, что я заинтересуюсь шаром и случайно открою его секреты. Потому и привезли тогда к Гвен господина Гринфальда. Всем известно, что старик почти утратил дар, хоть и остается прекрасным специалистом... в теории. А когда он сказал, что пока шар привязан к Гвен, никто другой, тем паче маг, к нему не прикоснется, у вас появился новый план.

«Получить шар вместе с девушкой», — вспомнила Гвендолин слова старого мага. Но ведь предложение Линтон сделал до того, как узнал, что артефакт у нее. Что же двигало им тогда, чувства или корысть? Впрочем, способен ли убийца на истинные чувства, да еще к той, которая оказалась так похожа на его жертву?

Видимо, Эмрис предполагал, что способен, потому как глядел на соперника почти с сочувствием.

— Вы не рискнули отобрать артефакт, когда узнали, что можете навредить этим Гвен. Думали со временем получить все и сразу. Визиты Гвен в замок тоже были вам на руку, хоть вы и притворялись недовольным. Приставили к Гвен свою сообщницу-экономку... Это ведь она выкрала записи, касавшиеся артефакта? Наверное, улучила момент и спрятала под платье. Картонная папка была для этого велика, поэтому она сунула ее в кипу бумаг, чтобы та не сразу нашлась. Потом, думаю, именно госпожа Энельма устроила поджог...

Гвендолин встrepенулась. До сего дня она продолжала считать, что пожар вызвал ее неконтролируемый дар.

Заметив ее удивление, Эмрис покачал головой:

— Вечный уголь. Я проверил: в замке он хранился в кладовой. У дяди не было причин держать его вместе с коллекционными артефактами. Так что у меня практически нет сомнений, что пожар — дело рук той хмурой дамы... Ныне покойной. А убили ее, как мы помним, ваши наемники, альд Линтон. Вы решили избавиться одним махом от всех сообщников, пустить следствие по ложному следу, а заодно выставить себя героем перед Гвен? С наемниками все ясно, они свою роль сыграли. А госпожа Энельма? Что, стала слишком много просить за услуги?

— Не только, — ответил Линтон. — Мне не нравилось, как она отзывается о моей будущей жене.

Он перевел взгляд на Гвендолин, и у той мороз прошел по коже. Линтон словно бы сделал ее соучастницей своих преступлений. Нет, даже больше — виновницей!

— Именно после того случая я и заподозрил вас, — продолжил Эмрис, не позволив неприятному чувству задержаться в душе у Гвен. — Слишком все гладко вышло... у вас. Но не у бандитов. Они ведь опытные наемники и прежде не попадались ни на чем серьезном. Можно было поверить, что они заметили слежку, что велась за ними по моему приказу, и смогли улизнуть без посторонней помощи. Но как они успели узнать, где найти Гвен, на какой дороге и в какое время ее удобнее перехватить? А если все же каким-то образом узнали, почему не учли вашего присутствия? Если за Гвен наблюдали, то должны были знать и то, что вы встречаете ее каждый день на пути из замка. И еще — видимо, это было обязательным условием — наемники ее не тронули. Злодеи, не задумываясь, убившие двоих, даже не попытались применить силу к той, которой, по их же словам, решили отомстить. Запугивали на словах, замахивались, но не били... Они ведь не

сомневались, что уйдут невредимыми. Нужно только поугадать девушку и сказать между делом несколько слов о заказчице из колоний.

Гвен вспомнила, что сама рассказала Линтону о том, что бандитов отпустили, и за ними следят люди Эмриса, и о том, что шар привезен из-за океана. Она вновь почувствовала себя виновницей случившегося.

— А Белинда Дельвен? — спросила тихо. — Как она связана со всем этим?

— Никак, — отозвался Эмрис. — Помнишь, ты спросила, откуда дяде могло быть известно о том, что она замышляла? Я задумался и понял, что ответа на этот вопрос нет. Они даже не были знакомы. Значит, дело в другом. Преступление, которое оправдывали любовью, было совершено не по отношению к Карлиону Линтону, а им самим. А женское коварство... Сложно сказать. Возможно, это сказано об изменах альды Линтон, которые и стали причиной всему. Возможно, дядя тоже понял, какую роль сыграла во всем этом сестра Линтона. Так или иначе, но разгадка нашлась. Осталось поделиться этой находкой со Службой правопорядка.

Линтон недобро усмехнулся:

— Выходит, вы с ними еще не общались?

— Не успел. Волновался за Гвен, потому спешил сюда. Знал, что вы, как стервятник, будете вертеться поблизости. Но служителей правопорядка можно разыскать и в Трелони. Вы же помните господина Дзя?

— Помню. Но как вы собираетесь задержать меня сейчас — один, раненный?

— Удерживаю же, — пожал плечами Эмрис.

— Вам так кажется.

Сквайр потянулся к вороту, будто затем, чтобы поправить галстук. Рукав его сюртука задрался, и на запястье блеснул золотом браслет.

«Артефакт!» — поняла Гвен. Чувства обострились, сконцентрировались на браслете, и сознание обожгло внезапным озарением: противомагическая защита!

— Эмрис, не надо!

Предупреждение опоздало. Маг уже собрал силы для заклинания и направил его на Линтона. Артефакт, как зеркало, отразил удар, и мощная волна вместо того, чтобы снова вдавить убийцу в стену, отхлынула назад. Гвен оторвало от Эмриса и толкнуло в сторону. Налетев на стул, она упала на пол. Тут же попыталась встать. Голова кружилась, перед глазами все поплыло... Но хуже всего, что Линтон, не теряя времени, подобрал пистолет...

Происходящее словно замедлилось, подернулось туманной дымкой.

Гвен видела, как Линтон поднимает руку.

Видела, как Эмрис, оглушенный, как и она, но все же устоявший на ногах, тянется за своим оружием. Медленно, слишком медленно...

Видела огненную вспышку...

Громкий звук выстрела вдребезги разбил замедленный мир, и время понеслось вскачь.

Не успев достать пистолет, Эмрис рухнул на спину.

Гвендолин вскрикнула. Бросилась к нему и остановилась, увидев прямо перед собой темное дымящееся дуло...

— Ему уже не помочь. — Голос Линтона звучал так холодно, что от него мороз пробежал по коже. — Но для вас еще не все потеряно.

— Все, — убито прошептала Гвен, глядя сквозь слезы на распростертое на полу за спиной сквайра тело. Взгляд задержался на безвольно разжавшихся бледных пальцах. Она надеялась заметить хоть слабое движение, но — тщетно...

— Слушайте меня, — приказал Линтон.

— Нет! — взвилась Гвендолин. — Это вы меня слушайте! Вы! Убийца! Вам все равно не уйти от расплаты! Выстрел слышали в деревне, сюда придут и...

Хлесткая пощечина заставила ее умолкнуть.

— Придут, — мрачно согласился Линтон. — Вам решать, как все объяснить. Первый вариант: Торнбран ворвался в школу, домогался вас, угрожал, пытался убить, и я застрелил его, защищая вас... В это поверят. Моя репутация против его репутации — тут перевес очевиден. После этого мы уедем отсюда, и завтра же вы станете моей женой.

— Ни за что.

— Что ж, тогда второй вариант. Торнбран ворвался в школу, домогался вас, угрожал и... убил. А я вынужден был убить его. В это тоже поверят. Так что думайте, Гвен.

Она прикрыла глаза, не желая видеть Линтона, и сконцентрировалась на браслете на его руке. Сильный, очень сильный артефакт, вот только — к несчастью для сквайра и к удаче для Гвендолин — не привязанный к не обладающему магическим даром хозяину. Служит ему лишь потому, что не знает иного владельца.

Гвен собралась с силами и отдала браслету приказ.

Линтон взвыл от внезапной боли и выронил пистолет. Пока он с проклятиями пытался стащить с запястья раскалившийся артефакт, Гвендолин кинулась к двери. Нужно выбежать из школы и свернуть в ближайший переулок, обратиться за помощью к первому встречному или

сразу бежать к Криспину...

Входная дверь оказалась заперта. Видимо, Эмрис закрыл ее, когда пришел, и забрал ключ на случай, если Линтон попытается сбежать.

«Шар, — пронеслось в голове у Гвен. — Шар закатился под кровать... Нужно достать его. Он защитит...» Нет, она не думала о спасении. Ей хотелось лишь, чтобы этот человек не остался безнаказанным. Чтобы о его преступлениях узнали. Чтобы его наветы не очернили имя Эмриса.

Спотыкаясь на ступеньках, она побежала вверх по лестнице. Влетела в свою комнату и, опустившись на колени, заглянула под кровать. Артефакт действительно закатился в самый дальний угол и лежал там, запутавшись в паутине.

Гвен проползла на локтях и протянула руку. Теплый каменный шар знакомо лег в ладонь. По телу прошла успокаивающая волна... И в тот же момент Гвен схватили за ногу и с силой выдернули из-под кровати.

Перевернувшись на спину, она размахнулась, намереваясь ударить нападающего шаром, как когда-то ударила Белинду, но Линтон, вытащив ее, тут же отступил, и удар пришелся по воздуху.

— Жаль, Гвен. — Убийца тяжело вздохнул, в его глазах была неподдельная боль. — Мне действительно очень жаль.

Прижав к груди шар, она смотрела, как он поднимает обожженную руку с оружием, но страх победил, и Гвендолин, не выдержав, зажмурилась.

— Ваш артефакт защищает от ядов, — с грустью в голосе напомнил Линтон. — И от колдовства. Но не от пуль.

«Не от пуль», — запоздало вспомнила Гвен.

Грянул выстрел.

«Смерть — это совсем не больно», — успела подумать она, прежде чем рядом упало что-то тяжелое. Следом послышался вздох... или стон...

Гвен открыла глаза, и радостный крик застрял в горле.

— Некоторых жизнь ничему не учит... — Эмрис стоял, привалившись к дверному косяку, и прижимал руку с пистолетом к темному кровавому пятну на боку. — Хотя бы во второй раз можно было проверить, убил или нет? — Он слабо усмехнулся и перевел взгляд на распростертого на полу Линтона. — Вот я проверю.

Эмрис с трудом подошел к неподвижно лежащему убийце, провел над ним рукой, а затем без слов стащил со стола скатерть, чтобы накрыть тело.

— Артефакты у него, — проворчал, подходя к Гвен. — Зато у меня — собственный артефактор, а это лучше любых оберегов... да?

Онемев от счастья, она могла только кивать в ответ. А когда маг со

стоном опустился на пол рядом с ней и подставил здоровое плечо, прижалась к нему и расплакалась от облегчения.

— Эй, что за слезы? — Он шутливо дунул ей в лицо. — Я опять поступил не как герой? Ну, прости. Арчибальд, конечно же, вызвал бы Линтона на честный бой и сразился бы с ним по всем правилам, но я решил не растягивать действие еще на две главы. — Кряхтя от боли, он порылся в кармане и протянул Гвен открытую коробочку, в которой на темном бархате сверкало кольцо. — Давай сразу эпилог и «жили они долго и счастливо»?

ЭПИЛОГ

— А после того как преступник предстал перед судом, Арчибальд отправился с Кэтрин к ее опекуну, чтобы просить руки прекрасной альды... Восхитительно, не правда ли?

Юная девушка, заливаясь премилым румянцем, прижимала к груди недавно прочитанную книгу, содержание которой только что пересказывала подругам по путешествию. Те из них, которые были так же молоды, внимали с восторгом. Дамы постарше отвечали скептическим хмыканьем. Гвендолин улыбалась, по привычке поглаживая лежащий в кармане каменный шар.

— Восхитительно, да, — сухо прокомментировала сидевшая рядом с ней супруга первого помощника. — Но следует отделять правду от вымысла. В жизни, милая моя, — она посмотрела на рассказчицу, — подобных мужчин не встретишь. Должно быть, потому эти романы и имеют такой успех. Как думаете, альда Торнбран?

— Да-да, конечно, — рассеянно согласилась Гвен, глазами выискивая супруга в собравшейся у борта компании мужчин.

За два месяца путешествия женское общество межокеанского судна «Жемчужная королева» немало ее утомило. Для нее не было секретом, что эти дамы шепчутся за ее спиной, высмеивают наряды, вышедшие из моды за то время, что они с Эмрисом прожили в колониях, осуждают кажущийся им вульгарным приобретенный там загар, а после того как чья-то горничная, выйдя зачем-то на палубу среди ночи, застала альду Торнбран целующейся с собственным мужем, за Гвен окончательно утвердилась репутация легкомысленной особы. И это они еще не знали, что она — автор тех самых популярных романов, изданных под псевдонимом в прошлом году. Однако стоило Гвендолин покинуть каюту, как они слетались к ней, словно мухи на мед.

К счастью, через неделю это должно было закончиться. Их с Эмрисом затянувшееся свадебное путешествие подходило к концу. Они покинули королевство сразу же после суда, на котором сестру Карлиона Линтона, ее мужа и еще нескольких человек, участвовавших в подделке финансовых документов Фергала Брунмара, признали виновными и приговорили к тюремному заключению соразмерно величине их преступлений. Теперь же альд и альда Торнбран возвращались домой, где их не было больше года.

Гвендолин предвкушала встречу с подругами и надеялась, что те так

же счастливы со своими избранниками, как и она. Джесмин вышла замуж через месяц после Гвен. Но не за Криспина. После Праздника весны, где этих двоих выбрали королем и королевой, она стала проводить больше времени с Тилем, и в итоге оказалось, что друг детства уже больше, чем друг. Вскоре обвенчались и Гвенда с Домиником. Гвендолин и Эмрис побывали и на их свадьбе, но проходила та не в столице, а в провинциальном имении семьи Доминика, так что со своим опекуном Гвен так и не встретила. Переписку с ним вел Эмрис, который, смешав правду и ложь, сумел оправдать подмену интересами тайного следствия. Благо, Гвенду не успели представить в свете как Гвендолин Фолстейн, и репутация родственника никак не пострадала, а в качестве компенсации за обман Эмрис вернул ему деньги, потраченные на обучение Гвен в пансионе, и отказался от ее приданого. Так что претензий дядюшка не имел, как и желания поддерживать родственные связи. В последнем Гвен была с ним солидарна. С большим удовольствием она продолжила бы знакомство с четой Ристонов, которых Эмрис представил ей на свадьбе. Гвен подумала, что они с Алитой могли бы подружиться, и она из первых уст узнала бы историю, которая должна была лечь в основу ее нового романа.

Но прежде всего требовалось дожить до конца путешествия.

Когда ей наконец-то удалось перехватить взгляд мужа, Гвендолин страдальчески возвела глаза к парусиновому навесу, скрывавшему от солнца выставленные на палубу чайные столики. Не прошло и минуты, как Эмрис был рядом.

— Мое почтение, — раскланялся он с дамами. — Прошу меня простить, но я украду у вас альду Торнбран. Нужно обсудить... кое-что...

Отведя Гвен подальше от шушукающих кумушек, он сочувственно вздохнул:

— Они совсем тебя измучили. Ты даже выглядишь нездоровой.

— Мне нехорошо, — призналась Гвен. — Пожалуй, лучше вернуться в каюту и прилечь.

— Прежде ты легко переносила качку, — удивился Эмрис.

Гвендолин смущенно отвела взгляд.

— Не думаю, что это из-за качки, — пробормотала она. — Точнее, я уже почти неделю уверена, что это совсем не из-за качки.

— Ты заболела? — встревожился муж.

Гвен тяжело вздохнула.

— Альд Торнбран — вы болван! — произнесла она с чувством.

— Отчего это... — начал Эмрис и осекся. — Ты... Это точно?

— Думаю, да, хотя с доктором я пока не говорила. Ты не рад?

— Я? Нет. Не знаю... Наверное, я просто оказался не готов к такому... приключению. — Он задумался на несколько секунд, показавшиеся Гвен мучительной вечностью, и неожиданно задорно улыбнулся: — С другой стороны, настоящие приключения тем и хороши, что к ним никогда не бываешь готов. Может быть, это приключение понравится нам настолько, что мы отважимся его повторить? Только, если родится мальчик, не мечтай, что мы назовем его Арчибальдом. Хотя...

notes

Примечания

В романе использованы стихи Светланы Казаковой. — *Здесь и далее примеч. авт.*

«Грошовые ужасы» — дешевые журналы со страшными историями.

Баргест — мифическое существо из английского фольклора. Чаще всего принимает вид черного пса с горящими глазами, огромными когтями и клыками. Согласно поверьям, встреча с баргестом приносит несчастья и скорую смерть.